

ЯНУАРИЙ
TEEN

ТРИ МЕТРА НАД НЕБОМ

Федерико
Моччина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ»
МОСКВА

Annotation

На улице встретились двое – Баби и Стэп. Баби – отличница, девушки ее круга носят Опух и говорят о последних веяниях моды. Стэп – парень из уличной банды, днем он сидит с друзьями в баре или жмет гири в спортзале, а вечерами носится по городу на мотоцикле или гоняет шары в бильярдной. Они из разных миров, но они полюбили друг друга. Теперь Баби не узнают даже родители, а Стэп внезапно открывает в себе качества, которые совсем не вяжутся с образом грубого мачо...

- [Федерико Моччиа](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
-

Федерико Моччиа
Три метра над небом

«У Кати жопа лучше всех в Европе». Алая надпись нахально пламенеет на колонне эстакады над корсо Франча.

Каменный орел, сидящий рядом, наверняка знал, кто это сделал, но сказать не мог.

А чуть ниже, словно орленок, укрытый хищными когтями мрамора, сидел он.

Короткие. Почти ежиком, волосы, высокий воротник, как у морского пехотинца, темная куртка Levi's.

Воротник поднят, сигарета в зубах, очки Ray-Ban. Вид суровый, хоть и нет в этом нужды. Улыбка у него чудная, но мало кому удавалось ее увидеть.

Несколько машин внизу, под эстакадой, притормаживают перед светофором. Выстроились в ряд, как на соревновании, хотя все такие разные. Двухсотый, New Beatle, Micra, американская (не разберешь, какая), старый Fiat Punto.

В двухсотом Mercedes худенький палец с обгрызенным ногтем нажимает на кнопку. Из колонок выплескивается голос какого-то рок-певца. Машина вновь вливается в поток. Вот бы знать, «Where is the love...». И вправду ли любовь существует? Сейчас ей хотелось только одного: чтобы сестра на заднем сиденье перестала беспрестанно напевать: «Дай мне любовь, я хочу любви».

Mercedes промчался мимо, как раз когда докуренная сигарета упала на землю, отброшенная точным щелчком и порывом ветра. Он спускается по мраморным ступеням, одергивает джинсы и вскакивает в седло синей Honda VF 75 °Custom. Как по волшебству всклинивается между машин. Правая нога обута в Adidas, переключает скорости, запускает мотор, и он как на волне влетает в общий поток.

Восходит солнце, чудесное утро. Она едет в школу, а он не ложился с прошлой ночи. День как день. Но на светофоре они останавливаются бок о бок. И день не будет похож на другие.

Красный.

Он смотрит на нее. Стекло опущено. Прядь светлых, пепельного оттенка волос приоткрывает нежную шею. Легкий, но решительный профиль, голубые глаза, взгляд ясный и ласковый, веки полуопущены, она наслаждается песней. Эта безмятежность поражает его.

– Эй!

Она удивленно поворачивается к нему. Он улыбается, остановив мотоцикл рядом, у него широкие плечи и чересчур загорелые для середины апреля руки.

– Хочешь прогуляться со мной?

– Нет, я еду в школу.

– Ну так не едь, пропусти. Я тебя заберу у школы.

– Извини, – она улыбается натянуто и фальшиво. – Я не так выразилась. Я не хочу с тобой встречаться.

– Со мной весело.

– Сомневаюсь.

– Тебе ни о чем не надо будет беспокоиться.

– А я и не беспокоюсь.

– А в этом уже я сомневаюсь.

Зеленый.

Mercedes срывается с места, и его самоуверенная улыбка гаснет. Отец поворачивается к ней:

– Кто это? Твой знакомый?

– Нет, папа, кретин какой-то.

Через несколько секунд Honda снова рядом. Он облачивается на стекло, правая рука легко касается газа, как будто он еще заботится о безопасности.

Беспокоится только отец.

– Что это за негодяй? Почему он подъехал так близко?

– Папа, успокойся, я сама с ним разберусь.

Она решительно оборачивается к парню.

– Слушай, тебе что, делать больше нечего?

– Нечего.

– Ну так найди чем заняться.

– Я уже нашел.

– И что же?

– Прогуляться с тобой. Я тебя привезу к «Олимпиаке», на мотоцикле мы быстро доберемся, потом позавтракаем, а потом я тебя доставлю в школу к концу занятий. Обещаю.

– Не верится что-то в твои обещания.

– Ну же, – улыбается он, – ты уже столько обо мне знаешь, скажи правду, я ведь тебе понравился, да?

Она смеется и качает головой.

– Ну все, хватит, – и открывает учебник, извлеченный из кожаной

сумки Nike – я займусь тем, что мне и вправду беспокоит.

– Чем же?

– Экзаменом по латыни.

– А я думал, сексом.

Она устало отворачивается. Теперь она не улыбается даже притворно.

– Убери руку со стекла.

– А куда мне ее положить?

Она нажимает кнопку стеклоподъёмника.

– Я бы тебе сказала, да не могу при отце.

Стекло поднимается. Он ждет и отдергивает руку в последний момент.

– Еще увидимся.

Он уже не слышит ее сухого «НЕТ». Легко кренит мотоцикл вправо. Закладывает вираж, набирает скорость и быстро исчезает среди машин. Mercedes спокойно продолжает свой путь к школе.

– Да ты знаешь, кто он? – Голова сестры просовывается между сиденьями. – Его называют супер-парень.

– А по-моему, просто идиот.

Она открывает учебник по латыни и повторяет *ablativus absolutus*. Вдруг прерывается и смотрит вдаль. А о чем же она больше всего беспокоится? Уж во всяком случае, не о том, о чем говорил этот тип. И все равно они больше не увидятся. Она решительно принимается повторять дальше. Машина сворачивает налево, к школе Фальконьери.

«Мне не о чем беспокоиться, и я его больше не увижу».

Она не знает, как ошибается. В обоих случаях.

Бледная луна светит сквозь верхушку дерева.

Отдаленный шум. Из какого-то окна доносятся звуки медленной, приятной музыки. Ниже – белая разметка теннисного корта сияет в бледном лунном свете, дно пустого бассейна печально ждет лета. На первом этаже дома светловолосая невысокая девушка с лазурными глазами и бархатной кожей с сомнением разглядывает себя в зеркале.

– Тебе нужна черная майка от Онух?

– Не знаю.

– А синие брюки?

– Не знаю.

– Ты слаксы надевать будешь?

Даниела стоит в дверях, смотрит на Баби, на раскрытые ящики, разбросанную повсюду одежду.

– Тогда я возьму...

Даниела подходит, переступая через разноцветные Superga, разбросанные по полу, все тридцать седьмого размера.

– Нет! Не возьмешь, потому что я хотела!

– Я все равно возьму.

Баби резко поднимается, уперев руки в боки:

– Извини, но я даже не надевала...

– Могла и раньше надеть!

– Ага, а ты мне все растянешь?

Даниела насмешливо глядит на сестру.

– Чего! Шутишь? Да ты сама надела мою синюю юбку, и теперь я в ней болтаюсь, как карандаш в стакане.

– Ну и что? Ее растянул Малыш Бранделли.

– Чего? Тебя лапал Малыш, и ты мне ничего не сказала?

– Да нечего там рассказывать...

– Есть чего, судя по юбке.

– Ничего особенного. Помнишь, вчера я сказала маме, что пойду заниматься к Паллине?

– Так, и что дальше?

– Так вот я пошла в кино с Малышом Бранделли.

– Ну и?

– Фильм оказался так себе, да и парень, если приглядеться, тоже.

– Ну, ближе к делу. Как он залез тебе под юбку?

– Ну, фильм уже шел минут десять, а он все вертелся в кресле. Я подумала: ну да, кинотеатр неудобный, но, по-моему, Малыш перебарщивает. А потом он повернулся чуть-чуть и положил руку на спинку моего кресла. Слушай, а что если я надену костюмчик, зеленый, с пуговками спереди?

– Не отвлекайся!

– В общем, со спинки рука переползла мне на плечи.

– А ты что?

– А я ничего. Сделала вид, что не замечаю. Типа, фильм смотрю, как прибитая. И тут он притянул меня к себе и поцеловал.

– Тебя поцеловал Малыш Бранделли! Вау!

– Чего ты так кричишь?

– Ну, он же такой классный!

– Да, только воображает много... Все время перед зеркалом вертится, прихорашивается... Так вот, потом он решил меня завоевать окончательно. Купил мне мороженое. Мммм...вкуснятина. Я отвлеклась, и он начал шарить руками все ниже и ниже, слишком низко, по-моему. Я его отодвигаю, а он не шевелиться, схватился за юбку. Ну...и растянул.

– Вот козел!

– Ну да, он и не подумал перестать. А потом, знаешь, что он сделал? Расстегнул брюки, взял мою руку и направил вниз. Ну, туда, на свою штуку...

– Ого! Нет, он точно козел! А ты что?

– Пришлось пожертвовать мороженым. Сунула его прямо ему в расстегнутые штаны. Он аж подпрыгнул!

– Молодец! Ты его сделала!

Девчонки громко ржут. А затем Даниела под шумок увлакивает сестрин зеленый костюм.

В глубине дома, в кабинете, на мягком кашемировом диване Клаудио набивает трубку. Ему нравится эта возня с табаком, но, впрочем, это всего лишь компромисс. Ему больше не дают курить дома Мальборо. Жена его, заядлая теннисистка, и помешанные на здоровом образе жизни дочери всякий раз отбирали у него зажженную сигарету, так что он перешел на трубку.

– Клаудио, ты готов?

– Да, солнышко.

В маленькой ванной, между комнатами сестер, Даниела жирно подводит глаза.

– Накрасилась, как проститутка!

– Это из-за Андреа.

– Какого Андреа?

– Паломби. Я познакомилась с ним у школы. Он трепался с Марой и Франческой из четвертого. А когда они смотались, я ему сказала, что учусь с ними в одном классе. Я вот сейчас накрашена, так на сколько лет выгляжу?

– Ну да, ты выглядишь старше. Меньше пятнадцати не дашь.

– Но мне и так 15!

– Девочки, вы готовы?

Раффаэлла, стоя в дверях, включает сигнализацию. Быстро проскакивают Клаудио и Даниела, последней появляется Баби. Входят в лифт. Итак, вечер начинается. Клаудио поправляет узел галстука. Раффаэлла взбивает волосы. Баби одергивает темный с широкими плечиками жакет. Даниела смотрится в зеркало, уже зная, что встретит взгляд матери.

– По-моему, ты слишком сильно накружилась. Ладно, пускай, и так мы опаздываем, как всегда.

Фьоре, превратник, поднимает шлагбаум.

Мерседес ждет их.

Ребята с мотоциклами, мощными, как их мускулы. Ачи, Полло, Лукконе, Хук, Сицилиец, Банни, Стелло и другие. За этими прозвищами тянется дурная слава. Работать они не работают. А у некоторых и денег толком нет, но они постоянно оттягиваются и постоянно вместе. Собственно, этого им и хватает. Они не прочь на кого-нибудь наехать, и обычно одним лишь наездом дело не кончается. Они торчат здесь, на площади Джачини на Harley. Парни грезил этиими машинами, вздыхали по ним, и наконец добились своего – выклянчили у родителей. Ну, или вытащили из карманов кого-нибудь лоха – оставил бумажник в бардачке Scarabeo или во внутреннем кармане курточки Henry Luard – чего бы и не обчистить!

Они стоят неподвижно, ухмыляются, треплются о чем-то. У них крепкие руки со ссадинами и разбитыми костяшками – память недавней драки. Джон Милиус сходил бы по ним с ума.

Я тут узнал, что на виа Кассиа гулянка. В доме 1130. Это жилой комплекс – говорит Сkelло.

– А нас туда пустят?

– Я там одну знаю, – успокаивает Сkelло.

Визг тормозов, скрип покрышек – левый поворот. Кто-то проезжает, все тормозят на красный. А затем на полной скорости несутся на Кассиа.

Два года назад. Окрестности кофе «Флеминг».

– Привет, Стефано!

Ему на встречу идет Анализа, очаровательная блондинка с которой он познакомился в «Пайпер». Стефано останавливается.

– Что ты тут делаешь?

Да так, ничего. Занималась у друга, теперь вот еду домой.

И тут кто-то сзади сдернул с него шапочку.

– Десять секунд – и чтобы тебя здесь не было!

Перед ним стоит Поппи, мерзкий тип, старше его. Шапочка у него в руках. Модная между прочим шапочка. На Вилла Фламиния у всех такие. Цветная, связанная в ручную на спицах какой-нибудь девушки. Правда, это подарила ему мама – девушки у него еще не было.

– Слышал? Слил отсюда.

Анализа оглядывается вокруг, и сообразив пятится. Стефано слезает с мотороллера. Компашка Поппи подходит к нему. Они ржут, передавая друг

другу шапочку, пока она снова не оказалась в руках Поппи.

– А ну отдай!

– Не, вы слышали? Вот дает. Отдай – Поппи передразнивает его и все смеются. – Чего ты мне сделаешь, а? Врежешь, может? Ну давай. Давай врежь мне.

Стефано смотрит на него, но от ярости почти ничего не видит. Он замахивается, но руку тут же перехватывают сзади. Поппи перебрасывает шапочку кому-то рядом и бьет Стефано прямо в правый глаз, раскроив ему бровь. Потом тот ублюдок, что держит Стефано сзади толкает его вперед, на металлическую ставню кафе. Стефано с жутким грохотом валится грудью прямо на створку. На него тут же обрушивается града ударов. Потом его кто-то переворачивает. Он прижимается, совсем ошалев к этой ставне. Пытается прикрыться, но не получается. Поппи заводит ему руки за шею и держит, прижав к металлическим трубам ставни. Поппи бьет его по голове. Стефано пытается защититься как умеет, но его держат со всех сторон. Из носа течет кровь, где-то кричит женщина:

– Перестаньте, отпустите, вы же его убьете! Это наверное Анализа. Стефано пытается пинаться ногами, но ноги не слушаются. Вокруг только шум ударов. Даже почти не больно. Бегут взрослые, какие-то прохожие, владелица бара: «Убирайтесь от сюда!» Парней оттаскивают от него за майки, за куртки. Стефано сползает по ставне, падает на ступеньку. Перед ним его Vespa, поверженная как и он.

– Тебе плохо, мальчик? – красивая женщина наклоняется к нему. Стефано мотает головой. Мамина шапочка валяется на земле.

– Это ты, Стефано? Силуэт матери вырисовывается в дверях кабинета.

– Да мама, я иду спать!

Мать чуть приближается.

– Ты не заболел?

– Да нет, мам, все нормально.

Стефано хочет дойти до коридора, но мать его опережает. Щелкает выключатель, его заливают свет. Стефано застывает как на фотографии.

– О Господи! Джорджо, иди сюда, скорей!

Прибегает отец, мать испуганно касается подбитого глаза Стефано.

– Мама, мне же больно!

Отец разглядывает раны на руках, изодранную одежду, испачканную шапочку.

– Признавайся, тебя избили?

Его отец всегда внимателен к деталям. Стефано более или менее точно изложил, как было дело, и мать, не понимая по каким правилам живут

шестнадцатилетние, завела:

– Но почему ты не отдал им шапочку, я бы тебе связала другую...

Вызвали семейного врача, тот дал ему аспирин и отправил спать. Прежде чем заснуть, Стефано решил: больше никто не посмеет его избить. Поплатится всякий.

За стойкой концелярии сидит женщина с ярко-рыжими волосами, длинноватым носом и глазами навывкате. Да уж, не красавица.

– Здравствуй, ты записаться хочешь?

– Да.

– Имя?

– Стефано Манчини.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать, 21 июля будет.

– Адрес?

– Франческо Бендзиаичче 39.

– Телефон? Просто для отчетности...

– Ну уж не затем, чтобы играть в видео покер.

Глаза на выкате смотрят на него еще секунду, затем снова утыкаются в бланк.

– Сто сорок пять евро. Сто за запись, сорок пять ежемесячная плата.

Стефано кладет деньги на стойку.

Женщина сует их в папку на молнии и кладет их в верхний ящик стола. Затем, прижав печать к губке, пропитанной чернилами, решительно оттискивает на пропуске: «Будокан».

– Плату вносить в начале месяца. Раздевалка этажом ниже. Мы работаем до девяти вечера.

Первые недели минуют, становятся легче, уже не так болят плечи, руки стали толще. Он начинает увеличивать вес, ноги тоже укрепляются. Меняет питание. Утром – Протеиновый коктейль, яйцо, молоко, печень трески. На обед немного пасты и бифштекс с кровью, пивные дрожжи и пророщенные зерна. Вечером – в спортзал. Всегда. Чередовать упражнения, один день – на верхние отделы, другой – на нижние. Мышцы сходят с ума от нагрузки. Отдых им – только в воскресенье, очень по-христиански. А в понедельник снова к барьеру. Килограмм за килограммом, неделя за неделей, шаг за шагом – поэтому его прозвали Ачи. Он подружился с Полло и Луконе и со всеми в спортзале.

И был день. Прошло восемь месяцев. Поппи со своей кодлой сидят перед кафе «Флеминг», ржут, прикалываются, хлещут пиво. Кто-то ест

пиццу с помидорами, с пылу с жару, облизывая стекающий с помидоров сок. Кто-то курит.

И Аннализа тоже там. С того самого вечера она не звонила, не искала с ним встречи. Но это ничего. Ачи не такой, он не станет хныкать от одиночества. С того самого дня он ничего не слышал об этой шайки. И вот настал день, и он, немного взволнованный, пошел их искать.

– Эй, Поппи, чувак, как жизнь?

Поппи глядит на этого странного чужака, что идет прямо на него. Что-то в нем есть знакомое...может, глаза...или цвет волос? Может, черты лица? Нет, не вспоминается. Он хорошо сложен: мощные руки, отличный торс. Ачи поймав вопросительный взгляд, улыбается, наслаждаясь.

– Мы кучу времени не виделись, так ведь? Как жизнь-то?

Ачи дружески обнимает Поппи за плечи.

– Извени, чувак, я что-то тебя не припомню.

– Ты меня прямо огорчаешь. Погоди-ка. Вот – узнаешь? – он достает из кармана джинсов шапочку.

Поппи изучает этот старый кусок шерсти, затем переводит взгляд на лицо этого ухмыляющегося типа. Глаза...Волосы...Ну конечно! Это тот лошок, которому он когда-то навешал.

– Что, память-то девичья? Приветик Поппи – Ачи притягивает его к себе и сразу, мощным ударом – разбивает ему нос.

Ачи уже сидит на нем верхом, держа его за горло. И лепит ему правой – удар, еще удар – сверху донизу, разбивает бровь, губу.

Отступает на шаг – и пинает в жирное брюхо, в солнечное сплетение, так, что тот задыхается.

Кто-то из дружков Поппи пытался влезть, но Сицилиец быстро их тормозит: «Э, слышь ты, остынь, сиди, не дергайся».

Поппи на земле, Ачи охаживает его ногами – по груди, по животу. Поппи пытается свернуться, закрыться, но от ударов Ачи не уйдешь. Он бьет везде, где можно, потом начинает топтать. Размахивается – и каблуком его, каблуком. Сильно, спокойно – по ушам (тут же раскрыл), по ногам, по ребрам, почти запрыгивая на врага всем весом. Поппи отползает от ударов, двигаясь скачками, канючит жалобно: «Перестань, ну перестань, ну хватит!» – захлебывается кровью в горле, сплевывает слюну, что течет с рассеченной, кровоточащей губы. Ачи останавливается. Восстанавливает дыхание, попрыгав, смотрит на врага – поверженного, разбитого. Резко поворачивается и бросается на блондина за спиной. Это он держал его сзади – восемь месяцев назад. Бьет его локтем в раскрытый рот, бросившись всем телом. Три зуба выбиты. Два падают наземь. Ачи

подсекает его под колени. Охаивает по морде кулаками. Схватив за волосы, тянет его к земле. И тут его вдруг обхватывают сильные руки. Это Полло. Подхватив под мышка поднимает: «Все, хватит, Ачи, сваливаем, ты же его убьешь так.»

Душная комната, из огромных окон виднеется «Олимпиада». Картины на стенах, одна, точно, кисти Фантуцци. Четыре колонки по углам исторгают звуки хорошо сведенного диска. Музыка опутывает гостей, в разговоре все отбивают темп.

– Ой, Дани, а я тебя и не узнала. Ты как Бонопани, та дура из третьего «б», она еще утром явилась вся перемазанная, – говорит Джулия.

– Ты прямо-таки сама любезность.

– Ну мы же с тобой подруги?!

Джулия наклоняется вперед:

– Поцелуемся и помиримся?

Даниела улыбается. Только хотела поцеловать подругу – как вдруг за ее спиной появился Поломби.

– Андреа!

Она отрывается от щеки Джулии, надеясь применить свое умение на его губах.

– Привет, как жизнь?

Андреа мешкает с ответом:

– Да ничего, а у тебя?

– Отлично!

Они обмениваются поспешным поцелуем. Он идет поздороваться с каким-то своим другом. Джулия подходит к Даниеле и улыбается, стоя рядом:

– Не беспокойся, это он перед другими выпендривается.

Они еще некоторое время глядят ему в след. Андреа говорит с кем-то, потом поворачивается, снова глядит на нее – и неожиданно расплывается в улыбке. До него наконец дошло.

– Вот черт! Ты так покрасилась... Я тебя просто не узнал!

Баби идет по залу. Кто-то из девочек танцует. В углу самодеятельный диджей пытается потягаться с диджеем Франческо, ставя без всякого успеха рэп. Одна девочка отрывается в танце, выбрасывая вверх руки.

Баби улыбаясь, качает головой.

– Паллина! (Катина)

Оборачивается – круглое лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами и диковатой челкой сбоку.

– О, это ты, Баби! – подбегает к ней, обнимает, целует, едва не оторвав

от земли. – Как жизнь?

– Лучше всех. Ты к латыни подготовилась? Имей в виду, завтра тебя спросят. Только ты и осталась.

– Да знаю, знаю, я весь день учила, но потом надо было поехать с мамой в центр. Смотри, что я купила, как тебе? – она делает пируэт, подходящий скорее для балерины, чем для манекенщицы, чтобы раздуть миленький комбинезон из синего атласа.

– Не плохо...

– Привет, Баби, – к ним подходит симпатичный молодой человек с черными кудрями и белой кожей.

– Привет, Демо, как жизнь?

– Лучше всех. Ты видела, какой у Паллины комбинезон?

– Да. И если не принимать во внимание мою теорию, то ей очень идет. Пойду поздороваюсь с Робертой, – улыбнулась Баби, – я ее еще не поздравила.

Она уходит, Демо смотрит ей вслед.

– А что это за теория, о чем она?

– Да так, фигня всякая... У нее тысяча теорий и никакой практики. Ну почти что.

Паллина смеется, затем переводит взгляд на Дему. Их взгляды на мгновение встречаются. Возможно, на этот раз они не правы.

– Пойдем потанцуем... – Паллина тянет его к танцующим.

– Привет Роди, поздравляю!

– О, привет, Баби – они от всей души обмениваются поцелуями.

– Тебе понравился подарок?

– Чудесный, правда. Как раз то, что я хотела.

– Мы знали... это я придумала. Но ты как забивала на первые уроки, так и забиваешь, хотя вроде и живешь не так далеко.

За спиной появляется Малыш Бранделли.

– Что это вы тут делаете?

Баби оборачивается с улыбкой, но, увидев Бранделли, скисает.

– Привет, Малыш.

– Ты знаешь, мне подарили замечательный радио-будильник!

– Да, правда, очень миленький.

– А знаешь, Малыш мне тоже такой замечательный подарок сделал!

– Неужели? И что же это?

– Подушку, всю в кружевах. Я ее уже даже на кровать положила.

– Ты поаккуратнее, а то еще попросит ее опробовать, – и, одарив Бранделли натянутой улыбкой, Баби уходит на террасу. Роберто смотрит ей

в след.

– Мне правда понравилась подушка. Очень. На самом деле, она не прочь опробовать ее – с ним.

Малыш улыбается ей:

– Я верю, верю. Извини, но мне пора.

– Но... подожди, скоро пасту подадут! – кричит она вслед, пытаясь хоть как-то его остановить.

На выложенной кирпичами террасе стоят мягкие кресла со светлыми подушками, расшитыми цветами, навес из вьющихся растений, рассеянный свет ламп струится из-за побегов. Баби прогуливается. Свежий ночной ветерок играет ее волосами, ласкает кожу, уносит аромат духов и заставляет слегка дрожать.

– Что мне сделать чтобы ты меня простила?

Баби тихонько улыбается, кутаясь в жакет.

– Не спрашивай. Не зли меня.

Малыш подходит к ней:

– Такая чудесная ночь... Глупо тратить ее на ссоры.

– А мне нравится ссориться.

– Я заметил.

– Но мне нравится и мириться. Даже больше нравится. Но сейчас, не знаю, почему, но я не могу тебя простить.

– Почему ты не знаешь, что выбрать? Тебе и хочется, и колется? Как всегда! Как у всех женщин.

– Вот эти «все женщины» меня больше всего и бесят. – Баби смеясь бросается на него: – Ну ты и козел!

Малыш перехватывает ее руку:

– Стоп. Шутка это. Мир?

Их лица так близко. Баби смотрит в его глаза: такие красивые, и улыбка тоже красивая.

– Мир, – она тоже сдается.

Малыш притягивает ее к себе и нежно целует в губы. Поцелуй грозит стать затяжным, но тут Баби отрывается от него и оборачивается взглянув на улицу.

– Какая прекрасная ночь, взгляни на луну!

Малыш, вздохнув, возводит глаза к небу. Баби глядит вдаль. Дома, крыши, луга на окраинах, вереницы высоких сосен, длинная улица, свет фар, отдаленный шум. Если б она лучше видела, то разглядела бы, как парни едут наперегонки, хохочут, сигналият. Может быть, она бы узнала того типа на мотоцикле. Это он подъехал к ней утром, по дороге в школу.

В том же городе.

Официант в безупречном белом смокинге лысоватый, полноватый и слегка взапревший, обходит гостей с серебряным подносом. Нет – нет да высунется рука угоститься легким коктейлем с плавающими фруктами. Иная рука, еще быстрее, возвращает пустой бокал. На ободке отпечаток губ. Сразу видно, что пила женщина, можно даже понять, какие у нее губы. Официант думает: должно быть, забавно узнавать женщин по одним только бокалам. Вроде эротических отпечатков пальцев. Возбужденный от этой мысли, он входит в кухню, но там его фантазии в стиле Шерлока Холмса тут же улечиваются. Кухарка обругала его за то, что он все не придет забрать подносы с поджаренными овощами.

– Дорогая, ты чудесно выглядишь.

В гостиной дама с пережженными краской волосами обернулась к подруге, улыбается, поддерживая игру:

– И как это у тебя получается?

– У меня завелся обожатель.

– Да ты что? И кто он?

– Пластический хирург.

Обе смеются.

Клаудио вытаскивает пачку Marlboro и закуривает. С наслаждением вдыхает, смакуя, дым.

– У тебя такой красивый галстук!

– Спасибо.

– Тебе очень идет, на самом деле.

Клаудио гордо демонстрирует бордовый галстук, затем инстинктивно прячет сигарету и ищет глазами Раффаэлла. Оглядевшись, он замечает много новоприбывших, приветствует их улыбкой и, не найдя жену, успокоенно затягивает снова.

– Неплохо, правда? Раффаэлла подарила.

На низком столике слоновой кости в серебрянных мисочках оливки и фисташки. Холеная рука с ухоженными ногтями роняет две ровные скорлупки.

– Я так беспокоюсь за свою дочь!

– Отчего?

Раффаэлле удалось соорудить заинтересованную мину, и Марина

продолжает свои излияния.

– Она встречается с отвратительным типом – бездельником, все время торчит на улице.

– И давно они встречаются?

– Вчера отметили полгода. Мне сказал сын. И знаешь, что они сделали, нет, только представь себе!

Раффаэлла оставляет в покое слишком твердый орешек. Теперь ей стало интересно.

– Нет, не знаю.

– Он повел ее в пиццерию. Нет, ты представляешь?! В пиццерию на Витторио!

– Ну что же, сами не заработают, а родители...

– Это-то да, но кто знает, кто его родители... И подарил ей двенадцать розочек – мелкие, страшненькие, не успеешь до дому донести – осыпятся. На светофоре, наверное, купил. Сегодня утром на кухне спрашиваю: откуда это кошмар? Она мне: «Мама, только попробуй их выбросить!» Представляешь? Когда она пришла из школы, и духу их не было! Я свалила все на Зию, нашу прислугу – филиппинку, а Глория раскричалась и убежала, хлопнув дверью.

– Может, не стоит так уж ей мешать, как бы не было хуже, она может совсем заипрямится.

Оставь их в покое, все равно по-своему сделают. Если уж тебе не все равно... Ну, так она вернулась?

– Нет, позвонила и сказала, что будет ночевать у Пиристи – такая пухленькая блондинка, дочь Джованны. Муж – администратор «Серфим», а она вся в подтяжках. Разумеется, она может себе позволить...

– Что, правда? А так и не скажешь...

– Там какая-то новая технология, швы за ушами. Совсем ничего не заметно. Может Глории пойти куда-нибудь с Баби? Я была бы так рада...

– О чем ты говоришь, конечно! Я скажу Баби, чтобы она позвонила.

Наконец Раффаэлла одолела фисташку. Этот орешек было легче почистить чем другие. Она сплюнула кожуру – непростительная вольность.

– Филиппо, Раффаэлла сказала, что попросит Баби взять как-нибудь Глорию с собой.

– Спасибо, очень мило.

Филиппо, молодому еще мужчине со спокойным лицом, фисташки куда интереснее, чем романы дочери.

– Привет, Клаудио.

– Прекрасно выглядишь.

С улыбающихся уст скрывается «спасибо», и задев его, волосы, выкрашенные хной по крайней мере за сто пятьдесят евро, удаляются. Интересно, она это нарочно? Он представляет, как длинное платье соскальзывает вниз, воображает, какое нижнее белье она носит. Теперь Клаудио засомневался: а есть-ли вообще хоть какое-то?

И тут он замечает: идет Раффаэлла. Напоследок затягивает и тушит сигарету в пепельнице.

– Скоро начнется игра. Пожалуйста, не делай как обычно. Если не идет карта и не можешь набрать джин «стучи».

– А если придется «подрезать»?

– Стучи, если у тебя меньше очков.

Клаудио сдержанно улыбается жене:

– Да, дорогая, как скажешь, – сигарета прошла незамеченной.

– Кстати, я же говорила тебе не курить!

– Не прошла.

Роберта в восторге: ей уже восемнадцать, и на вечеринке все идет как надо. Звонит домофон.

– Я подойду, – Роберта бежит к домофону, опередив парня с тарелочкой пирожных.

– Привет, Франческа у вас?

– Какая Франческа?

– Джакомини, такая светленькая.

– Да, а что ей передать?

– Ничего, открой мне. Я её брат, пришел ключи оставить.

Роберта нажимает на кнопку домофона, затем, чтобы убедиться, что дверь вправду открыта, жмет снова. Идет на кухню, берет из холодильника две большие бутылки кока-колы и несет их в гостиную. Ей навстречу попадает блондинка, она беседует с парнем с зализанными волосами.

– Франческа, там твой брат пришел...

– А... – только и вымолвила Франческа, – спасибо. – И осталась стоять с открытым ртом. Зализанный слегка вышел из равновесия и впал в ступор.

– Что-то не так, Франче?

– Нет, нет, все в порядке. Только вот у меня нет никакого брата.

– Вот, это здесь, – Сицилиец и Хук читают табличку над звонком на четвертом этаже. – Ну не идиоты?

Скелло жмет на кнопку звонка.

Дверь тут же распахивается.

Роберта стоит в дверях, изучает накачанных, встрепанных ребят. Одеты они немного... небрежно, если можно так выразиться.

– Что вы хотели?

Скелло выдвигается вперед:

– Я пришел к Фтемранческе. Я её брат.

И как по заказу, Франческа появляется у дверей в сопровождении зализанного.

– О, вот и твой брат.

Роберта уходит. Франческа испуганно смотрит на компанию.

– И кто же из вас мой брат?

– Я! – вскидывает руку Луконе.

Полло не отстаёт:

– И я, мы близнецы, как в том фильме со Шварценеггером. В роли

придурка – он, – все ржут.

– И мы тоже братья! – одна за одной поднимаются руки, – мы очень любим друг друга!

Зализанный мало что понимает и делает выражение лица, наилучшим образом подходящее к его прическе.

Франческа отводит Сkelло в сторону:

– Ну какого черта ты приперся со своей компанией?

Полло ухмыляется, одергивая куртку. Без особого успеха.

– По-моему, эта вечеринка смахивает на похороны. Давай-ка оживим её. Ну что ты такая злая?

– Это кто тут злой? А ну, уходите быстро.

– Так, Ске, мне уже скучно, дай пройти, – Сицилией протискивается мимо Франчески.

До зализанного вдруг доходит, кто это такие. С лучиком понимания на лице он устремляется в гостиную к приглашенным. Франческа пытается остановить компанию:

– Сkelло, не надо, уходите...

– Извините, разрешите пройти...Извините...

Никем не остановленные входят все: Хук, Луконе, Полло, Банни, Степ и остальные.

– Ну, Франче, подумаешь, пришли, что случилось-то?

Сkelло берет её под руку.

– В конце концов, ты тут вообще с краю. Это же твой брат притащил с собой дружков, – и будто боясь, что кто-нибудь сбежит, прикрывает дверь.

Сицилиец вместе с Хуком направляются к накрытому столу, пожирают бутерброды с маслом и колбасой, глотают их не жуя. Почти наперегонки. Затем принимаются за тартинки попеременно с пирожными с кремом и шоколадками. Сицилиец давится. Хук бьет его по спине так сильно, что Сицилиец кашляет, и объедки летят на блюда. Сkelло ржет как сумасшедший, а Франческа уже напугана по-настоящему.

Банни прогуливается по гостиной. Он, как антиквар, берет разные мелкие вещи и безделушки, проверяет на серебре пробы и складывает все в карман. Вскоре курильщикам пришлось стряхивать пепел в горшки с цветами.

Поло весьма профессионально отправился на поиски спальни матери. И нашел. Она привычно закрыта на ключ. На два оборота, только вот ключ торчит в двери. Наивные. Полло открывает дверь. Сумки девочек лежат рядом на кровати. Полло начинает, не торопясь, потрошить одну за другой.

Кошельки почти все с деньгами, неплохой праздничек: богатенькие семейки, ничего не скажешь. В коридоре Хук пристаёт к подруге Паллины с тяжеловесными ухаживаниями. Не такой зализанный, как другие, парень пытается продемонстрировать какие-то остатки воспитания. Он вступает в переговоры. Но его срубают на полуслове пятерней по лицу, а это потяжелее, чем те разговорчики, которые достались его подруге. Хук не выносит проповедей. Его папаша, адвокат, очень любит поговорить, а сыночек точно так же ненавидит законы.

Паллина, вероятно, от волнения, замечает, что у неё что-то не так, и находит предлог:

– У меня тушь размазалась, пойду поправлю макияж.

Честно говоря, это больше подходило тому молча удаляющемуся типу, которого тянет за руку подруга, а на лице отпечатались пять Хуковских пальцев.

Полло вытряхивает посленую суму.

– Блин, ну жмотство! Сумочка не копейки стоит, идешь на такую вечеринку, а с собой всего десять евро. Нищая, что ли?

Он уже собирается уйти, когда замечает, что на подлокотнике кресла, полускрытая жакетом в колониальном стиле, висит еще одна сумка. Он берет её. Красивая сумочка, элегантная и тяжелая, с хорошо выделанной ручкой и двумя кожаными шнурками вместо застежки. Там, должно быть, что-то ценное, если хозяйка озаботилась тем, чтобы её спрятать. Полло развязывает узел, проклиная свою привычку обгрызать ногти под корень. Наконец узел поддается. И тут открывается дверь. Полло прячет сумку за спину. Входит улыбающаяся черноволосая девушка. Останавливается, увидев его.

– Закрой дверь.

Паллина повинуется. Полло достает сумку и начинает в ней рыться. Паллина принимает вид «как-мне-все-надоело». Полло замечает, что она смотрит на него.

– Ну, и что тебе тут понадобилось?

– Моя сумка.

– И чего стоим? Бери.

Полло указывает на кровать, где валяются опустошенные сумки.

– Не могу!

– Это почему?

– Потому что её забрал один придурок.

– А-а, – ухмыляется Полло. Внимательно оглядывает девушку. Миленькая брюнетка с челкой, губки сложены в раздраженную гримаску.

Да, у неё юбка в колониальном стиле. Полло находит кошелек, берет его себе.

– На, держи, – бросает он её сумку. – Сразу бы попросила...

Паллина ловит сумку на лету. И тоже начинает в ней копаться.

– Тебе что, мама не говорила, что нехорошо рыться по чужим сумкам?

– Я с матерью не разговариваю. А вот тебе лучше бы со своей побеседовать.

– Это еще зачем?

– Не может того быть, чтобы тебе на вечеринку дали всего полтинник.

– Это мне на неделю.

Полло сует деньги в карман.

– Было на неделю.

– Придется голодать.

– Тебе это пойдет на пользу.

– Придурок!

Паллина находит то, что искала, и кладет сумку на место.

– Как закончишь, верни мне, пожалуйста, кошелек. Благодарю.

– Слушай, а раз уж ты на этой неделе ходишь голодная, может съешь со мной завтра пиццу?

– Нет уж, спасибо. Если я плачу, то я и выбираю, с кем пойти, – разворачивается к двери.

– Эй, постой-ка! – Полло кидается за ней. – Что ты там взяла?

Паллина прячет руку за спину:

– Ничего интересного.

Полло перехватывает её руку.

– Ну, это я сам решу – показывай!

– Пусти меня! Деньги ты взял, чего тебе еще надо?

– А что у тебя в руке?

Полло пытается схватить её, Паллина вырывается, оставив руку подальше.

– Пусти меня, а то закричу!

– Тогда я тебя отшлепаю.

Полло наконец хватается за запястье и тянет к себе. Перед ним её сжатый кулачок.

– Только попробуй посмотреть – и я с тобой никогда не буду разговаривать!

– Детка, мы с тобой до сегодняшнего дня и так не разговаривали, я уж как-нибудь перебыюсь...

Полло хватается за нежную девичью руку и пытается разжать пальцы.

Паллина сопротивляется. Тщетно. На глазах выступили слезы, она отклоняется назад, чтобы придать силы пальцам.

– Пожалуйста,пусти... – Полло не слушает её. Наконец пальцы один за другим обессиленно разжимаются, открывая тайну.

В руке Паллины скрывается объяснение пятен на её лице и припухшей груди. Причина взвинченности и раздраженности, выпадающей на долю каждой девушки раз в месяц. А если эта причина пропадает, девушка обычно нервничает еще больше или становится мамой. Паллина убито молчит. Она унижена. Полло на кровати разражается громким хохотом:

– Нет, не буду я тебя приглашать на ужин! Чем мы будем заниматься – анекдоты, что ли, рассказывать?

– Не, спасибо, я не знаю таких пошлых, чтоб тебе было смешно, а другие ты не поймешь.

– Ого, деточка язвит... – Полло поражен.

– В общем, я думаю, что достаточно тебя повеселила.

– Это почему?

Паллина разминает пальцы. Полло обращает на это внимание.

– Ты мне сделал больно, ты же этого хотел?

– Да не волнуйся, только немножко покраснели, не хнычь, скоро пройдет.

– Я не о пальцах.

И она скрывается за дверью, успев спрятать слезы.

Полло в растерянности остается. Ему приходит в голову только положить кошелек на место и перелистать её записную книжку. Конечно, он не додумался вернуть деньги.

Диджей, музыкальный парень с длинноватыми волосами, призванными подчеркнуть его артистичную натуру, суетится. Его руки порхают взад– вперед над дисками на двух вертушках, а в губчатых наушниках звучит начало композиции, что спасает от неловкости при неверном выступлении.

Степ шатается по дому, осматривается, рассеянно прислушивается к глупой болтовне восемнадцатилетних девчонок: дорогие шмотки на витринах, не купленные родителями мопеды, невозможные помолвки, гарантированные измены, обманутые надежды.

Дальнее окно гостиной выходит на террасу, в комнату задувает легкий ветерок. Занавеси слегка вздуваются, затем медленно опадают, и за ними обрисовываются две фигуры. Руки их пытаются откинуть гардину, чтобы войти. Юному красавцу вскоре удастся найти просвет. Немного погодя рядом с ним появляется девушка. Её развеселила эта мелкая неприятность.

На секунду луна просвечивает её платице насквозь.

Степ все смотрит и смотрит на них. Девушка встряхивает волосами, улыбается красавцу. Видны белоснежные зубки. Даже издали чувствуется сила её взгляда. Голубые глаза, чистые, глубокие. Степ припоминает её, припоминает их встречу – ведь они уже виделись. Хотя точнее будет сказать – сталкивались. Красавец с девушкой обмениваются парой слов. Девушка кивает и идет следом за ним к столу с напитками. У Степа вдруг тоже пересыхает в горле.

Малыш Бранелли проводит Баби меж гостей. Нежно касаясь её спины ладонью, он вдыхает её легкий аромат. Баби приветствует тех, кто пришел, пока она была на террасе. Они подходят к столу с напитками. И вдруг кто-то встает перед Баби. Это Степ.

– Я вижу, ты меня послушалась, избавляешься от поводов для беспокойства, – кивает головой на Бранделли. – Это, конечно, пробный шар. Но ничего, пойдет. С другой стороны, если ты не нашла ничего получше...

Баби нерешительно глядит на него. Она его знает, но он ей не понравился? Или понравился? Что вообще с ним такое произошло?

Степ напоминает:

– Несколько дней назад я провожал тебя в школу.
– Этого не может быть, я езжу в школу с папой.
– Вообще-то да, ну, скажем, я тебя конвоировал. Ехал рядом с вашей машиной.

Баби вспоминает глядит на него устало.

– Ну вот, вспомнила же.
– Да, ты мне тогда наговорил какой-то шизы. И с тех пор не изменился.
– А зачем мне это? Я и так замечательный, – Степ разводит руки, демонстрируя телосложение.

Баби думает: если принимать во внимание только это, он не так уж и не прав. Впрочем, все остальное плохо. От манеры одеваться до манеры вести себя.

– Видишь, ты с этим согласна.
– Я вообще ничего не сказала, ни да, ни нет.
– Баби, он тебе еще не надоел? – Бранделли вмешивается на свою голову. Степ не удостоивает его даже взглядом.
– Нет, Малыш, спасибо.
– Ага, если я тебе не противен, значит, я тебе все-таки нравлюсь...
– Мне на тебя вообще наплевать, ты меня даже слегка достал, если быть точной.

Бранделли пытается закруглить разговор, обратившись к Баби:

– Хочешь что-нибудь выпить?

За неё отвечает Степ:

– ДА, спасибо, налей мне кока-колы, угу?

До Малыша не доходит:

– Баби, ты хочешь что-нибудь?

Степ в первый раз сморит на него:

– Я же сказал, кока-колу, и побыстрее.

Малыш с бокалом в руке глядит на него, не двигаясь с места.

– Пошевеливайся, ты, глιστα! Оглох, что ли?

– Перестань, – Баби вмешивается и забирает бокал у Малыша, – я сама.

– Ну вот, когда ты вежливая, ты такая милая.

Баби берет бутылку.

– На вот, смотри не пролей, – и выплескивает бокал с кока-колой Степу в лицо. – Сказала же, поаккуратнее, ты что, маленький, что ли? Даже пить не умеешь.

Малыш рассмеялся. Степ толкает его так сильно, что тот летит на низкий столик, опрокидывая все, что там стояло. Затем он берет за края скатерть с напитками, сильно тянет, будто хочет показать фокус, но не получается. С десятков бутылок летят на кресла и диваны и на гостей. Несколько бокалов разбито. Степ вытирает лицо.

Баби глядит на него презрительно:

– Скотина ты!

– Совершенно верно. Надо бы принять душ, а то я весь липкий. Раз ты в этом виновата, пойдешь в душ со мной.

Степ быстро наклоняется, подхватывает её под колени и взваливает на плечи. Баби отчаянно вырывается:

– Пусти меня, отпусти! Помогите!

Никто не вмешивался. Бранделли поднимается и пытается остановить Степа. Степ пинает его в живот, Малыш врезается в группу гостей. Скелоржет как ненормальный, скачет вместе с Луконе, раздавая оплеухи всем проходящим. Кто-то дает сдачи. Рядом с диджеем начинается драка. Перепуганная Роберта стоит в дверях, в ужасе разглядывая разгромленную гостиную.

– Скажи, пожалуйста, где ванная?

Роберта, ничуть не удивившись, что какой-то тип тащит на плечах девушку, показывает:

– Вон там.

Степ благодарит и следует в указанном направлении. Появляются Хук и Сицилиец, нагруженные яйцами и помидорами. Начинают кидаться в стены, картины и гостей, все равно куда, лишь бы с силой, побольнее.

К Роберте подходит Бранделли.

– Где телефон?

– Вон там.

Роберта указывает в противоположную от ванной сторону. Ей кажется, будто она регулировщик, пытающийся совладать с движением, или точнее – с жутким хаосом, воцарившимся прямо у неё в гостиной. Жаль только, она не может содрать штраф или посадить их всех. Кто-то, поумнее или трусливее остальных, целует её на прощание.

– Пока, Роберта, поздравляю еще раз. Извини, но мы пойдем, ладно?

– Вам туда, – как во сне, она указывает на дверь. Она бы и сама сбежала, но увы, она у себя дома.

– Пусти меня, я кому сказала – отпусти! Ты у меня попляшешь...

– А кто мне чего сделает? Эта красивенькая шпала, похожая на официанта?

Степ входит в ванную, открывает раздвижные створки душевой кабины. Баби хватается руками за створки, пытаясь его остановить.

– Не надо! Помогите! Кто-нибудь!

Степ оборачивается и легко отдирает её руки.

Баби меняет тактику. Теперь она разыгрывает паиньку.

– Ну хорошо, хорошо, извини меня. А теперь поставь меня на пол, пожалуйста.

– Что значит – пожалуйста? Вылила на меня кока-колу, а теперь – пожалуйста?

– Ну ладно, ладно, зря я её на тебя вылила.

– Да, я понимаю, что зря, – Степ нагибается, становясь под разбрызгиватель. – Но ущерб уже нанесен. Придется принять душ, а то ты потом скажешь, что я липучий.

– Ну какая разница... – струя воды обрушивается ей на лицо заставив умолкнуть. – Идиот! – Баби дергается, пытаясь увернуться от струи, но Степ держит её крепко, поворачивает, чтоб она вымокла вся. – Прекрати, debil, выпусти меня!

– Что горячо? – не дожидаясь ответа, Степ поворачивает регулятор, что находится у него прямо перед носом. Выкручивает его до конца на синее. Вода тут же становится ледяной. Баби кричит.

– Вот, теперь станет полегче, холодный душ успокаивает. Ты же знаешь, контрастный душ очень полезен, – он поворачивает регулятор на красное.

От струи идет пар. Баби кричит еще громче.

– Мне больно! выключи!

– Вот видишь, это очень полезно, поры расширяются, восстанавливается циркуляция, кровь приливает к мозгу, и ты начинаешь соображать лучше и понимаешь, что с людьми надо вести себя вежливо... А кока-колу надо пить, а не поливать ею других.

Тут входит Скелло:

– Стэп, давай быстро, уходим. Кто-то вызвал полицию.

– Откуда ты знаешь?

– Сам слышал, Луконе засветил мне яйцом в лоб, я пошел помыться и застукал кого-то на телефоне. Собственными ушами слышал.

Стэп выключает душ, ставит Баби на пол. Скелло тем временем открывает шкафчики у зеркала. Там лежат колечки и цепочки, явная бижутерия, но он все равно рассовывает их по карманам. Мокрые волосы Баби упали на лицо, она стоит, прислонившись к стене душевой кабины, пытается прийти в себя. Стэп снимает джемпер. Берет полотенце и вытирается. Великолепный пресс мелькает в складках махровой ткани. Гладкая, упругая кожа туго обтягивает выпуклости мускулов.

Стэп смотрит на нее, усмехаясь.

– На, вытрись, а то еще простуду схватишь. Баби отводит от лица мокрые пряди. Теперь видны ее глаза. Они горят яростью и решимостью. Стэп притворяется испуганным.

– Все, все, молчу, молчу... – вытирает волосы. Баби опускается на пол. Промокшее платье просвечивает. Под материей с сиреневыми цветами виднеется кружево светлого бюстгальтера, должно быть, в тон трусикам. Стэп замечает это.

– Так дать тебе полотенце?

– Иди в жопу.

– Какие мы слова знаем! Вроде с виду хорошая девочка, а так ругаешься. Напомни мне, когда мы следующий раз окажемся под душем вместе, сказать тебе, чтобы вымыла рот с мылом. Понятно? Напомнишь?

Он выжимает джемпер, повязывает его на талию и выходит из ванной. Баби смотрит ему вслед. Последние капельки бегут по влажной спине между выпирающими мускулами. Баби поднимает с пола шампунь и швыряет ему вслед. Стэп, услышав шум, инстинктивно пригибается.

– О, я понял, почему ты такая злая, я тебе не дал шампунь. Хорошо, сейчас вернусь.

– Вали отсюда! И чтоб я тебя...

Баби быстро захлопывает прозрачные створки душа. Стэп видит, как е

маленькие ручки прижались к стеклу.

– Держи! – бросает ей шампунь через верх, там, где стекла нет. – Значит, тебе приятнее купаться одной... И все остальное делать тоже! – Развязно заржав, он выходит из ванной.

При слове «полиция» в гостиной начинается паника. Драка тут же прекращается. У Луконе, Сицилийца и Хука самое бурное прошлое, и они первыми оказываются у дверей. Некоторые гости, окровавленные, валяются на полу.

Роберта плачет в углу. Несколько ребят обнаружили, что эти качки ушли в их дорогих куртках от HenryLloydiFay. Банни, гремя краденым серебром, идет медленнее обычного. Они сбегают по лестнице, перила дрожат на поворотах. Переворачивают дорогие вазы на элегантных лестничных площадках. Точными ударами один за другим с криком разбивают почтовые ящики, напоследок уносят несколько седел с мопедов и растворяются в ночи.

– Застукиваю, – Раффаэлла решительно кладет карты на зеленое сукно, удовлетворенно глядя на противника. Это вялая дама в очках.

– Вскрывайся, дорогая...

Карты едва не выпали у нее из рук. Раффаэлла тут же завладевает ими.

– Эта вот сюда, эта – вот так, и вот последняя. Платишь за все.

Быстро подсчитывает в уме, затем записывает промежуточный результат на листочке. Встает за спиной у Клаудио, впившись глазами в его игру, и после нескольких удачных сносов убеждает его «стукнуть». У их партнеров в это время набирается джин. Раффаэлла, довольная, подводит итог. Если бы Клаудио не пришлось подрезать, они бы выиграли и на второй игре. Она берет карты и начинает их тасовать. Дама в толстых очках снимает верхнюю. Даже в этом она не уступит. Ужасно неповоротлива. Раффаэлла не выносит проигрыша, тем более по очкам, сейчас она сильно вырвалась вперед, поскольку сдает. За другими столами вертихвосткам явно изменила удача, они вступают в полосу проигрыша. Кто-то возвращает на место вытряхнутую хозяйкой дома пепельницу справа от нее. Адвокат наливает себе виски точно по рисунку на стекле. Ровно столько, сколько нужно, чтобы выиграть и остаться более или менее трезвым. Некоторые пары, с виду более любящие, обмениваются нежным приветствием, прежде чем взять в руки карты. На самом же деле, это скорее магический ритуал, чем бескорыстное выражение приязни. Несколько пар собирается уходить, оправдываясь тем, что завтра надо рано вставать или тем, что дети еще не вернулись. На самом же деле это значит, что либо мужчина перепил, либо даме наскучила вечеринка. Среди них Марина и Филиппо. Они прощаются со всеми, фальшиво благодарят хозяйку дома за прекрасный вечер. Потом Марина чмокает Раффаэлла, улыбаясь искреннее обычного, – она помнит об их уговоре на счет их дочерей.

Из парадного подъезда дома 1130 по виа Классиа выходят гости. Они обсуждают происшествие. Один из ребят говорит больше других. Ему и правда есть что сказать, судя по разбитой губе. Назадавав кучу разнообразных глупых и бесполезных вопросов, полиция покинула дом Роберты. Одна Франческа хоть что-то знала, но, увидев, что праздник превращается в дебош, сбежала, унеся с собой выпотрошенную сумку и имена виновных.

Под шумок Даниела и Паломби удрали вместе с другими гостями.

Баби вся вымокла и упустила сестру. Роберта дала ей бриджи (вполне подошли) и братову олимпийку, ненадеванную и двух раз.

– Одевайся так почаще, тебе очень идет.

– Малыш, и ты еще шутишь? – они выходят из подъезда. – Я потеряла сестру и испортила платье от Valentino.

Она показывает пластиковый пакет, не с тем именем, что на платье, но тоже известным.

– И плюс ко всему, будет что-то страшное, если мама заметит мокрые волосы.

Манжеты олимпийки прикрывают ей руки. Баби подворачивает их и поддериживает до локтя. Но через секунду манжеты опять съезжают.

– Это он, – Скелло, притаившись за мусорными контейнерами, показывает на Малыша Бранделли. Стэп смотрит туда:

– Точно?

– Точнее не бывает. Я сам слышал.

Хотя она полностью переоделась, Стэп узнал девушку, идущую с этой сволочью. Не так-то просто забыть ту, что так упиралась, не желая принять с ним душ.

– Пойдем, предупредим остальных.

Баби и Малыш сворачивают на небольшую улочку.

– И что де ты не вмешался, когда этот дебил тащил меня под душ?

– Насколько я помню, я пошел тогда вызывать полицию.

– А, так это был ты?

– Ну да, начался беспорядок, все дрались... Ты видела, что у Андреа Маринелли с губой?

– Бедненький.

– Бедненький? До свадьбы заживет. А знаешь, что он будет рассказывать? Что дрался один против всех, как герой. Уж это точно. Ну вот, пришли.

Они останавливаются перед машиной. Вспыхивают поворотники, поднимаются предохранители. Сигнализация самая обычная, но автомобиль совсем новенький: последняя модель BMW. Малыш открывает перед Баби дверцу. Она оглядывает великолепно отделанный салон: темное дерево, кожаные сидения.

– Ну как, нравится?

– Очень.

– Специально для тебя на ней приехал. Я знал, что тебя надо будет проводить домой.

– Правда?

– Конечно! Я все рассчитал. Специально позвал этих уродов и устроил такой бардак, чтобы остаться с тобой наедине.

– Ну, душем можно было и пожертвовать, по крайней мере, я бы сохранила платье.

Малыш смеется и закрывает дверцу со стороны Баби. Затем обходит машину, садиться и отъезжает.

– В общем, все прошло довольно весело. Если бы не эти хулиганы, была бы смертная тоска.

– Наверное, Роберта так не думает, – Баби благовоспитанно кладет пакет на колени, – ей же весь дом разнесли!

– Да ладно, не так уж и сильно. Почистить мебель и отдать в химчистку шторы.

Глухой зловещий звук удара о металл разрывает гармонию и спокойствие внутри машины.

– Что случилось? – Бранделли смотрит в боковое зеркало. В нем появляется рожа Луконе, который чуть не лопаётся от смеха. За ним Хук, приподнявшись на сиденье мотоцикла, еще раз пинает автомобиль.

– Опять эти ненормальные! Прибавим скорость, – Малыш переключает скорости и начинает гнать. Легкие мотоциклы тут же нагоняют его. Баби испуганно оглядывается. Все тут. Банни, Полло, Сицилиец, Хук, все на мотоциклах, посередине – Стэп. Кожаная куртка вздулась, открыв обнаженную грудь. Стэп улыбается ей. Баби отворачивается.

– Малыш, давай еще быстрее, мне страшно! Малыш не отвечает, жмет на акселератор, едет вниз, к спуску с Кассиа, в холод ночи. Но мотоциклы не отстают, держаться рядом. Банни увеличивает скорость, Полло пинком разбивает задний подфарник. Сицилиец сминает ногой левую дверцу. Мотоциклы кренятся на полной скорости, то приближаясь к машине, то удаляясь от нее, седоки бьют со всей силы. Малыш слышит безжалостные глухие удары.

– Блин, они же разобьют машину!

– Только не останавливайся, а то и тебе достанется!

– Нет, конечно, но я попробую им сказать... – он нажимает кнопку электроподъемника, опустив стекло до половины. – Эй, парни, слышите? – кричит он, пытаясь сохранить спокойствие и следить за дорогой. – Это машина отца, если вы... – в лицо ему летит плевок.

– Есть, попал, сто баллов! – Полло привстает в седле и потрясает руками в знак победы.

Малыш убито вытирает лицо. Баби брезгливо глядит на слюну,

размазавшуюся по лицу, затем, нажав на кнопку, закрывает окно, пока Полло не нашел новую мишень.

– Едем в центр, может, встретим полицию.

Малыш едет дальше. Доносятся звуки ударов по кузову и подфарникам. Каждый обойдется в сотни евро и в тысячи воплей отца. Охваченный неожиданной яростью, Малыш истерически смеется:

– Хотите войны? Получите! Убью всех, передавлю как тараканов!

Он резко поворачивает руль, машину кидает вправо, потом от удара – влево. Баби в ужасе хватается за ручку на дверце. Стэп и компания, увидев, что машина движется на них, моментально замедляют скорость и тормозят.

Малыш смотрит в зеркало заднего вида. Шайка все еще атакует его сзади.

– Что, страшно? Нате, получите!

Он вдавливая педаль тормоза в пол. Машина почти остановилась. Те мотоциклы, что были по бокам, разлетаются в разные стороны. Скелло, ехавший посередине, пытается затормозить, но его Vespac лысыми колесами идет юзом и врезается в бампер. Скелло падает. Малыш срывается с места так, что дымятся покрышки. Оказавшиеся перед машиной мотоциклы уклоняются, чтобы их не сбили. Другие останавливаются помочь товарищу.

– Вот же сукин сын! – Скелло поднимается, штаны над правым коленом разодраны. – Во, смотрите.

– Да ладно, ты еще дешево отделался – так полетел! Всего только колено разбил.

– Да и хрен бы с ним с коленом, я из-за этой суки новенькие Levi's порвал, только позавчера купил!

Все ржут, Скелло поднял им настроение: не разбился и к тому же в состоянии шутить.

– Йе-ху-у-у, ну, я их, блять, отмудохаю!

Малыш радостно бьет руками по рулю. Затем снова бросает взгляд на зеркало заднего вида. В нем только одна машина где-то далеко. Он успокаивается. Ни осталось никого. «мы ушли, ушли от этих засранцев!» подпрыгивает он на сиденье.

Да, ведь рядом ним Баби.

– Как ты? – спрашивает он, взволнованно глядя на нее.

– Спасибо, ничего, – Баби отрывается от дверцы, усаживается прямо. – А теперь я хочу домой.

– Сейчас отвезу.

Остановились на секунду у светофора и едут дальше по Понте

Мильвио. Малыш снова смотрит на Баби: мокрые волосы с падают на плечи, все еще испуганный взгляд голубых глаз устремлен вперед.

– Прости, что так вышло. Ты очень напугалась?

– Вообще-то да.

– Может, хочешь попить?

– Нет, спасибо.

– Я сейчас остановлюсь на минутку.

– Конечно.

Малыш проезжает чуть-чуть назад и останавливается у фонтанчика перед церковью. Он плещет себе водой в лицо, смывая последние остатки слюны Полло. Затем подставляет мокрое лицо свежему ночному ветру, успокаиваясь и расслабляясь. Открыв глаза, он осознает реальность. Машина, его машина, точнее сказать, машина отца.

«Вот же блин», – шепчет он про себя и обходит машину, делая равнодушное лицо. Подсчитывает ущерб, вынимает не вылетевшие осколки разбитых фар. Дверцы все во вмятинах, борта поцарапаны. Кое-где сошла краска. Подводит в уме предварительные итоги. Под тысячу евро. Если б он участвовал в передаче, где надо угадать цену, вслух бы он этого ни за что не сказал. Он натянуто улыбается Баби:

– Кое-что надо ремонтировать, повредили машину...

Закончить фразу ему не удастся. Темно-синий мотоцикл, преследовавший их с погашенными фарами, грохоча, тормозит рядом. Малыш не успел обернуться, как полетел прямо на капот BMW. Стэп наваливается на него, яростно бьет по лицу, особенно по зубам.

– Помогите! Помогите!

– В следующий раз будешь держать рот закрытым, сучонок! Говнюк! – удары сыплются один за другим, голова бьется о машину. Теперь, кроме автосервиса, отцу придется платить и дантисту.

Баби выпрыгивает из машины и в ярости набрасывается на Стэпа, пинает его, бьет по голове пакетом с одеждой:

– Отпусти его, подлец, отпусти!

Стэп, повернувшись, яростно ее отпихивает. Баби пятиться назад, споткнувшись о поребрик, теряет равновесие и падает. Стэп на секунду задерживает на ней взгляд. Малыш, улучив момент, едва не впрыгнул в машину. Но Стэп быстрее.

Одним прыжком он прижимает Малыша к двери. Тот вопит от боли. Стэп хлещет его по лицу. Баби с трудом поднимается. Теперь и она кричит, зовет на помощь. И тут появляется машина. Это Аккадо.

– Смотри, Филиппо! Что это? Боже, это же дочка Рафаэлла, Баби!

Филиппо останавливается, выходит из машины, не закрыв дверцу. Баби бросается ему на встречу с воплем:

– Разнимите их, скорее, они же друг друга поубивают!

Филиппо бросается на Стэпа, хватая его сзади: «Стой, отпусти его!» – не разжимая рук, оттаскивает его от дверцы. Малыш, освободившись от тисков, растирает ноющую грудь, затем, крайне напуганный, прыгает в машину и уезжает.

Стэп, пытаясь освободиться от объятий сеньора Аккадо, наклоняется и резко бьет назад головой. Прямо в лицо. Очки сеньора Аккадо падают и разбиваются, из носа течет кровь: разбита перегородка. Филиппо шатается, прижав руки к лицу, сквозь пальцы просачивается кровь, он почти ничего не видит. Став без очков беспомощным, он едва не плачет, ослепленный болью. Марина бросается на помощь мужу.

– Скотина, негодяй! Не подходи, не смей его трогать!

А что его трогать? Кто ж знал, что сзади набросился старикан? Стэп молча смотрит на вопящую женщину:

– Ты понял, мерзавец? Я этого так не оставлю! – Марина затаскивает мужа в машину, трогается и неумело отъезжает. Сеньора Аккадо водит машину очень редко, только в крайних случаях. Этот – крайний. Не каждый день твой муж влезает в драку.

Баби встает перед Стэпом:

– Ты просто зверь, ты животное! Ты мне противен! Ты никого и ничего не уважаешь!

Он смотрит на нее с улыбкой. Баби трясет головой:

– Не строй из себя дурачка!

– Так что ты от меня хочешь?

– Ничего – а что можно хотеть от такого скота? Ты напал на человека старше тебя!

– Во – первых, это он сначала на меня бросился, во – вторых, откуда я знал, что он старый? А, в – третьих, сам виноват – нечего лезть в чужие дела.

– Ах так? Значит, можно дать по морде тому, кто лезет не в свое дело, значит, можно его избить! Заткнись ты! Он же в очках был... – Это же преступление – броситься на человека в очках!

– Что, и до сих пор? Сколько лет я уж это слышу. Кто тебе сказал эту фигню про очки? – Стэп подходит к мотоциклу, садиться в седло. – Наверное, какой-нибудь мерзкий очкарик очень боится, что его избьют, и поэтому ходит в очках и выдумывает всякую хренотень.

Стэп заводит мотоцикл:

– Ну, до встречи.

Баби оглядывается. Вокруг никого. Площадь как будто вымерла.

– Как – до встречи?

– Ну, как скажешь, тогда до встречи.

Баби раздраженно фыркает:

– А как же мне вернуться домой?

– А я почему знаю? Можешь попросить своего приятеля.

– И как я это сделаю? Ты его избил, и он убежал.

– Ну да, опять я виноват.

– А что, нет, что ли? Дай мне сесть, – Баби подходит к мотоциклу, забрасывает ногу на седло позади Стэпа.

Стэп выжимает сцепление. Мотоцикл слегка подвигается. Баби смотрит парню в спину. Стэп оборачивается и смотрит на нее. Баби снова хочет сесть, но Стэп раньше успевает тронуться с места.

– А ну, стой! Совсем уже, что ли?

– Нет, зайка. Я зверь, я животное, я тебе противен – а ты хочешь поехать со мной? Со мной – я же никого и ничего не уважаю? Ишь, чего захотела! Нелогично это, нелогично...

Стэп не улыбается, лицо у него наглое.

– Как можно допустить, чтобы тебя подвез такой мерзавец?

Баби зло, ненавидяще прищуривается. Затем решительно направляется к виа Фарнезина.

– Так я прав?

Баби не отвечает. Стэп усмехается про себя, жмет на газ и догоняет ее. Едет сбоку.

– Уж извини, но тебе же лучше. Ты пожалеешь, что пошла на компромисс. Лучше оставайся при своем мнении. Я животное, а ты идешь домой пешком. Согласна?

Баби снова молчит, пересекает улицу, глядя прямо перед собой. Шагает на тротуар. Стэп за ней. Приподнимается в седле, чтобы смягчить удар. И едет дальше с нею рядом.

– А вот если ты попросишь у меня прощения, возьмешь свои слова назад и скажешь, что ты не права... Тогда все в порядке, я тебя отвезу – и это будет логично.

Баби снова пересекает улицу. Стэп за ней. Подъезжает совсем близко, тянет за олимпийку.

– Ну? Это же так просто, повторяй за мной: прошу прощения...

Баби отпихивает его локтем и бросается бежать.

– Эй, ты куда? – Стэп жмет на газы вскоре догоняет ее. – Что, хочешь

дойти до дома пешком? А кстати, ты где живешь? Далеко, наверное? А, я знаю – ты похудеть хочешь! Вообще-то правильно, тяжело было тащить тебя в душ.

Он обгоняет ее, ухмыляясь.

– А если мы продолжим знакомство, тебе лучше сбросить пару кило, мне как-то не улыбается таскать тяжести. Впрочем, я тебя раскусил. Ты не любишь себе отказывать ни в чем. Но все равно, лучше похудеть, а то ты меня раздавишь.

Баби больше не сдерживается. Хватает с мостовой бутылку, разбивает ее об урну и замахивается. Стэп резко тормозит и пригибается. Бутылка пролетает, едва не задев его, а мотоцикл глохнет и валится на бок. Стэп выворачивает руль и не дает мотоциклу упасть. Баби стремительно удирает. Стэп слегка задерживается на старте, заводя мотоцикл.

Тут из переулочка выезжает какой-то типус на старом Golf. Он замечает бегущую Баби и тормозит рядом с ней:

– Эй ты, красотка, подвезти тебя?

– Эй ты, говнюк, а в морду хошь?

Типус ошалело смотрит на вклинившегося между ними Стэпа. Понимает, что сейчас будут бить, и уезжает, негодуя трясой головой. Вскидывает руку в каком-то непонятном знаке, наверное, притворяясь перед самим собой, что не облажался.

Стэп провожает его взглядом, обгоняет Баби и перекрывает ей дорогу.

– Садись давай, хватит уже.

Она хочет обойти его спереди. Стэп прижимает ее к стене. Он хватается за олимпийку.

– Садись, я сказал! – и тащит ее к себе.

Баби испуганно пятится. Он смотрит в глубокие, ясные глаза, что в страхе глядят на него. Медленно отпускает и улыбается.

– Пожалуй, лучше тебя проводить, а то с кучей народу поругаюсь.

Молча, ни проронив ни слова, даже адреса не назвав, она садится позади него. Мотоцикл прыжком срывается с места. Баби безотчетно обхватывает Стэпа. Ее руки против воли смыкаются под курткой. Его кожа прохладна, а тело греет. Баби чувствует под пальцами хорошо очерченные мускулы. Они выступают от малейшего движения. Ветер бьет ей в лицо, волосы развиваются. Мотоцикл кренится, Баби крепче обнимает Стэпа и закрывает глаза. Сердце бьется все быстрее. Только ли от страха? До нее доносится шум машин. Они выезжают на широкую улицу, становятся теплее, она прижимается щекой к его спине. Не открывая глаз, она отдается убаюкивающему ритму, мощному звуку, что рычит где-то под ней. И

больше ничего. Тишина.

– Вот бы так провести всю ночь, а можно пойти и дальше, так сказать, углубиться, попробовать другие позиции!

Баби открывает глаза, перед ней знакомые магазины, те, что она видит каждый день вот уже шесть лет, с тех пор, как переехала сюда. Она слезает с мотоцикла, Стэп глубоко вздыхает:

– Ну ничего себе, ты меня чуть не раздавила!

– Извини, просто мне было очень страшно, я никогда раньше не ездила на мотоцикле!

– Все когда то бывает в первый раз.

И тут возле них останавливается Mercedes. Раффаэлла быстро выбирается из автомобиля. Она просто не верит собственным глазам!

– Баби, сколько раз тебе говорить, чтобы тебя не возили на мотоцикле! И почему у тебя волосы мокрые?

– Ну...это...

– Синьора, позвольте, я объясню. Я не хотел везти ее домой, так? Скажи маме, что я не хотел. Но она трак настаивала... Дело в том, что ее кавалер на роскошном, но совершенно разбитом BMW сбежал.

– Как это – сбежал?

– А вот так – бросил ее на улице. Представляете?

– Глупости!

– Честное слово! Ну, я его обругал за это, конечно, – Стэп поворачивается к Баби. – Правда же, Баби?

И затем тихонько шепчет только ей: «Знаешь что...Баби. Мне нравится твое имя».

– Мама, не сейчас, потом поговорим.

Клаудио опускает стекло:

– Привет, Баби.

– Привет, папа.

Стэп здоровается и с ним:

– Добрый вечер, – его изрядно веселит такая неожиданная семейная встреча.

Но Раффаэлла вовсе не веселится.

– Где ты так перепачкалась? И где мое платье от Valentino?

Баби поднимает руку с пакетом:

– Тут.

– А сестра где? Говори сейчас же, где ты ее бросила?

В этот момент появляется Даниела. Она выходит из машины вместе с провожавшим ее Паломби.

– Привет, мам.

Но закончить она не успевает. Раффаэлла залепляет дочке пощечину.

– Не смей больше возвращаться одна без сестры!

– Мама, ты же не знаешь, что произошло...Пришли какие-то хулиганы...

– Замолчи!

Даниела молча потирает щеку. Паломби, слушаясь Раффаэлла, садиться в машину и уезжает.

Стэп заводит мотоцикл и подъезжает к Баби.

– теперь я понимаю, почему у тебя такой характер. Это наследственное.

Врубают первую скорость и, крикнув «До свидания!», растворяется в ночи.

Баби и Даниела садятся в машину. Mercedes въезжает на территорию жилого комплекса. Позже, когда девочки уже раздеваются, Даниела извиняется за порванную сестрину юбку.

Баби лежит в постели, возбужденная этой вечеринкой. Она думает: во всем виноват только этот debil, этот гопник, это животное, этот скот, этот насильник, это грубиян, этот нахал, этот кретин. Но, задумавшись хорошенько, она понимает, что даже не узнала его имени.

– Дани, пусти меня, уже полвосьмого...

– Ну конечно, тогда ты первой займешь умывальник, как всегда. Нет уж.

– Дани, не дури, я тебя пропущу, – Даниела открывает дверь, впускает Баби.

Баби с утра, пока не выпьет кофе, совершенно невменяема, как и их мать. Но Даниела прет напролом:

– А как тебе тот парень, что тебя вчера провожал? Он тебе нравится?

Баби издает странный звук. Она не может ответить – чистит зубы. Смотрит в зеркало не сестру осоловелыми глазами, быстро полощет рот.

– Он? Мне? Нравится? Ты что, издеваешься? Совсем чокнулась? Неужели мне может это понравиться? Скотина такая. Ты знаешь, что он вчера устроил? Разбил с друзьями машину Бранделли, потом еще и подрался с ним. Потом мимо проезжал синьор Аккадо, попытался их растащить, так он и на него бросился! Ненавижу тех, кто употребляет голову для драк, вместо того чтобы думать!

– Ну знаешь...а нам он всем нравится!

– Кому это – вам?

– Мне, Джулии, Джованне, Стефании...

– Ну да, четыре подпрыгивающие дебилки прутся по этим...Не понимаю, какая радость в том, чтобы крушить, устраивать бардак, избивать людей...

– У них куча девушек.

– Представляю, что это за девушки!

– Нет, есть и приличные. Например, Глория, дочка Аккадо, встречается с Дарио, это один из дружков Стэпа.

– Стэпа?

– Да, Стефано Манчини, это он тебя провожал. Мы с Джулией зовем его «супер-парень», но все зовут его Стэп.

– Стэп? Вот значит как? По-моему, их надо всех похватать и утопить в реке. Давай быстрее, а то папа опять раскричится, что мы опаздываем.

Баби возвращается в комнату и быстро одевается. Форма лежит на кресле. Баби всегда готовит ее с вечера, даже если совсем поздно. Это уже привычка. Натягивает голубую рубашку, затем юбку.

Стэп. Ну и имечко. Впрочем, ему подходит.

Солнце светит на парты. Баби рассеяно оглядывает класс. Бенуччи возится под партой с пиццей. Отрывает кусок, пальцы в помидорах, – и в рот. Жует с невинным видом, прикрыв рот, делает вид, что как ни в чем не бывало слушает лекцию.

Баби на минутку прислушивается к тому, что говорит Джаччи. Молодая девушка в XIX веке не умела ездить верхом, но все равно решила прокатиться. И, конечно же, упала. Баби не так внимательно слушает, чтобы понять, разбилась она или нет. Но ясно, что кто-то, не придумав, видимо, ничего лучше, посвятил ей стихи.

– Итак. Эту оду «Луиджии Паллавичини, упавшей с лошади», подготовите у понеделнику.

Ясно. Это еще и учить придется. Звонок.

– Я сейчас пойду в учительскую, возьму журнал. И не устраивайте без меня дебош.

Девочки вскакивают из-за парт. Три успевают, пока учительница не ушла, выпросить у нее пропуск в туалет. Только одной он нужен по естественным причинам. Две другие закроются в кабинке и предадутся пороку. Насладиться «Мерит» в пику тем, кто твердит, что эти сигареты хуже всех.

Джаччи возвращается. Девочки рассаживаются по местам. Слушают внимательно урок по латинскому стихосложению.

Баби раскрывает дневник. Перелистывает назад. Разноцветные исписанные страницы пролетают перед глазами. Вечеринки, дни рождения, фразочки Паллины, оценки за контрольные. Мнения о просмотренных фильмах, влюбленности возможные, невероятные и минувшие.

«Марко я т.л.» Стоп. Надпись краснеет внизу страницы. И сердечко. Ноябрь. Да, это было в ноябре. И она была безумно влюблена.

Ноябрь. В прошлом году.

– Мама мне ничего не пришло?

– Пришло, письмо на кухне. На столе.

Баби стремглав мчится на кухню, хватается письмо. Знакомый почерк. Она радостно вскрывает письмо. Они вместе уже четыре месяца. Самый длинный ее роман. В общем-то, он же и единственный. Читает письмо.

Баби милая!

В этот знаменательный день (это не открытие Америки...и не первый человек на Луне – лучше! Открытие сезона в «Джилда»? Ну, почти!)...Шутка это, зайка. Сегодня четыре месяца, как мы вместе. И я хочу, чтобы этот день запомнился тебе как самый счастливый, самый романтический, самый прекрасный! Ты готова? Бери Vespa и поезжай. Поезжай искать сокровище! Сокровище в смысле – сокровище любви. То самое, что я подарю тебе. Марко.

P.S. Первый ключ такой:

Поезжай на виллу, там
Ты бываешь по утрам.
On the left увидишь tree —
По – английски говори!
Там немножко покопай
И подарок получай.
Готова? Давай!

Баби, задумавшись, складывает письмо. Вилла – это Вилла Глори, там я бегаю по утрам. По – английски? Он что, думает, что я совсем дурочка? Это же так просто: дерево слева, сразу у входа.

– Мама, я пошла.

– Куда?

– Надо кое – что завести Паллине.

Баби натягивает куртку из шкуры северного оленя.

– Когда вернешься?

– К ужину. Уроки мы сделаем вместе с Паллиной.

Раффаэлла выходит у двери:

– Только не поздно!

– Если что – я позвоню!

Баби выбегает, потом останавливается в дверях и возвращается. Поспешно целует мать и упархивает. Вбежав во дворик, осторожно, бесшумно открывает створку гаража. Выводит Vespa, не заводя, бежит с ней к спуску. Баби проезжает весь корсо Франча и вот она на Вилла Глори. Ставит Vespa на вилку и бежит к воротам. Вокруг женщины гуляют с детьми. Баби приближается к третьему дереву слева. У корней густой кустарник. Она раздвигает его и обнаруживает пластиковый пакет. Берет

его и, счастливая, бежит к Vespa. Открывает. Внутри невероятно красивый шарф и записка:

*Шарфик я тебе дарю,
Утепляйся к ноябрю
Чтобы гланды не студить
Чтоб не кашлять, не простыть!
Завернувшись потеплей,
В РАІ дуй теперь скорей!
Сразу, как к коню придёшь,
И подарок свой найдёшь.*

Баби вскакивает на Vespai улыбается: как это романтично! Обматывается шарфом. Какой он мягкий, какой теплый! Чудесный подарок.

Баби трогается в путь. Заводит Vespai несется на полной скорости к площади Мадзини. Глушит мотороллер против дворика, обнесенного решеткой. Слезает с Vespa, входит. Сторож с любопытством ее изучает, а затем переключается на мужчину с каким-то непонятным чемоданчиком. Улучив момент, Баби подходит к коню. На брюхе белым мелом нацарапана стрелка. Вниз. Марко, наверное, рехнулся. Она всматривается. Там еще один сверток. Она его забирает. Сторож ничего не заметил. На этот раз в свертке очки. Чудесные Ray – Van последней модели, маленькие, прямоугольной формы.

А вот и ещё одна записка. Следующий этап – адрес. Виа Кола ди Риенцо, 48. Vespa несется на всех парах.

Баби прибывает по адресу. Это магазин. Она ошеломленно глядит на вывеску. Магазин нижнего белья. Пока что простенькое белье из хлопка ей покупает мама. Баби нерешительно входит. Оглядывается по сторонам. Молодая продавщица, стоя за прилавком, раскладывает только что прибывшие комплекты из серого атласа. Баби перечитывает конец записки:

*Если имя назовешь,
Новых шмоток наберешь.*

Продавщица, заметив ее, подходит:

– Вам помочь?

– Да. Меня зовут Баби Джервази.

– Ах, конечно же, – продавщица мило улыбается, – мы вас ждём.

Она идет за прилавок:

– Вот, это для вас. Выбирайте, что понравится, – она извлекает три комплекта белья.

Все три атласные. Первый – черный комбидрес с прозрачными фигурными вставками на груди и тонкими бретельками. Другой – из двух предметов, бледно – розовый, с полупрозрачным рисунком чуть светлее ткани. Третий – сливовый, бретельки тоненькие и миниатюрные трусики. Баби внимательно их изучает. Выбирает один, но не в силах поднять голову от смущения. Заметив это, продавщица пробует ей помочь:

– Думаю, что вот этот вам подойдет, – она раскладывает бюстгальтер от розового комплекта. – У вас такая светлая кожа, будет прекрасно смотреться.

Баби робко поднимает глаза:

– Да, я тоже так думаю. Возьму этот. Спасибо.

– Синьорина!

Баби поворачивается к продавщице.

– Этот молодой человек, который... Наверное, это ваш приятель?

– Да, в каком-то смысле.

– Он сказал, чтобы вы сразу надели это белье.

– Но... как же это...

– Если нет, то я не смогу дать вам следующую записку. Он так велел...

– Понятно. Спасибо.

Баби берет розовый комплект и идет в примерочную. Продавщица протягивает ей через занавеску фирменный пакет магазина: «Вот, возьмите, сюда можно положить то белье, что на вас». Баби переодевается. Глядится в зеркало. Молодая продавщица угадала. Ей и правда очень идет. Но тут в голову ей приходит одна мысль. А что скажет мама, когда обнаружит это белье? Придется соврать, что это Паллина подарила, ради прикола. Вместе с Кристиной и еще с кем-нибудь. Баби одевается и выходит из примерочной. Продавщица протягивает Баби очередную записку. А затем мечтательно проводит посетительницу глазами.

Баби углубляется в записку. Куда же ехать теперь? Вот куда – в Дуэ Пини. Это маленький скверик недалеко от школы. Там есть скамейка, где они с Марко частенько целовались. Под скамейкой пакет с лотерейным билетом и новая записка. Охота продолжается. Она едет в ювелирный магазинчик в центре. Там ей приходится спеть песенку перед несколькими посетителями, и продавщица преподносит ей прелестные серьги с бирюзой и очередную записку. В «Бенеттоне» ее ждут блузка и юбка цвета бордо.

Записка направляет ее в магазин на виа Венето, там она решает ребус и получает пару чудных туфель в тон костюму. Теперь охота продолжается на виа ди Винья Стеллутти, Баби получает от старой цветочницы орхидею и следующую записку. В кафе «Евклид» уже заказаны ее любимые пирожные. Пока Баби поглощает песочные пирожные с кремом и фруктами, кассирша отдает ей последнюю записку:

*Свой десерт любимый съела —
Все, чтобы потешить тело.
Но чего-то не хватало...
Или ты уже устала?
Если ты моя девчонка —
Жду тебя в начале гонки!*

Баби отправляет в рот последнее пирожное, самую середину, с половиной виноградины. Вытирает губы и уходит. Заводит Vespa и едет по виа ди Винья Стеллутти. Если б мама ее видела, не узнала бы. На ней теперь великолепный бордовый костюм, элегантные туфли, очки Ray – Ban, чудесные сережки с бирюзой, в волосах орхидея, а в кармане лотерейный билет с возможным выигрышем. Раффаэлла, впрочем, осталась бы довольна: вокруг дочкиной шеи обмотан кашемировый шарф. Баби поворачивает на пьядца Эуклиде и останавливается против ограды Вилла Глори. Здесь началась игра. Она узнает синий GT. Вбегает в главные ворота. Марко стоит, прислонившись к дереву. Баби бежит навстречу, обнимает его. Он вынимает из-за спины розу.

– Это тебе, солнышко. С праздником.

Баби счастливо разглядывает розу. Потом бросается ему на шею и страстно целует. Она влюблена по уши. Да и как можно не влюбиться после такого? Марко легонько отстраняет ее, держа за плечи.

– Дай посмотреть на тебя... Ты чудесно выглядишь. Так элегантно. Кто тебе все это выбирал?

Марко поправляет на ней голубой шарф. Баби, улыбаясь, сияет голубыми глазищами:

– Это ты, ты, мое солнце!

Марко обнимает ее. Они идут к выходу.

– Оставь Vespa тут.

– Зачем? Мы куда-то поедem?

– Выпить по коктейлю и поужинать.

– Мне надо предупредить маму.

Баби садиться в GT. Марко услужливо ставит замок на переднее колесо мотороллера. Потом садиться в машину, и вот они уже несутся в вечернем потоке. Баби звонит маме. Та в это время играет в карты у Бонелли. Раффаэлла так увлечена игрой, что слушает объяснения Баби весьма рассеянно. Они идут в Пиццерию. С ней Марко и ещё ребята. Мотороллер она оставила у Паллины, завтра заберет. Марко подарил ей шарф. Может быть, последняя новость смягчила Раффаэllu, и Баби отпустили.

Они ужинают у Матричано, в известном ресторане на виа Гракки ин Прати, туда ходят актеры и вообще знаменитости.

Они беседуют об охоте за сокровищем. Баби говорит, что ей ужасно понравилось. Такие чудесные подарки, все подружки обзавидуются. Марко прибедняется, но по всему заметно, как он гордится этой идеей.

Он смеется: я примчался наВилла Глори, беспокоился, что ты не поняла записку и не пришла. Баби делает вид, что обиделась. Марко улыбается ей. Баби касается своих волос. Марко гладит ее по руке. Входит знаменитый актер сникому еще неизвестной красотой. Впрочем, судя по ее поведению, скоро она прославится. Официант здоровается с актером и тут же усаживает его за столик. Баби замечает актёра. Она вертится, чтобы его разглядеть, и сообщает об этом Марко. Тот наливает ей вина, изображая полное безразличие к этой новости. Почти все посетители пытаются вести себя, как Марко. Кое-кто, не удержавшись, поворачивается взглянуть на актера. Кое-кто с ним здоровается, гордо показывая всем, что они знакомы. Актер отвечает на приветствие и шепчет своей красотке, что совершенно не знает этих людей. Она более или менее искренне смеется. Наверное, она станет неплохой актрисой. Многие по-прежнему едят, притворяясь, что видят этого актера каждый день. На самом деле непонятно, почему Матричано на таком пике популярности. Люди ходят сюда, чтобы повстречать знаменитостей, а когда те приходят, делают вид, что их не замечают.

Позже они гуляют по центру. Заходят к Джолитти и заказывают по мороженому. Баби ругается с официантом из-за двойных сливок. Чтобы умиловить ее, Марко доплачивает сверху. Потом, обсуждая мороженное, официанта, Джолитти и двойные сливки, они не замечают, как оказываются у самого дома Марко. Тихонько входят, стараясь не разбудить родителей. На цыпочках идут в его комнату. Закрывают дверь, немного успокоившись, включают радио. Совсем тихо. Нежным поцелуем он увлекает ее на кровать. На радиостанции нежный женский голов объявляет час

романтической музыки. Нахальная луна подглядывает за ними через окно. Баби тает от ласк в таинственном полумраке. Марко медленно раздевает ее. Оставляет только лифчик и трусики. Целует шею, ключицы, плечи, перебирает волосы, легонько касается маленькой гладкой груди. Потом приподнимается и смотрит на нее.

Баби лежит под ним. Она стесняется, ей немного страшно. Марко ей улыбается. Белые зубы блестят в полутьме.

– Я знал, что ты выберешь это белье. Ты просто прекрасна.

Ее губы полураскрыты. Марко наклоняется и целует ее. Она, почти не шевелясь, нежно, мягко отвечает ему на поцелуй. Этой ночью на радио звучат самые чудесные песни. Во всяком случае, им так кажется. Марко нежно, ласково настаивает на том, чтобы пойти дальше. Но увы. Ему удается только снять с Баби бюстгальтер. Вот и все, и ничего больше. Потом он отвозит ее домой. Провожает до дверей и нежно целует, старательно скрывая злость. И уезжает в ночь. Ему приходит на память песня Биттисти. О том, что девушка похожа на торт со взбитыми сливками: радуется, если ее не попробовали.

Воспоминания...

Внезапно повисает необыкновенная тишина. Класс будто застыл, зависнув в воздухе. Баби оглядывает девушек вокруг, своих товарок. Милые, отвратительные, тощие, толстые, красивые, страшные, миленькие. Вот Паллина. Кто то быстро листает учебник, другие взволнованно повторяют заданное. Одна особенно нервная трет пальцами лоб и глаза. Другая наклоняется в бок, чтобы скрыться. Настало время опроса. Джаччи ведет указывающей дланью по списку. Это все игра-она уже знает, где остановиться. «Джаннетти!» Девушка встает, оставив на парте призрачные надежды и немного макияжа. «Феста!» Берет свою тетрадь и Сильвия. Она едва успела списать перевод. Сильвия идет меж двух рядов, подходит к кафедре и сдает тетрадь. Встает у двери, рядом с Джаннетти.

Они обескураженно глядят друг на друга, пытаясь найти силы в объединившей их беде. Джаччи поднимает голову от списка и оглядывает класс. Некоторые девушки уверенно встречают взгляд, показывая, что они подготовились. Одна из притворяшек подалась вперед, чуть ли не напрашиваясь. Сердца отчаянно колотятся.

– Ломбарди.

Паллина поднимается. Смотрит на Баби. Будто перед смертью прощается. Идет к кафедре, как приговоренная.

Паллина встает между Джаннетти и Феста. Сильвия ободряет ее улыбкой, шепчет: «Выкрутимся как-нибудь», отчего Паллине становится совсем не по себе. Первой спрашивают Джаннетти. Она переводит кусок текста, спотыкаясь на ударениях. Безуспешно ищет, как верно перевести слово на итальянский. Не отвечает, от какого глагола происходит «давнопрошедшее» время. Случайно угадывает причастие будущего времени, но герундий ей образовать не удастся. Сильвия Феста мучается над первой, самой легкой частью перевода. Глагол она неназвала, даже близко не угадала. И почти призналась в том, что перевод списала. Она рассказывает неправдоподобную историю про то, что ее мать больна, что она и сама себя плохо чувствует. Непонятно как, ей удается верно просклонять существительное третьего склонения. Паллина застывает от ужаса. Ей досталась третья, самая трудная часть перевода. Она быстро и почти без ошибок читает текст. Но на этом месте и останавливается. Затем выдает чересчур вольный вариант перевода. Но аккузатив не в том месте

делает фразу совершенно не правильной. Баби обеспокоенно смотрит на подругу. Паллина не знает, что делать. Баби открывает учебник. Читает предложение. Сравнивает с переводом одной из зубрилок. Легким шепотом привлекает внимание Паллины. Джаччи со скучающим видом смотрит в окно, дожидаясь, пока Паллина ответит.

Баби расплывается на парте и, спрятавшись за спиной впеи сидящей, подсказывает свой задушевной подружке, как верно перевести. Паллина шлет ей воздушный поцелуй и повторяет в полный голос то, что Баби ей только что прошептала. Джаччи, неожиданно услышав нужные слова на нужном месте, поворачивается к классу. Слишком уж это хорошо, чтобы быть случайностью.

– Великолепно. Кажется, кое-кто у нас готов отвечать. Джервази, поскольку вы явно знаете лучше всех, идите к доске и переводите.

Паллина виновато перебивает Джаччи.

– Синьора Джаччи, извините, это я виновата, я сама попросила ее...

– Замечательно, Ломбарди, ценю вашу честность. Очень благородно с вашей стороны. Однако, вне всякого сомнения, вы совершенно ничего не знаете. А теперь я хотела бы послушать Джервази. выходите, выходите.

Баби поднимается, но остается на своем месте.

– Синьора Джаччи, я не готова.

– Замечательно, но тем не менее-выйдете, пожалуйста к доске.

– Зачем мне выходить к доске-чтобы повторить тоже самое? Я не готова. Яне смогла выучить, извините. Поставьте «неуд».

– Хорошо, поставлю. Вы довольны?

– Почти так же, как Катинелли, когда не дает списать!

Класс смеется. Джаччи бьет рукой по списку.

– Тишина! Джервази, дайте дневник. Может замечание порадует вас еще больше. И вашу мать тоже-ей придется это подписать.

Баби относит дневник, учительница быстро и зло записывает. Закрывает дневник и возвращает владелице.

– Завтра принесете с подписью родителей.

Баби думает: есть в жизни вещи и похуже, но лучше сейчас об этом не распространяться вслух. Молча возвращается она на свое место.

Сильвии поставили пять баллов. Это явно слишком много за такой убогий ответ. Может быть, в зачет пошли ее извинения. Но даже в них ей стоит немного поупражняться. Ее мать так часто болеет, что того и гляди скончается.

Паллина возвращается на место с четырьмя баллами. По правде говоря, она и их не заслуживает. Джаннетти удастся получить

удовлетворительную оценку. Джаччи, ставя отметку, награждает Джаннетти латинской пословицей об одноглазом, который счастлив жить в стране слепых. Баби открывает дневник. Заглядывает в конец, на последние страницы. Рядом с алфавитным списком одноклассниц два листочка, на которых она отмечает, кого уже спросили. Баби ставит последние галочки напротив фамилий Джаннетти, Ломбарди и Феста. Круг опросов замкнулся. Затем Баби ставит галочку напротив своего имени. Она вспоминает о замечании. Читает его.

«УВАЖАЕМАЯ СИНЬОРА ДЖЕРВАЗИ! ВАША ДОЧЬ ЯВИЛАСЬ НА УРОК ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА СОВЕРШЕННО НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ. КРОМЕ ТОГО, КОГДА ЕЕ СПРОСИЛИ, ОТВЕЧАЛА ВЕСЬМА НАГЛО. ОБРАТИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВНИМАНИЕ НА ЕЕ ПОВЕДЕНИЕ. С УВАЖЕНИЕМ, ПРОФ. А.ДЖАЧЧИ.»

Баби захлопывает дневник. Смотрит на преподавательницу. Вот же сука. Потом задумывается о матери. Подумать только, замечание! Наверное, ее накажут. Опять раздуют целый скандал. Или еще что-нибудь придумают.

Овчарка бежит по пляжу с палкой в зубах. Легко отталкивается, едва касаясь песка, поднимая фонтанчики. Подбегает к Стэпу. Он выдергивает чуть обслюнявленную палку из пасти. Пес ложится, устроив голову между вытянутых передних лап. Стэп делает вид, что бросает палку вправо. Пес дергается, но напрасно. Стэп снова делает вид, что хочет бросить палку.

Наконец он кидает палку далеко в воду. Собака срывается с места. Тут же ныряет. Голова пса мелькает меж волн, он плывет против течения. Палка плавает немного дальше. Стэп сидит, смотрит. Чудесны день. Еще никого нет. И вдруг – страшный шум. Яркий свет. Собака исчезает. Исчезает и море, и далекие горы, холмы справа, песок.

– Какого черта?

Стэп переворачивается на другой бок, накрывая голову подушкой.

– Кто там приперся?

Полло подняв жалюзи, открывает окно:

– Мать моя, ну и вонища! Надо проветрить. На, держи, я тебе бутербродов принес.

Полло швыряет на кровать зеленый пакет из кафе «Евклид».

Стэп вылезает из – под одеяла и потягивается.

– Тебя Мария впустила?

– Да, она сейчас кофе варит.

– Который час?

– Десять.

Стэп встает с постели.

– Чтоб ты сдох, нельзя было дать мне еще чуть-чуть поспать?

– Я тебя бить не буду только потому, что ты принес еды, – и направляется на кухню, Полло следом.

Еще горячий кофейник стоит на деревянной подставке. Рядом кувшин с теплым молоком и холодное в невскрытом голубом пакете.

Уборщица Мария, невысокая женщина лет пятидесяти, выходит из комнатки рядом, где она гладит.

– Мария, вот его, – Стэп указывает на Полло, – что бы ни случилось, не впускать в этот дом раньше одиннадцати часов.

– Сейчас я приму душ, и пойдем с тобой забирать мотоцикл.

– Ты знаешь, есть одна проблемка... Мне нужно двести евро.

– Как это? Ты же вчера столько спер?...

– Я весь в долгах. Мне надо купить продуктов, заплатить за химчистку, и еще я должен денег Фурио, знаешь, тому, из тотализатора.

– Что делать будем?

– Я думаю. Сицилиец и остальные сами без гроша, так что лучше и не заикаться.

– Ну и как нам быть?

– Танцуй. Я придумал.

Полло смотрит на друга с надеждой:

– И чего?

– Деньги даст мой братец.

– Как это – даст?

– Так это. Я их буду вымогать.

Полло слегка успокоился: «Ну ладно». Шантажировать брата – что может быть естественнее? На секунду он даже расстроился, что единственный сын у своих родителей.

Паоло, брат Стэпа, в офисе. Элегантно одетый, сидит за таким же элегантным письменным столом, занимается делами синьора Форте, одного из самых влиятельных клиентов финансового общества. Паоло учился в университете Боккони. Окончив с отличием университет, он вернулся из Милана и тут же нашёл себе неплохое место специалиста по торговому праву. Он эффективный менеджер. На самом деле его порекомендовал отец. Но ему удалось удержаться, и он гордится тем, что это уж целиком и полностью его заслуга. Это правда, хотя в компании никогда никого не увольняли.

Юная секретарша в кремовой блузке, черезчур, пожалуй, прозрачной для мира налогов и облегчённых налоговых схем – мира, в котором прозрачность не приветствуется, – входит в кабинет Паоло.

– Синьор?

– Да, слушаю вас, – Паоло отвлёкся от бумаг, чтобы заинтересоваться лифчиком секретарши, и лишь потом – тем, что она скажет.

– Пришёл ваш брат с другом. Впустить их?

У Паоло нет времени, чтобы выдумать благовидный предлог. Стэп и Полло вламываются в кабинет.

– Конечно, ты меняпустишь. Я тебе брат или кто? Кровь от крови, так сказать, сеньорина. Мы всё делим пополам. Понимаете? Всё!

Стэп берёт секретаршу за руку, намекая тем самым на вероятную, хоть и отдалённую возможность, что эта юная красотка, помимо бумаг и звонков, приносит Паоло кое-что ещё.

– Так что меня можно впускать всегда, правда, Па?

Паоло кивает.

– Конечно.

Секретарша смотрит на Стэпа. Привыкнув иметь дело с мужчинами немолодыми, коварными и при галстуках, к нему она относится с уважением.

– Извините. Я не знала.

– Ну вот, теперь знаете, – Стэп улыбается ей.

Он не отпускает её руку, секретарша смотрит на него.

– Можно идти?

Паоло, несмотря на новые очки, ничего не заметил и отпустил её:

– Конечно, синьорина, идите.

Они остаются одни. Полло и Стэп усаживаются в кожаные вращающиеся кресла напротив Паоло. Стэп сидит, нахально развалясь. Затем отталкивается от стола.

– Слушай, а у тебя хороший вкус на секретарш, – Стэп прокручивается и снова сидит лицом к Паоло. – Признавайся, ты её отодрал. Или хотел отодрать, а она не дала? Тогда увольь её, тебе-то что?

Паоло устало глядит на него:

– Стэп сколько раз тебе говорить – когда приходишь сюда, не выражайся и не устраивай бардак. Я тут, между прочим, работаю. И все меня знают.

– А что я такого сделал? Или Полло? Скажи ему, что я ничего такого не сделал.

Паоло вздыхает.

– С вами говорить бесполезно, только время зря тратить. Вот вчера вечером. Я тебя сколько раз просил: если приходишь поздно, будь потише. А ты не слушаешь. Вечно устраиваешь ужасный шум.

– Ну извини, Па. Вчера я страшно хотел жрать. Что мне, совсем не есть? Я только бифштекс себе приготовил.

Паоло иронически улыбается.

– Нет, я не хочу, чтоб ты оставался голодным. Проблема в том, как ты это делаешь. Шумишь, хлопаешь окнами, дверцей холодильника... Тебе плевать, что я сплю, что мне рано вставать! Тебе, конечно, по фигу, ты встаёшь, когда хочешь. Кстати, ты сегодня обедаешь с папой.

Стэп выпрямился в кресле.

– Откуда ты знаешь? Вы с ним говорили обо мне?

– Он мне сам сказал. Он мне позвонил. Всё равно я бы не мог ничего рассказать – я о тебе ничего не знаю, – Паоло внимательно смотрит на брата. – Знаю только, что ты одеваешься бог знает во что, тёмные куртки, джинсы, спортивные туфли... ты выглядишь как бандит.

– А я и есть бандит.

– Стэп, прекрати идиотничать. Кстати, а зачем ты пришёл? Серьёзно? Тебе что-то от меня нужно?

Стэп переводит взгляд на Полло, потом снова на брата.

– Да, в общем, ничего не нужно. Дай мне триста евро.

– Триста евро? Ты с ума сошёл? И где я тебе их возьму?

– Хорошо, тогда дай двести.

– Даже не проси, всё равно ничего не дам.

– Да?

Стэп надвигается на Паоло. Тот испуганно пятится. Стэп улыбается.

– Тихо, братишка, успокойся, я тебе ничего не сделаю.

Затем нажимает кнопку интеркома и вызывает секретаршу:

– Синьорина, зайдите, пожалуйста.

Секретарша не обратила внимания, что голос чужой.

– Да, сейчас.

Стэп усаживается в кресле поудобнее и ухмыляется Паоло.

– Итак, братец, если ты мне не дашь двести евро, я сорву трусики с твоей секретарши.

– Что? – Паоло не успевает ничего добавить.

Открывается дверь и входит секретарша.

– Что вам угодно, синьор?

Паоло пытается выкрутиться:

– Ничего, ничего, идите.

Стэп поднимается.

– Нет, синьорина, погодите минутку.

Степ подходит к секретарше. Девушка молча уставилась на братьев, не зная, что делать. Такая ситуация не входит в круг её обычных обязанностей. Секретарша вопросительно смотрит на Степа.

– Что такое?

Стэп изучает её, ухмыляясь.

– Интересно, сколько стоят ваши трусики?

Секретарша смущается:

– Но как же это...

Паоло встаёт:

– Стэп, хватит! Синьорина, идите...

Стэп хватает её за руку.

– Подождите, всего минутку. Паоло? Дай Полло то, что нам нужно, и мы выпустим синьорину.

Паоло вынимает бумажник из внутреннего кармана пиджака, достаёт несколько банкнот по пятьдесят евро и злобно суёт их Полло. Полло пересчитывает деньги, подаёт знак Стэпу, что всё в порядке. Стэп, улыбаясь, отпускает секретаршу:

– Благодарю, синьорина, вы нам очень помогли. Что бы мы вообще без вас делали?

Секретарша оскорблённо удаляется. Паоло встаёт с кресла и огибаёт стол.

– Так, деньги я вам дал. А теперь вон отсюда, вы мне надоели.

Он было хочет их вытолкать, но затем решает, что словами будет эффективнее.

– Стэп, если так будет продолжаться, то тебя ждут неприятности.

Стэп устался на брата:

– Шуточки шутишь? Какие ещё неприятности? У меня не бывает неприятностей. Я и неприятности – вещи разные, мы и не встречаемся никогда. Деньги я попросил для друга, у него некоторые трудности, вот и всё.

– И потом, Паоло, как ты себя ведёшь перед Полло? Из-за каких-то двухсот евро. Как будто их у тебя попросил не пойми кто. Раздуваешь скандал из ничего.

Паоло присаживается на край стола.

– Не знаю, как у тебя это получается, но в итоге всегда оказывается, что неправ я.

– Я этого не говорил. Но, может быть, оттого, что ты ненавидишь этот офис, оттого, что ты сидишь и считаешь деньги, с тобой приключилась какая-то болезнь, и ты ну никак не можешь дать денег, даже в долг?

– В долг, говоришь?

– Ну конечно, я же тебе всегда возвращаю. Я тебе всё верну. Знаешь, тебе не мешало бы развеяться. Развлечься. Ты что-то бледный... Поехали со мной покатаемся на мотоцикле?

Паоло от избытка чувств даже снимает очки.

– Ты издеваешься? Ни за что. Лучше умереть. Кстати, насчёт смерти... Она не дремлет. Вчера я ездил в «Тартаругино» – и ты знаешь, кого я там видел?

Стэп рассеянно прислушивается. В «Тартаругино» никто из тех, кто его интересуется, не пришёл бы. Однако он решает не расстраивать брата. Отчасти потому, что тот всё же выдал ему двести евро.

– И кого же?

– Джованни Амброзини.

Стэп едва не подпрыгнул. Сердце оборвалось. В нём начинает подниматься волна злобы, но он её успешно скрывает.

– Правда?

Паоло продолжает.

– Он был с какой-то красавицей старше его. Когда мы встретились, он беспокойно оглядывался. Кажется, он был напуган. По-моему, боялся, что туда явишься ты. Потом, когда увидел, что тебя нет, успокоился немного. Даже улыбнулся. Хотя это скорее была гримаса. Челюсть у него по-прежнему не на месте. Остальное ты и так знаешь. Но вот почему ты его так избил? Ты не рассказывал...

Да, правда, думает Стэп. Он не знает. И никогда ничего не знал. Стэп

берёт Полло под руку и направляется к выходу. В дверях оборачивается. Смотрит на брата. Тот сидит за столиком. Круглые очки, дорогая стрижка, великолепная укладка, одет безукоризненно, сорочка отглажена – сам учил Марию, как надо гладить. Нет, лучше уж ему не знать. Стэп улыбается.

– Хочешь, скажу, за что я избил Амброзини?

Паоло кивает:

– Да, давай.

– За то, что он мне всё время говорил, чтобы я лучше одевался.

уходят они так же, как и вошли. Наглые и весёлые. Расхлябанной, немного хулиганской походочкой. минуют секретаршу. Стэп говорит ей что-то. Она провожает его взглядом. Они входят в лифт, приезжают на первый этаж. Стэп здоровается с портье.

– Привет, Матринелли, прикури-ка нам парочку.

Мартинелли вытаскивает из кармана пиджака мягкую пачку недорогих сигарет. Щёлкает пальцем по дну, чтобы выбить две штуки. Полло и Стэп потрошат пачку.

На узкой улочке гараж, а в гараже Серджо, механик. На нем синий комбинезон с бело-зелено-красным прямоугольником Castrol на спине. Каждый раз, когда ему пригоняют мотоцикл, что бы с тем ни случилось, Серджо, проверив машину, говорит: «Надо кое-что сделать, а потом еще и маслице сменим».

Перед гаражом тормозит мотоцикл Стэпа. По выхлопу слышно, что уж этот VF 750 в ремонте не нуждается. Серджо вытирает руки тряпкой.

– Привет, Стэп, что случилось? Поломался?

Стэп смеется. Ласково похлопывает по бензобаку.

– Эта лошадка таких слов не знает. Нет, мы приехали забрать драндулет Полло.

Между тем Полло подходит к своему мотоциклу. Это старый Kawasaki 550. Настоящий гроб.

– Все в порядке. Пришлось поменять поршни, кольца и движок. Но некоторые запчасти я тебе поставил бэушные.

Серджо перечисляет прочие, более дорогостоящие работы.

– Ну и масло поменяли.

Полло уставился на него. Это с ним не согласовали. Серджо даже не заикнулся.

– Но это я в счет не включил. Считай, подарок.

Годом раньше Серджо уже имел с этой парочкой бурный спор и с тех пор научился вести себя с ними.

Была весна. Стэп пригнал свою свежкупленную Honda на техобслуживание и заметил: «Надо бы посмотреть боковой колпак, он что-то дрожит».

Через несколько дней Стэп приехал забрать мотоцикл. Без возражений оплатил счет, включая замену масла. Но когда он опробовал Honda, обнаружилось, что колпак по-прежнему дрожит. Стэп вернулся вместе с Полло и предъявил Серджо брак. Серджо начал уверять, что отрегулировал его наилучшим образом. «Если хочешь, я тебе снова подрегулирую, но тогда придется приехать еще раз и заплатить». Вдобавок к этому Серджо совершил огромную ошибку. Он подошел к Стэпу, похлопал его по плечу, и это-то и вышло ему боком.

– И потом, мало ли как ты обращаешься с мотоциклом. Вот и расшатал колпак.

– Это ты зря. Боковые части мотоцикла очень просто расшатать. Вот, смотри...

Стэп углубился в ряды мотоциклов перед гаражом. Начал он с яростного пинка по Honda 1000, она упала на стоящую рядом Honda Custom – в идеальном, кстати, состоянии. Та тоже свалилась – на Suzuki 750, и дальше – на легкий белый SH 50. Мотоциклы дорогие и модные, новые и подержанные валялись друг на друга с жутким металлическим грохотом, влекомые разрушительной волной, как кости домино, только игра эта обошлась дорого. Серджо попытался удержать их. Но напрасно. Наконец последний Peugeot рухнул, разворотив себе весь борт. Серджо ужаснулся. Стэп, ухмыляясь, заявил: «Ну что, видел, как это просто? Если ты мне сейчас же не отремонтируешь мотоцикл, я тебе гараж подожгу». Не прошло и часа, как колпак был отрегулирован. Больше он не дрожал. А Стэп не заплатил.

– Смотри, Полло, он, считай, на обкатке сейчас. Ты поаккуратнее, что ли...

Полло отпускает рукоятку газа.

– Вот блин, и правда. Сегодня вечером гонка, а я все равно без мотоцикла. И нафига напрягались?

Полло переводит взгляд на Стэпа.

– Кстати, а ты не мог бы...

Стэп, быстро сообразив, откуда ветер дует, затыкает друга.

– Стоп. Полегче. Мотоцикл мой не трогать. Я тебе дам все что надо, но мотоцикл не хапать. Один раз побудешь зрителем.

На пьяцца Эуклиде, перед выходом из школы Фальконьери, в два ряда стоят машины. Позади остальные водители, у которых есть дела, но нет дочерей, посещающих эту школу, отчаянно гудят: этаким концерт в стиле постмодерн.

Парни на Peugeot и SH 50 останавливаются прямо перед лестницей. Как раз в эту минуту подъезжает Раффаэлла. Находит местечко с другой стороны улицы, напротив бензоколонки, не доезжая церкви, и вписывается туда на четы-рехдверном Peugeot 205. Паломби ее узнает и, памятуя о вчерашнем вечере, почитает за лучшее удалиться.

Он подходит к группе парней у подножия лестницы. Тема дня: вечеринка у Роберты и хулиганы. Один из ребят рассказывает свою версию произошедшего. Скорее всего, не врет, судя по синякам. Хотя, если даже кто-нибудь там и избил его, то все остальное могло быть и выдуманно. К компании присоединяется Бранделли.

– Привет, Малыш, как жизнь?

– Нормально, – врет он не краснея.

Однако приятель верит. Малыш теперь вообще дока по части лжи. Он изощрялся в ней все утро, когда отец увидел, во что превратился BMW.

Малыш застывает на месте. Его мечты неожиданно стали явью. Но ему от этого вовсе не радостно. Появляются Стэп и Полло, на полной скорости вписываясь в поворот на кренящихся мотоциклах. Обгоняют какую-то машину и останавливаются в нескольких метрах от Бранделли. Прежде чем Стэп узнал его, Малыш разворачивается, садится на Vespa, последнее оставшееся в его распоряжении средство передвижения, и удирает. Стэп закуривает сигарету из тех, что спер у Мартинелли, и говорит Полло:

– Она точно здесь будет?

– Конечно. Мы вчера договорились пойти пообедать вместе.

– Она ничего?

– Миленькая. По-моему, даже симпатичная. Хотя немного того.

Звенит звонок с последнего урока. На первых ступеньках лестницы появляются девочки. Все одеты в форму. Блондинки, брюнетки, каштановые. Спускаются вприпрыжку, бегом, медленно, поодиночке и группами. Болтают. Дани-ела сбегает по ступенькам и мчится навстречу Паломби. Раффаэлла замечает дочь и жмет на клаксон. Подает ей знак,

чтобы шла скорее в машину. Даниела кивает. Но сначала подходит к Паломби и торопливо целует его в щеку.

– Привет, там моя мама, мне надо идти. Созвонимся сегодня днем? Звони мне домой, мобильный у нас там не берет.

– Хорошо. Как твоя щека?

– Лучше, намного лучше! Ну, я пошла.

На лестнице появляются Баби и Паллина. Полло пихает Стэпа: «Вон она!» Стэп поднимает голову. Несколько девочек постарше спускаются по лестнице. Среди них Баби. Стэп поворачивается к Полло:

– Которая?

– Вон та, с распущенными волосами, черненькая, маленькая.

Стэп снова смотрит вверх. Должно быть, это та, что рядом с Баби.

Непонятно почему, но ему приятно, что это не Баби пригласила Полло на обед.

– Она ничего. А я знаком с той, которая рядом.

– Да ну? И каким образом?

– Вчера вечером я с ней мылся в душе.

– Что ты несешь?..

– Гадом буду! Сам спроси у нее.

– И как же я это у нее спрошу? Прямо так подойти и сказать: слушай, ты вчера не принимала душ со Стэпом? Да брось ты!

– Ну, тогда я спрошу.

Паллина обсуждала с Баби, как лучше преподнести Раффаэлле новость о записи в дневнике, и вдруг замечает Полло.

– О Боже!

Баби глядит на нее:

– Что такое?

– Это тот тип, который вчера спер у меня карманные деньги на всю неделю.

– Который?

– Вон тот внизу.

Паллина показывает на Полло. Баби смотрит в указанном направлении. Полло стоит внизу, а рядом с ним верхом на мотоцикле – Стэп.

– О Господи!

Паллина встревоженно смотрит на подругу:

– Что такое? Он и у тебя спер деньги?

– Нет, его приятель, тот что рядом стоит, вчера затащил меня под душ.

– Понятно... Но ты мне ничего не говорила!

– Я хотела об этом забыть. Пойдем.

Они решительно преодолевают последние ступеньки. Полло направляется к Паллине. Баби оставляет их объясняться, а сама идет к Стэпу.

– Ты что тут делаешь? Можно узнать, зачем ты пришел?

– Тихо, тихо. Для начала, это место общественное. А потом, я пришел вместе с Полло – он идет пообедать вот с этой.

– Ну, предположим, «вот эта» – моя лучшая подруга. А Полло – вор, раз он украл у нее деньги.

Стэп выносит свое суждение:

– Ну, предположим, Полло – мой лучший друг, а никакой не вор. Это она его пригласила, и платит тоже она. И что же ты так язвишь? Что, завидно, что я тебя не позвал пообедать? Ну, если хочешь, то пойдем. Но при одном условии – платишь ты!

– Слушай, ты...

– Тогда давай так: завтра прихвати деньги, закажи столик, ну а я тебя туда поведу... Идет?

– Так я и пошла с тобой!

– Вчера вечером пошла, и даже с удовольствием.

– Идиот.

– Давай садись – подвезу.

– Дебил!

– Что ж ты так выражаешься? Такая милая девочка, в школьной форме, учится в Фалько-нъери, вся такая благовоспитанная – и так себя ведешь! Нехорошо это.

– Засранец.

Полло как раз подошел и услышал этот комплимент.

– Вижу, вы уже подружились. Пойдете пообедать с нами?

Баби обескураженно смотрит на подругу:

– Паллина, как же это? И с этим вором ты обедаешь?

– По крайней мере, кое-что теперь в мою пользу – платит он!

Стэп глядит на Полло:

– Вот ведь сволочь!.. А мне сказал, что это за ее счет.

Полло смеется:

– Ну, в делом так и есть. Ты же знаешь, я никогда не вру. Вчера я спер у нее деньги и заплачу из них. Поэтому, в каком-то смысле, платит она. Ну так что, вы идете или как?

Стэп нахально заявляет Баби:

– Извини, но сегодня я обедаю с отцом. Может, договоримся на завтра?

Баби пытается держать себя в руках:

– Ни за что!

Паллина садится на мотоцикл позади Полло. Баби огорченно смотрит им вслед. Ей кажется, будто ее предали. Паллина пробует ее успокоить:

– Увидимся позже, я к тебе зайду!

Баби собирается уйти. Стэп ее останавливает:

– Подожди. А то окажется, что я соврал. Скажи ему, пожалуйста, правда ли, что мы с тобой вчера вместе мылись под душем?

Баби высвобождается:

– Пошел ты в жопу!

Стэп ухмыляется Полло:

– Это она так соглашается!

Полло качает головой и увозит Паллину. Стэп провожает взглядом Баби. Она переходит дорогу. Решительно идет. Машина тормозит, чтобы ее не сбить. Водитель отчаянно гудит. Баби, даже не повернувшись, садится в машину.

– Привет, мама.

Баби целует Раффаэлла.

– Как в школе? Все хорошо?

– Просто отлично, – врет Баби.

– Паллины не будет?

– Нет, она сама вернется, – Баби размышляет о том, что Паллина все же пошла обедать с этим типом. Как глупо.

Раффаэлла раздраженно жмет на клаксон.

– Ну где наконец эта Джованна? Даниела, я же сказала тебе ее предупредить!

– Вот она идет.

Джованна, светловолосая девочка несколько болезненного вида, не спеша переходит улицу и садится в машину.

– Извините, синьора.

Раффаэлла молчит. Заводит машину и срывается с места. Яростный рывок довольно красноречиво говорит о ее чувствах. Даниела уставилась в окно. Ее подружка Джулия стоит перед школой и болтает с Паломби. Даниела свирепеет:

– Это просто кошмар! Каждый раз, как мне кто-то понравится, Джулия начинает с ним трепаться и разыгрывать дурочку. Совсем уже! Как она к нему клеится! Она же его просто ненавидела, а теперь стоит, болтает!

Джулия замечает Peugeot, машет Даниеле и делает знак: позвоню, мол. Даниела ненавидяще смотрит на нее и не отвечает. Потом поворачивается к

сестре:

– Баби, а Стэп приехал за тобой?

– Нет.

– Ну как же нет, я видела, вы разговаривали.

– Мы случайно встретились.

– Ты могла бы поехать домой с ним. О, а вот и он!

В эту минуту Стэп на полной скорости поравнялся с Peugeot. Раффаэлла в ужасе рулит в сторону. Напрасно. Стэп все равно бы ее не задел. Он рассчитал дистанцию до миллиметра.

Honda 750 пару раз наклоняется, лавируя между машинами. Стэп в темных очках поворачивает голову и улыбается. Он уверен, что Баби смотрит на него. И он не ошибается. Не остановившись на красный, он дает по газам и проскакивает на виа Сиацчи.

– Только посмей поехать с этим типом! Я не знаю, что я с тобой сделаю. Он просто ненормальный. Ты видела, как он ездит? Смотри у меня, я не шучу.

Наверное, мама права. Стэп водит как сумасшедший. Но в тот вечер, с ним, ночью, закрыв глаза, в тишине – ей не было страшно. Ей даже понравилось. Баби лезет в пакет с покупками и отрывает кусочек пиццы. Нельзя же себя все время ограничивать. И, поддавшись порыву «нарушать, так уж все разом», она решает, что момент настал.

– Мама, мне влепили замечание.

Стэп налил себе пива и включил телевизор. Десятый канал. На MTV крутили старый клип Aerosmith «Love in an elevator». Стивена Тайлера в лифте настигла космическая шлюха. Тайлер, который в десять раз красивее Мика Джаггера, оценил девушку по достоинству. Стэп подумал об отце. Отец сидел как раз напротив. Интересно, а он бы оценил? Отец берет пульт и выключает телевизор. Он, как Паоло, совсем не ценит красоту.

– Мы не виделись три недели, а ты включаешь телевизор. Может, все же поговорим?

Стэп отхлебывает пива.

– Хорошо, поговорим. О чем ты хочешь поговорить?

– Скажи, что ты думаешь делать с...

– Не знаю.

– Что значит – не знаю?

– Очень просто... Это значит, что я пока не знаю.

Служанка вносит первое блюдо. Ставит пасту в центр стола. Стэп смотрит на погасший экран телевизора. Интересно, Стив Тайлер еще делает в конце сальто-мортале? Ему пятьдесят пять лет, а он в такой форме. Исключительное здоровье. Сила природы. Он смотрит на отца. Тому сложно даже положить спагетти в тарелку. Стэп пытается представить себе отца более молодым, представить, как он делает сальто-мортале. Не получается. Скорее уж Паоло трахнет секретаршу.

Отец передает ему пасту. Она сдобрена тертым хлебом и анчоусами. Эта паста ему нравится больше всего. Ее всегда готовила мама. Она никак не называется. Главное, чтобы были спагетти с тертым хлебом и все. Даже анчоусы необязательны. Стэп накладывает себе спагетти. Сколько раз он ел за этим столом, в этом доме с Паоло и матерью. Обычно в маленькой тарелочке всегда была особенная приправа. Паоло и отец ее не ели, она была предназначена только для него. Мать накладывала ему приправу в пасту понемножку, ложечкой. В конце обеда она, улыбнувшись, выкладывала ему в тарелку все оставшееся. Это была его любимая паста. Интересно, почему отец вспомнил о ней?

– Ты заметил, я заказал пасту, которую ты любишь. Как тебе?

– Очень вкусно. Спасибо, папа. Хорошо приготовлено. Вот только приправы должно быть побольше. Можно еще пива?

Отец зовет служанку.

– Не хочу показаться навязчивым, но почему ты не пошел в университет?

– Не знаю... Я еще думаю. И потом, надо определиться с факультетом.

– Можешь пойти на право или экономику, как твой брат. После окончания я помог бы тебе с работой.

Стэп вообразил себе: вот он, в костюме, как у брата, в офисе, с кучей папок с делами. С секретаршей. Последняя мысль на секунду увлекла его. Потом он задумался. Ведь всегда можно пригласить ее куда-нибудь и по-прежнему ни хрена не делать.

– Не знаю. Меня как-то туда не тянет.

– Почему? В школе ты учился хорошо. Трудно тебе не будет. По аттестату зрелости у тебя средний балл семнадцать – не так уж плохо.

– Папа, дело не в этом. Я еще не решил, я же сказал. Может быть, осенью. А сейчас я и думать об этом не хочу.

– А чего тебе хочется сейчас? Шляться и устраивать драки? Ты постоянно где-то шатаешься и возвращаешься поздно. Мне Паоло сказал.

– Что он тебе мог сказать – он же ни хрена не знает!

– Зато я знаю. Может, лучше было бы, если б ты послужил годик в армии – там бы тебя пообтесали.

– Вот только армии мне и не хватало.

– Знаешь, выходит, что я тебя отмазал только для того, чтобы ты шлялся по улицам и дрался с кем ни попадя. Лучше бы ты пошел служить.

– Ну что ты такое говоришь... Я – дерусь... Папа, ты заиклился.

– Нет, я боюсь. Помнишь, что сказал адвокат? Вашему сыну надо быть осторожнее. Кто-нибудь донесет, что-нибудь случится – и решение суда автоматически вступит в силу.

– Помню, конечно. Ты мне двадцать раз это повторил. Кстати, а ты что, виделся с адвокатом?

– Да, на той неделе. Оплатил последнюю часть счета.

Он говорит это очень мрачно, как бы подчеркивая, что ему это дорого обошлось. В этом они с Паоло очень похожи. Только и делают, что считают деньги. Стэп решает не обращать внимания.

– Он все еще носит тот ужасный галстук?

– Нет, умудрился найти еще более ужасный.

Отец улыбается. Пожалуй, лучше быть милым. Со Стэпом жесткие меры не проходят.

– Да ладно, так не бывает. Мы заплатили ему столько денег... – Стэп поправляется, – то есть ты заплатил... Он мог бы наконец купить приличный галстук.

– Я столько заплатил, что он мог бы сменить весь гардероб.

Служанка забирает тарелки и приносит второе. Бифштекс с кровью. К счастью, с ним никакие воспоминания не связаны. Стэп смотрит на отца. Он склонился над тарелкой, режет мясо. Спокойный. Не то что в тот день. Давным-давно, в тот страшный день.

Та же комната. По комнате взад и вперед бежит отец.

– Что значит – «Почему? А что такого?»! Ты зверь, ты животное, ты вообще не соображаешь! Мой сын – псих, преступник, изверг! Ты изуродовал этого парня! Ты понимаешь, что натворил? Ты же мог его убить! Или ты даже этого не понимаешь?

Стэп сидит, опустив глаза, не отвечая. Вмешивается адвокат:

– Синьор Манчини, что сделано, того не вернешь. Бесполезно кричать на мальчика. Я полагаю, что какие-то причины, пусть и скрытые, у него все же были.

– Хорошо, хорошо. Но скажите мне: что же нам теперь делать?

– Чтобы организовать защиту и ответить перед судом, нам придется раскрыть эти причины.

Стэп поднимает голову. Что он такое говорит? Что он знает? Адвокат смотрит на Стэпа с пониманием. Подходит к нему.

– Стефано, что-то между вами было. Какие-то споры, стычки. Он тебе что-то сказал или сделал... в общем, что-то, что вызвало твою злость?

Стэп смотрит на адвоката. На том ужасный галстук в серый ромбик на блестящем фоне. Затем он поворачивается к матери. Мать сидит в углу гостиной. Как всегда элегантная. Невозмутимо курит сигарету. Стэп опускает глаза. Адвокат глядит на него. Мгновение на размышления – и адвокат поворачивается к его матери, тонко улыбаясь:

– Синьора, может быть, вы знаете, почему ваш сын сотворил такое с тем парнем? Может быть, они поспорили о чем-то?

– Нет, не думаю. Я не знала даже, что они были знакомы.

– Синьора, поймите – Стефано будут судить. Будет судья, и будет приговор. Учитывая раны, нанесенные тому юноше, приговор будет суровым. И если нам нечего будет противопоставить... никакого доказательства, ни одной причины... то у вашего сына будут неприятности. И крупные неприятности.

Стэп сидит опустив голову. Смотрит на колени. На джинсы. Потом закрывает глаза. О Боже, мама, почему ты молчишь? Почему не спасешь меня?

Я так тебя люблю. Умоляю, не бросай меня. От слов матери у него сжимается сердце.

– Очень жаль, но мне нечего сказать. Я ничего не знаю. Неужели вы думаете, что если бы я хоть что-то знала, хоть чем-то могла помочь сыну, я бы не сделала этого? Простите, мне надо идти.

Мать встает. Адвокат смотрит, как она уходит. И в последний раз обращается к Стэпу:

– Стефано, ты точно ничего не хочешь сказать?

Стэп молчит. Не глядя на адвоката, поднимается и подходит к окну. Смотрит на улицу. Напротив последний этаж, такой же, как этот. Он думает о матери. В этот миг он возненавидел ее так же сильно, как когда-то любил. Он закрывает глаза. Слеза катится по щеке. Он не мог удержаться, ему больно как никогда прежде – больно за мать, за то, что он не сделал и за то, что он сделал.

– Стефано, ты кофе будешь?

Стэп отрывается от окна и поворачивается. Все та же комната. Но прошло время. Отец спокойно протягивает ему чашку.

– Спасибо, папа, – он залпом выпивает кофе. – Мне пора. Созвонимся на будущей неделе.

– Хорошо. Подумай насчет университета.

Стэп на ходу натягивает куртку.

– Подумаю.

– Звони почаще маме. Она сказала, что ты уже давно не звонил.

– Папа, у меня нет времени.

– Ну сколько там надо времени, чтобы позвонить!

– Хорошо, я позвоню ей.

Стэп торопливо выбегает. Отец остается один в гостиной, подходит к окну и смотрит на улицу. На последнем этаже окна напротив их окон закрыты. Джованни Амброзини сменил квартиру – как поменял им жизнь. Может ли он сердиться на собственного сына?

Стэп закуривает в лифте последнюю сигарету Мартинелли. Смотрится в зеркало. Все, кончилось. Эти обеды его доконают. Лифт прибывает на первый этаж. Стальные двери открываются, и чересчур углубившийся в размышления Стэп получает удар прямо в душу.

Перед ним стоит жиличка по имени синьора Ментарини, с плохо подстриженными волосами и крючковатым носом.

– Привет, Стефано, как поживаешь? Давно тебя не видно.

Это к счастью, думает Стэп. Он чудовище, поэтому не стоит видеться с ним часто. Потом он вспоминает о Стиве Тайлере и о той шлюшке, что вошла к нему в лифт. А ему досталась синьора Ментарини. Нет в мире

справедливости. Он уходит не поздоровавшись. Во дворе выбрасывает сигарету. Разбегается, отталкивается и, выбросив руки, ныряет вперед. Никакого сравнения. Сальто-мортале он делает куда лучше. С другой стороны, Тайлеру пятьдесят пять лет, а ему только девятнадцать. Кто знает, что с ним будет через три года. Одно точно: юристом-цивилистом он не станет.

– Издеваешься? Да я влюблена как кошка!
– Не преувеличивай.
– Нет, Паллина, правда. Я им так дорожу!
– Как он может быть тебе дорог, если вы вместе всего-то пять месяцев?
– Да знаю, но я безумно его люблю, это же мой первый серьезный роман!

Паллина со злостью переключает передачу. «Первые серьезные отношения – и с таким козлом», – думает она. Включает третью и влетает на площадь Мадзини. Потом переключает на вторую и сворачивает направо. Баби крепко обхватывает ее талию, пока они на полной скорости вписываются в третий перекресток, на котором и находится «Нуова Фьорентина». Сын хозяина, Фабио, стоит в дверях. Завидев их, он машет и идет к ним навстречу. Он очень привязан к обеим. На самом-то деле он питает слабость к Баби, хотя успешно ее скрывает. Фабио провожает их к правому ряду столиков, сразу у входа, рядом с кассой. Оттуда хорошо видно весь зал. Официантка приносит два меню. Но Паллина уже придумала, что заказать.

– Здесь чудесная кальцоне! Сыр с яйцом, моццарелла и кусочки ветчины. Умереть не встать!

Баби ищет в меню что-нибудь наименее губительное для диеты. Но Паллину не сдвинуть:

– Нам две кальцоне и два светлых пива. Средних.
Баби испуганно смотрит на подругу:
– Как, еще и пиво? Хочешь, чтоб я лопнула?
– Ну один-то разик можно! Ради праздника!

Год назад.

– Баби, Баби! – стучит Даниела в дверь ванной.

Но Баби не слышит. Она стоит под душем, и вдобавок по радио на полную громкость поют U2. Наконец Баби что-то услышала. Будто сильный стук, выбивающийся из ритма ударника. Она закрывает воду и, не вытираясь, убавляет звук.

– Ну что там такое?

Даниела вздыхает с облегчением:

– Наконец-то, я уже целый час стучу. Тебе Паллина звонит.

– Скажи ей, что я в душе, перезвоню через пять минут.

– Она говорит, у нее что-то срочное.

Баби фыркает.

– Ну ладно! Давай сюда телефон.

– На, держи.

Баби отворяет дверь. Даниела стоит с трубкой в руке.

– Только недолго, мне должна Джулия позвонить.

Баби вытирает ухо, прежде чем поднести к нему трубку.

– Ну, что там стряслось?

– Ничего, хотела просто поболтать. Чем занимаешься?

– Принимала душ. Не знаю, как это у тебя выходит, но ты все время звонишь мне, когда я в ванной.

– Ты разве не встречаешься сегодня с Марко?

– Нет, он сегодня пошел к другу заниматься. У него экзамен через два дня. Биология.

Паллина на секунду умолкает. И все же решает ничего не говорить.

– Отлично, я зайду за тобой через десять минут.

Баби берет маленькое полотенце и вытирает волосы.

– Я не могу.

– Ну пойдем, съедим по пицце...

Баби пытается возразить. Но все причины – усталость, несделанные задания и безумное желание посидеть дома в халате и ночной рубашке перед телевизором – разбиты в пух и прах. Через некоторое время она уже сидит на Vespa позади Паллины, изрядно напуганной движением в час пик.

– Ты куда едешь?

– А что?

– Мы не к Баффетто едем?

– Нет.

– А почему?

– В жизни нужны перемены. Баби, ты теперь такая обыкновенная! Всегда к Баффетто, всегда «хор» по латыни, все как всегда! Кстати, а с кем ты сейчас?

– Как это – с кем? С Марко вроде бы.

Баби обескураженно смотрит на Паллину. Неизвестно почему, но она уверена, что подруге Марко не нравится.

– Вот видишь, ты и тут такая скучная! Надо что-то менять.

– Какого праздника?

– Ну... мы уже кучу времени никуда не ходили вдвоем.

Баби думает: а ведь она права. Когда она изредка куда-то ходила, то только с Марко. И теперь так хорошо быть здесь, с подругой. Паллина роется в карманах куртки. Наконец вытаскивает заколку со стразами и сердечками из камушков, собирает волосы и закалывает их.

Милое круглое личико показывается во всей своей красе. Баби улыбается.

– Какая красивая заколка. Тебе очень идет.

– Нравится? Я ее купила на площади Карли у Брусколи.

Приносят пиво. Баби смотрит на бокалы: какие большие!

– Это средние? Какие же тогда большие?

Паллина поднимает свой бокал.

– Да ладно тебе. – Она чокается с бокалом Баби, немного пива выплескивается и вспенивается на скатерти.

– О-о-о-о... – Паллина ставит бокал на стол. – Какой кайф...

И вытирает рот, тщательно, с силой проводя по губам салфеткой. Иногда ей нравится напускать на себя суровый вид. Баби открывает пакетик хлебных палочек. Вытаскивает одну поподжаристей и начинает хрустеть. Потом оглядывает зал. Группки ребят весело болтают, поглощая кусочки пиццы с помидорами. Девушки с претензией едят ножом и вилкой все, даже асколанские оливки. Юная парочка беседует, ожидая, пока их обслужат. Милая девушка с темными, не очень длинными волосами. Юноша галантно наливает ей вина. Его видно со спины. Неизвестно почему, но Баби кажется, что она его знает. Мимо них проходит официант. Парень его останавливает и спрашивает, готова ли их пицца. И тут Баби видит его в лицо. Это Марко. Хлебная палочка ломается у нее в руках, а внутри что-то обрывается. Воспоминания, чувства, прекрасные мгновения, нашептанные слова любви завертелись в вихре иллюзий. Баби бледнеет.

Это видит Паллина:

– Что с тобой?

Баби не может вымолвить ни слова. Только указывает куда-то в глубину зала. Паллина оборачивается. Официант отходит от столика. Паллина видит все. Марко улыбается сидящей напротив него девушке. Гладит ей руку, уверенный в том, что скоро принесут пиццу и вечер продолжится как надо. Паллина поворачивается к Баби.

– Вот же сукин сын. Просто слов нет. Все мужики одинаковые! Это у него такой экзамен по биологии! К анатомии, наверное, готовится.

Баби молча опускает голову. По щеке ползет слеза. На подбородке она останавливается, но подгоняемая печалью, ныряет в пустоту.

– Паллина с сожалением смотрит на подругу.

Прости, я не хотела.

Она вынимает из кармана разноцветную бан-дану и отдает Баби:

– Она, наверное, не к месту, слишком веселая, но все же это лучше чем ничего.

Баби смеется каким-то всхлипывающим смехом. Вытирает слезы и шмыгает носом. Ясные, чуть покрасневшие глаза пристально глядят на подругу. Баби снова смеется, звучит это почти как всхлип. Паллина гладит ее по подбородку, стирая слезу.

– Ну не надо, не плачь, он того не стоит. Где он найдет другую такую, как ты? Это ему надо плакать. Он не знает, что потерял. Только и может, что гулять с девками типа этой.

– Как же я его ненавижу!

– Молодец! Уже лучше. Его надо проучить! – Паллина чокается с подругой, и обе приканчивают пиво одним длинным выстраданным глотком.

Баби во встрепанном состоянии, она не привыкла напиваться, и вообще положение для нее непривычное, но она решительно улыбается подруге.

– Ты права. Он у меня получит! Есть идея. Идем, поговорим с Фабио.

Марко весело смеется, подливая девушке холодного «Галестро». Он умеет развлекать женщин, правда, вино выбирать не умеет совсем.

В тот вечер владелец «Нуова Фьорентина» мог гордиться. Еще никто столь очаровательный не обслуживал его гостей. Очаровательная, если быть совсем точным. Баби идет между столиков с пиццами в руках. Все ясно. Вот эта, с моццареллой без анчоусов, – ему. Сколько раз он заказывал такую при ней. И сколько раз потом нежно кормил ее из своих рук.

Как больно! Лучше не думать. Она оборачивается. Фабио и Паллина

стоят у кассы. Они подбадривают ее улыбками. Баби собирается с духом. Она слегка оглушена. Пиво ударило ей в голову и помогло подойти к столу Марко.

– Это для вас.

Она кладет белую фокаччу с сыром перед девушкой. Девушка изумленно смотрит на нее.

– А это тебе, козел!

Марко не успел даже удивиться. Моццарелла с помидорами стекает по лицу, обжигаящая пицца превратилась в шапку на голове. Фабио и Паллина заплодировали, а за ними и весь ресторан. Чуть пьяная Баби кланяется. Затем уходит под ручку с Паллиной, вслед ей несутся шуточки гостей и обалделый взгляд девицы Марко.

Молча они подходят к мотороллеру. Баби тесно-тесно прижимается к Паллине. Но ей не страшно. На улицах куда меньше машин. Прижавшись щекой к спине подруги, она следит глазами за мелькающими деревьями, красными и белыми огоньками машин. Мимо проезжает оранжевый автобус. Баби закрывает глаза. Ее охватывает дрожь, затем проходит. Ее бросает то в жар, то в холод, ей одиноко. Молча они подъезжают к дому. Баби слезает с мотороллера.

– Спасибо.

– За что? Я ведь ничего не сделала.

– Пиво было замечательное, – улыбается Баби. – Завтра в школе я тебя угощаю. Надо отметить.

– Что отметить?

– Свободу.

Паллина обнимает ее. Баби прикрывает глаза. У нее вырывается рыдание, но тут же она овладевает собой. Паллина смотрит, как Баби бежит по ступенькам и скрывается в подъезде. Потом заводит Vespa и уносится в ночь.

Позже Баби, раздеваясь, вытаскивает из кармана деньги. Запустив руку в карман снова, проверить, не осталось ли чего, она очень удивляется. Даже улыбается. В кармане – заколка Пал-лины, со стразами и сердечками. Паллина сунула ее в карман подруге, пока они обнимались.

– Баби... Тебя к телефону.

– Сейчас иду.

Она быстро заматывается в полотенце и подходит к двери. Сестра передает ей трубку.

– Только недолго, мне должен позвонить Андреа.

Баби закрывает дверь ванной и садится на крышку унитаза.

В трубке звенит голос Паллины:

– Ты в ванной, что ли?

– Естественно, иначе бы ты и не позвонила! Что там опять стряслось?

– Мне только что звонил Полло. Сказал, что здорово провел со мной время. Извинился за ресторан и предложил встретиться. Спросил, не пойду ли я с ним на гонки.

– Какие гонки?

– Сегодня вечером они все идут к «Олимпиаке» и устраивают соревнования.

Мне уже надоело жертвовать собой ради тебя...

– Чем жертвовать?

– Как это – чем? А замечание и все остальное?

– Тебя сегодня заело на этом замечании!

– Все равно я наказана, сижу дома до воскресенья.

– Но я же не просила тебя идти со мной. Мне нужен совет. Как ты думаешь, идти мне или нет?

– Смотреть на тех, кто гоняется, еще глупее, чем участвовать в гонках. А теперь делай как знаешь.

– Наверное, ты права. Кстати, я сказала Дема, что я теперь с Полло. Ты довольна?

– Я? Да мне-то что. Это же твой парень. Я только сказала, что если бы он узнал об этом от кого-то другого, ему было бы очень больно.

– Поняла, поняла. Но, по-моему, ему вполне хорошо. Вроде бы даже счастлив. Как видишь, ты ошиблась. Он меня не любит.

Баби подходит к зеркалу. Вытирает его полотенцем. В зеркале отражается ее раздраженное лицо и трубка у уха. Временами Паллина так надоедает.

– Что ж, так даже лучше.

– Знаешь что? Ты меня уговорила. Я не пойду на гонки.

– Умница! Созвонимся.

Баби выходит из ванной. Отдает телефон Даниеле.

Баби выходит из комнаты. На ней мягкий вышитый розовый халат, под ним голубая пижама, а на ногах теплые тапочки. Она выходит в холл и слышит, как поворачивается в замке ключ. Это отец.

– Папа! – Баби бежит ему навстречу.

– Баби...

Отец в ярости. Баби останавливается.

– Что случилось? Только не говори, что я не так поставила Vespa, или что я не въехала в гараж...

– Да плевать на твою Vespa! Ко мне сегодня приходили Аккадо.

При этих словах Баби бледнеет. Как же она раньше не подумала? Надо было рассказать родителям обо всем.

В холл входит Раффаэлла. Она только что помыла два зеленых яблока, приготовив таким образом ужин.

– Что они хотели? Что случилось? И при чем тут Баби?

Клаудио смотрит на дочь.

– Не знаю. Баби, скажи, при чем тут ты?

– Я? Я ни при чем.

В дверях появляется Даниела.

– Это правда, она ни при чем!

Раффаэлла поворачивается к Даниеле:

– А ты помолчи, тебя никто не спрашивал.

Клаудио берет Баби за руку.

– Может быть, ты и не виновата, но тот, кто был с тобой, как раз очень даже при чем! Аккадо попал в больницу. У него носовая перегородка сломана в двух местах. Кость поставили на место, но врач сказал, что еще полсантиметра – и кость вошла бы в мозг.

Баби молчит. Клаудио смотрит на нее. Она потрясена.

Он отпускает ее руку.

– Баби, ты не понимаешь... Полсантиметра – и Аккадо бы умер.

Баби сглатывает. Голод прошел. Теперь ей и яблоко в рот не полезет. Раффаэлла встревоженно смотрит на дочь и, увидев, что та очень напугана, избирает тон мягкий, успокаивающий:

– Баби, расскажи, пожалуйста, как это произошло?

Баби поднимает глаза. В них страх. Она смотрит на мать, будто видит ее сегодня впервые. Бормочет: «Ничего, мама» и постепенно излагает все.

Вечеринка, хулиганы, Малыш вызвал полицию, хулиганы сделали вид, что удрали, а на самом деле ждали возле дома. Как их преследовали, как разбили BMW. Как Малыш остановился, как парень на синем мотоцикле его избил. Как вмешался Аккадо и как тот парень избил и его.

– Боже мой, и Аккадо бросил тебя с этим бандитом! Почему он тебя не забрал?!

Раффаэлла в ужасе. Баби не знает что ответить.

– Ну, может, он подумал, что это мой друг, откуда я знаю. После драки вообще все разбежались, и я осталась с ним.

Клаудио качает головой.

– Конечно, Аккадо сбежал. Он мог истечь кровью из-за сломанного носа. Впрочем, этот парень попал. Филиппо обратился в полицию. Сегодня они приходили ко мне и из вежливости рассказали всю историю. Сообщили, что будут преследовать его по суду. И хотели узнать имя и фамилию этого парня. Как его зовут.

– Стэп.

Клаудио недоуменно глядит на Баби.

– Как это – Стэп?

– Стэп. Его называют так. Во всяком случае, я так слышала.

– Он что, американец?

Встревает Даниела.

– Какой еще американец! Это прозвище.

Клаудио смотрит на дочерей.

– Так есть у него имя или нет?

Баби улыбается:

– Есть, конечно, но я его не знаю.

Клаудио снова выходит из себя.

– И что, мне так и сказать Аккадо: моя дочь шляется с парнем и не знает, как его зовут?!

– Я с ним не шляюсь. Я была с Малышом... Я же сказала.

– Да, но ты же вернулась с ним на мотоцикле! – вмешивается Раффаэлла.

– Мама, но Малыш и Аккадо уехали, как бы я вернулась домой? На улице, посреди ночи? Одной, что ли, надо было идти? Я попробовала. Но ко мне пристал какой-то тип на Golf.

Клаудио не верит своим ушам:

– Выходит, что мы еще и благодарны должны быть этому Стэпу!

Раффаэлла рассержена.

– А ну прекращайте этот спектакль, поняли? Немедленно скажите, как

звать этого парня. Ясно?

Баби припоминает: сегодня утром... разговор с Даниелой... Было еще рано, у нее слипались глаза, но она совершенно уверена.

– Дани, ты же знаешь, как его зовут. Скажи!

Даниела ошалело уставилась на Баби. Крыша у нее поехала, что ли? Сказать? Выдать Стэпа? После того, что они сотворили с Бранделли, а сколько еще было таких историй! Ей разобьют Vespa, а ее саму избьют и изнасилуют. Стены школы испишут ругательствами с ее именем и описанием непристойностей, в которых ей, к сожалению, участвовать не приходилось. Выдать? В тот же миг у нее случается провал в памяти.

– Мама, я знаю только, что его зовут Стэп. Баби обрушивается на сестру:

– Ты врешь! Ты все врешь! Я плохо помню, но сегодня утром ты мне говорила, как его зовут. Вы с подружками прекрасно его знаете.

– Что ты несешь?

– Ты трусиха подлая, ты просто боишься, потому и не говоришь! Ты знаешь, как его зовут!

– Нет, не знаю.

– Нет, знаешь!

Вдруг Баби умолкает. Что-то в памяти открылось, развязалось и прояснилось. Она вспомнила.

– Стефано Манчини. Вот как его зовут. А прозвище у него Стэп.

Глядя на сестру, она повторяет ее слова:

– Мы с подружками называем его «суперпарень».

– Молодец, Баби.

Клаудио вытаскивает из кармана клочок бумаги, на котором он все записывает. Вписывает туда имя, чтобы не забыть. Записывая, он начинает нервничать: там значится кое-что, что ему надо было сделать, но сейчас уже поздно.

Даниела уставилась на сестру.

– Что, умная, что ли? Ты соображаешь хоть, что они тебе сделают? Они разобьют тебе Vespa, избьют тебя и испишут твоим именем стены школы!

– Vespa и так разбита. На стенах не думаю, что что-то напишут, хотя бы потому, что вряд ли кто из них вообще умеет писать. А если они захотят меня избить, то папа защитит меня, правда ведь?

Баби поворачивается к нему. Клаудио думает об Аккадо: как это, наверное, больно, когда разбивают нос.

– Конечно, доченька.

Баби проходит мимо матери, улыбается ей. Раффаэлла смотрит ей вслед. Она горда за дочь. Баби пошла в нее. Не то что Даниела. В сущности, страх ее оправдан. Даниела вся в отца.

Клаудио кладет на кровать серый костюм.

Выбрав рубашку, Клаудио и ее швыряет на кровать. А сверху кладет свой любимый галстук. Может, хоть сегодня удастся его надеть.

Родители уходят как всегда, строго наказав никому не открывать. Сразу после этого Баби прямо в халате бежит вниз и прячет ключи от дома под ковриком. Вот бы знать, где сейчас Паллина. На гонках в «Олимпике», должно быть... Вот счастливая.

Звонит телефон. Даниела успела раньше.

– Джулия?

Ответ неверный.

– Ах, извините, сейчас я передам ей трубку. Это тебя.

Баби вырывает трубку из рук сестры.

– Алло?

Чувство удовлетворения сменяется смущением. Это мать Паллины. Даниела издевательски ухмыляется: «Только недолго, ладно?»

Баби пытается ее пнуть. Даниела уворачивается.

Баби возвращается к разговору.

– Да, синьора, добрый вечер.

Слушает, что скажет мать Паллины. Та, естественно, просит позвать дочь.

– Но она спит!

Затем, рискуя как никогда:

– Хотите, чтобы я ее разбудила?

Закрывает глаза и сжимает зубы в ожидании ответа.

– Нет, нет, не беспокойся. Я скажу все тебе.

Пронесло.

– На завтра, на утро у нее назначен анализ крови. Поэтому скажи ей, пожалуйста, чтобы она с утра не ела и что я приеду за ней к семи. Она вернется ко второму уроку, если мы не опоздаем.

Баби вздыхает с облегчением.

– Да, но на первом уроке у нас Закон Божий...

Баби думает, что уж ее подруге этот предмет и вовсе ни к чему. Со всеми этими парнями-бандитами и всем враньем душа Паллины потеряна окончательно.

– Пожалуйста, Баби, не корми ее.

– Хорошо, синьора. Не беспокойтесь.

Баби вешает трубку. Даниела подходит к ней, чтобы снова завладеть телефоном.

– Сошло нормально?

– Это для Паллины сошло нормально. Если поймают – ее проблемы. Мне-то какое дело?

Баби набирает номер мобильного Паллины. А вот фиг вам: он выключен. Естественно. Она спит у меня дома, а по моему телефону не подходят. По какому тогда звонить? Собственно, а о чем я так волнуюсь? Это ей надо волноваться. А мне и внимания на это обращать не стоит.

Баби заваривает себе ромашкового чаю. Два ломтика лимона, пакетик Dietor, и устроиться на диване. Ноги поджаты, ступни зарылись в подушку, где потеплее. Баби включает телевизор. Даниела звонит Андреа. Рассказывает ему историю с Паллиной, о том, что звонила ее мать, о том, как Баби врала напропалую, и многое другое. Ему крайне интересно. Баби в гостиной принимается переключаться по каналам. Передача о древних цивилизациях, любовная история поновее, чересчур сложная викторина. Баби на секунду останавливается. Нет. Ответа она не знает. Из коридора доносится веселый, заинтригованный голосок Даниелы. Слова любви перемешиваются с милыми смешками. Баби выключает телевизор. Паллине придется вернуться раньше семи.

– Спокойной ночи, Дани.

– Спокойной ночи, – улыбается Даниела сестре.

Баби даже не пытается сказать ей, чтоб не занимала телефон. Зачем? Она чистит зубы. Кладет на стул форму на завтра, собирает сумку и забирается в постель. Бормочет молитву, уставившись в потолок. Но мысли ее где-то витают. Гасит свет. Вертится в постели, пытаясь заснуть. Бесполезно. А если Паллина приедет прямо в школу? Она может, она такая. Прошляется всю ночь, Полло привезет ее к Фальконьери, а мать между тем приедет забирать дочку к ней, к Баби. Чтоб она сдохла, эта Паллина! Вечно у нее любовь с какой-то подковырочкой! Висела бы себе по два часа на телефоне, как моя сестрица, и все были бы счастливы. И никаких проблем, кроме счета за телефон. Нет, ей понадобилось переться на эти гонки! Разыгрывать из себя роковую женщину. Чтоб она сдохла! Баби вылезает из постели и быстро одевается. Натягивает пуловер и джинсы, идет в комнату Даниелы, берет у нее пару синих кроссовок Superga. Проходит мимо сестры. Та, естественно, все так же висит на телефоне.

– Пойду предупрежу Паллину.

Даниела ошеломленно смотрит на нее.

– Ты идешь к «оранжерее»? Я тоже хочу.

– К какой оранжерее? Я иду в «Олимпику». Там гонки.

– Да, они называются «оранжерея».

– Почему?

– Потому что вдоль дороги стоят цветы – в память тех, кто погиб.

Баби проводит ладонью по лбу:

– Только этого не хватало... Оранжерея!

Хватает в коридоре куртку, выбегает... Но тут ее тормозит Даниела.

– Баби, пожалуйста, можно я с тобой?

– Да вы что, все с ума сошли? Ты, я, Палли-на – все рвемся на эти гонки. Может, еще и на мотоциклах погоняемся?

– Если наденешь пояс с ромашками, тебя выберут и посадят сзади, возьми мой, это же так здорово – быть «ромашкой»...

Баби думает о том, что она выпила ромашковый чай, чтобы заснуть. И напрасно. Поднимает воротник куртки. Ей кажется, будто она сидит перед ведущим, участвует в викторине, придуманной специально для нее. Почему ты спешишь туда? Почему идешь в эту оранжерею, к букетам цветов в честь умерших? На улицу, где безбашенные парни рискуют найти тот же конец? Ответ кажется ей таким простым. Она идет предупредить Паллину, чтобы та вернулась до семи. Паллину – которая обожает бывать в кретинских местах. Паллину – которая ничего не знает по латыни. Паллину – которой она прямо-таки обожает подсказывать, даже если ей за это достается замечание. Да, она идет туда только ради Паллины, ради подруги. По крайней мере, в этом она себя усиленно убеждает.

– Даниела, последний раз тебе говорю. Кончай трепаться.

И выбегает, в волосах заколка со стразами, а сердце почему-то быстро колотится.

По обочинам широкой улицы, на плавном повороте, стоит куча народу. Из открытых дверей джипов разносится музыка. Парни с обесцвеченными волосами, в майках и бейсболках, тощие, строят из себя серферов, в картинных позах потягивая пиво. Немного дальше другая группа, явно более приземленная, стоя возле открытого «жука», забивают косячок.

Немного впереди какие-то господа в поисках развлечений сидят в Jaguar. Рядом с ними еще парочка друзей с любопытством изучает всю эту мешанину.

Мотороллеры встают на дыбы, мотоциклы проносятся с рычанием, притормаживают, седоки приподнимаются на педалях, оглядываются в поисках знакомых, здороваются с друзьями.

Баби на Vespa преодолевает невысокий подъем. Поднявшись наверх, она застывает от изумления. Кругом орут клаксоны, издавая пронзительные или, наоборот, глубокие, низкие звуки. Моторы отвечают им рычанием. Разноцветные фары освещают улицу, она, как огромный танцпол.

В маленьком просвете стоит киоск, торгующий напитками и горячими бутербродами. Баби растерянно оглядывается.

– Смотри, куда прешь!

Баби извиняется. И спрашивает себя, что она вообще здесь делает. Тут она замечает Глорию, дочь Аккадо. Та сидит на джинсовке, расстеленной на земле. Рядом Дарио, ее парень. Баби подходит к ним.

– Привет, Глория.

– Привет, как жизнь?

– Нормально.

– Ты знакома с Дарио?

– Да, мы виделись.

Они обмениваются улыбками, силясь припомнить, где и когда.

– Слушай... я хотела извиниться за то, что случилось с твоим отцом.

– Да? Мне как-то на это плевать. Так ему и надо. Научится не совать нос не в свое дело. Вечно он куда-то лезет, вечно суется со своим мнением. Наконец-то хоть кто-то поставил его на место.

– Но он же твой отец!

– Ну да, а еще он ужасный зануда.

Дарио закуривает.

– Согласен. И передай Стэпу спасибо от меня. Ты знаешь, что мне не

разрешали подняться в дом? Жди внизу, чтобы встретиться с Глорией. Не то чтобы мне прямо позарез надо было видеть ее папашу. Но это дело принципа, так ведь?

Баби думает, какому же принципу он следует. Дарио передает сигарету Глории.

– Конечно, если б я его отметелил, это был бы полный капец, – ржет Дарио.

Глория затягивается, с интересом глядя на Баби.

– А что, ты теперь со Стэпом мутишь?

– Я? Ты что, совсем уже? Ну пока, я пошла искать Паллину.

Уходит. Да, она ошиблась. Они оба ненормальные. Дочь радуется, что отца избили. Ее парень жалеет, что сам не мог этого сделать. Поверить невозможно.

На небольшой возвышенности, за прорванной сеткой, она видит Полло. Он сидит боком на здоровенном мотоцикле и треплется с девчонкой, которая стоит между его ног. На девушке синяя бейсболка с надписью NY. Черные волосы, собранные в хвост, выпущены в отверстие бейсболки. Куртка с пластиковыми рукавами, как у американской мажоретки. Двойной пояс с ромашками, темно-синие лосины и кроссовки в тон придают ей более итальянский вид. И вот эта девчонка с сорванной башней, которая смеется и то и дело поворачивается, чтобы поцеловать Полло, – это Паллина. Баби подходит к ней. Паллина ее замечает.

– О, привет, какие люди! – Паллина бежит ей навстречу с объятиями. – Как здорово, что ты пришла!

– Я, собственно, не пришла. И хотелось бы уйти как можно быстрее.

– Кстати, а зачем ты пришла? Это же занятие для дебилов?

– Ты и есть дебилка. Звонила твоя мама.

– Да ну? И что ты сказала?

– Что ты спишь.

– И она поверила?

– Да.

– Ну ни фиги ж себе! – Паллина аж присвистнула.

– Но она сказала, что завтра утром приедет за тобой рано, потому что тебе надо сдавать анализы, и что на первый урок ты не поедешь.

– Ну, в общем, она приедет за тобой к семи, так что придется тебе вернуться пораньше...

Оставайся! – Паллина хватая Баби за руку и подтаскивает к Полло. – Когда тут все закончится?

Полло улыбается Баби, она покорно здоровается с ним.

– Да быстро, два часа максимум – и все кончится. А потом пойдем съедем по пицце, угу?

Паллина восторженно смотрит на подругу.

– Ну давай, не парься! – настаивает она, пока Полло, улыбаясь, закуривает. – Стэп тоже здесь, он будет рад тебя увидеть.

– Да? А я не буду. Все, я пошла домой. Возвращайся пораньше. Я не хочу из-за тебя впутываться в разборки с твоей матерью.

Баби замечает с краю дороги воткнутую в землю деревянную табличку. Посередине ее фотография парня, а рядом кружочек, наполовину черный, наполовину белый. Символ жизни. Той самой жизни, которой этот парнишка лишился. И надпись: «Он был быстрым и сильным. Но власть Божия над ним не имеет более силы. Ему не дали реванша. Друзья».

– Хороши друзья! Прямо поэты! Лучше уж быть одной, чем с такими друзьями, которые помогут мне умереть.

– Какого хрена ты сюда приперлась, раз тебе ничего тут не нравится? – интересуется Полло, выбрасывая сигарету.

И затем еще голос:

– Ты ни с кем не можешь прийти к согласию. Ну и характер же у тебя.

Это Стэп. Стоит прямо перед ней и нагло улыбается.

– Между прочим, я всегда прихожу к согласию со всеми. Я вообще не с кем не спорю, потому что не общаюсь с подобными людьми. А если мои знакомые вдруг меняются не в лучшую сторону, вероятно, по чьей-то вине... – Баби многозначительно смотрит на Паллину, та возводит глаза к небу и хмыкает.

– Понятно, как ни поверни, всегда я виноват.

– Это почему – не потому, что надо было предупредить тебя, что я пришла?

– А разве ты не из-за меня пришла? – Стэп подтаскивает ее к себе. – Я думал, ты пришла посмотреть на то, как я участвую в гонках.

Он уже совсем близко, опасно приблизил лицо к ее лицу. Баби отстраняется и обходит его.

– Я даже не знала, что ты тут будешь, – краснеет она.

– Да знала ты, знала. Вон как покраснела. Не ври, все равно не умеешь.

Баби умолкает. Вся покрывается треклятой краской, сердце, не слушаясь, отчаянно колотится. Стэп медленно приближается к ней. Его лицо опять слишком близко. Он улыбается.

– Не понимаю, чего ты так напрягаешься. Боишься сказать?

– Я? Я боюсь? Кого же это? Тебя, что ли? Я тебя не боюсь. Ты меня

смешишь. Хочешь, скажу кое-что? Я тебя сегодня вечером сдала.

Теперь уже она приблизила лицо к Стэпу.

– Понял? Я сказала, что это ты избил синьора Аккадо. Это тот, кому ты сломал нос. Я сказала, как тебя зовут. Вот и подумай – боюсь я тебя или нет?

Полло соскакивает с мотоцикла и подбегает к Баби:

– Ах ты...

Стэп останавливает его.

– Спокойно, Полло, спокойно.

– Что значит – «спокойно»? Тебя же из-за нее посадят! После того, что было, еще один привод – и тебе все припомнят! Сразу отправят за решетку!

Баби остолбенела. Этого она не знала. Стэп между тем успокаивает друга.

– Да брось ты. Ничего не будет. Не посадят меня. Ну, может, под суд пойду, – и затем уже к Баби. – Самое главное это то, что ты скажешь на процессе, когда будешь свидетелем против меня. А тогда ты уже меня не выдашь. Это точно. Ты скажешь, что меня там не было и что я вообще ни при чем.

Баби недоверчиво смотрит на него:

– Неужели? Точно?

– Совершенно точно.

– Запугать меня хочешь?

– Нет, конечно. Когда будет суд, ты уже будешь без ума от меня и сделаешь что угодно, чтоб меня спасти.

Баби секунду молчит, затем разражается смехом.

– Без ума здесь ты, потому что в это веришь! Я и тогда назову твое имя. Обещаю.

Стэп спокойно улыбается.

– Не обещай.

Раздается долгий громкий свист. Все оборачиваются. Это Сига. Посреди улицы стоит невысокий мужчина лет тридцати пяти. На нем куртка из черной кожи. Его все уважают, говорят, что под курткой он носит пушку. Он скидывает руки. Это сигнал. Первая гонка – гонка «ромашек». Стэп поворачивается к Баби:

– Хочешь поехать со мной?

– Нет, ты и правда сошел с ума.

– Нет, правда в другом. Ты просто боишься.

– Я не боюсь!

– Тогда возьми у Паллины пояс.

– Я не хочу участвовать в этих дебильных гонках.

Перед ними останавливается синий SH. Это Маддалена. С улыбкой она приветствует Палли-ну, затем замечает Баби. Они обмениваются холодными взглядами. Маддалена поднимает куртку:

– Возьмешь меня, Стэп? – она демонстрирует двойной пояс с ромашками.

– Давай, малышка.

– Будешь за меня болеть? – говорит он Баби.

– Я иду домой.

– Не получится, после свистка никто уйти не может.

К ней подходит Паллина.

– Да, это правда. Ну, Баби, останься со мной. Посмотрим гонку и поедем домой вместе.

Баби кивает. Стэп подходит к ней и ловким движением вытягивает бандану, которую она надела вместо ремня. Баби не успевает его остановить.

– Отдай!

Пытается отобрать, но Стэп высоко поднял руку с банданой. Баби хочет ударить его по лицу, но Стэп быстрее. Перехватывает ее руку на полпути и сильно сжимает. Голубые глаза Баби заблестели. Он сделал ей больно. Но она из гордости молчит. Стэп, заметив это, ослабляет хватку.

– И даже не пытайся.

Отпускает ее и садится на мотоцикл.

Появляется Маддалена и усаживается позади него. Согласно правилам, садится задом наперед и надевает венки. Мотоцикл срывается с места, как раз когда она застегнула ремень на последнюю дырочку. Маддалена протягивает руки назад и вцепляется в бока Стэпу. Поднимает голову. Баби стоит и смотрит на нее. Девушки напоследок обмениваются взглядом.

И тут Стэп поднимает мотоцикл на колесо. Маддалена зажмуривается и прижимается к нему еще теснее. Венок удержался. Стэп возвращает мотоцикл на оба колеса и газует, выезжая в центр улицы, готовый к гонке. Вскидывает правую руку. На запястье издевательски сверкает, развеваясь, бандана Баби.

Внезапно, словно ниоткуда появляются три мотоцикла и несутся к середине улицы. Позади каждого мотоциклиста задом наперед сидит девушка. «Ромашки» оглядываются вокруг. Перед ними толпа подростков. Все весело смотрят на них. Кто-то их знает и выкрикивает имена. Другие машут им, пытаясь обратить на себя внимание. Но «ромашки» не отвечают. Все они, вытянув руки назад, крепко держатся за седока, от страха, что

слетят с мотоцикла, когда он сорвется с места. Сига собирает ставки. Господа из «Ягуара» поставили больше всех. Один из них поставил на Стэпа. Другой – на парня рядом с ним на разукрашенном мотоцикле. Сига, собрав деньги, кладет их в передний карман куртки. Затем вскидывает правую руку и сует в рот свисток. Все замолкают. Мотоциклисты подались вперед, готовые стартовать. «Ромашки» сидят задом наперед. Глаза их закрыты. У всех, кроме одной. Маддалена хочет насладиться этим мгновением. Она обожает гонки. Мотоциклы зарычали. Три левых ноги жмут на педаль. С характерным звуком заводятся моторы. Сига опускает руку и свистит. Мотоциклы, взревев, срываются с места, почти встав на дыбы. «Ромашки» жмутся к парням. Глядят вниз, на бегущую дорогу, суровую, опасную. Дыхание перехватило, сердце колотится как сумасшедшее, желудок подскочил к горлу. Летят со скоростью сто, сто двадцать, сто сорок. Первый слева ломается. Падает на переднее колесо с жутким грохотом, прямо на амортизаторы. Вилка дрожит, но никто не пострадал. Другой, с ним рядом, слишком сильно газанул. Мотоцикл взвивается на дыбы, девчонка, почувствовав, что седло под ней почти вертикально, визжит. Парень, напуганный больше оттого, что он не один, сбрасывает газ и тормозит. Мотоцикл осторожно опускается. Kawasaki, зверь весом в триста килограммов, планирует, медленно-медленно, будто живой, передняя часть снижается и наконец касается земли, как маленький самолет, только без крыльев. Стэп продолжает гонку, то притормаживая, то газуя. Его машина, несущаяся вперед все на той же высоте, кажется неподвижной, будто ведомая прозрачным лучом в ночной тьме. Летит прямо к звездам. Маддалена смотрит, как бежит улица, смотрит на белые полосы, почти невидимые, сливающиеся друг с другом, на серый асфальт – он как море, податливое, гладкое, спокойное, тихо движется под ней. Стэп приходит первым под радостные вопли друзей и тихое счастье синьора, поставившего на него, причем этот тип счастлив не столько оттого, что получит деньги, сколько оттого, что обыграл друга, приведшего его сюда.

Дарио, Скелло и еще друзья кидаются к нему с поздравлениями. Чья-то братская рука из людской мешанины протягивает ему холодное пиво. Стэп перехватывает его на лету, жадно пьет и передает Маддалене.

– Ты молодчина, даже не дернулась! Гениальная «ромашка».

Маддалена отпивает пива, слезает с мотоцикла и улыбается ему.

– Иногда надо оставаться на месте, а иногда надо и уметь дернуться. Я правильно выучила?

Стэп улыбается. Отличная она все-таки девчонка.

– Совершенно правильно.

Смотрит ей вслед. И фигурка у нее что надо. Тут появляется Полло, он прыгает позади своего мотоцикла.

– Ну ты, блин, даешь! Пошли к Сига. Посмотрим, сколько ты выиграл! Надо бы тебе пропустить пару гонок, может, ставки на тебя повысятся. Или можно разбиться, а потом поставим все на тебя и загребем кучу денег. Так делают американские боксеры в кино.

– Стэп! Стэп!

Он оборачивается. Это Паллина кричит на стене, стоя рядом с сеткой.

– Молодец! Это было мощно!

Баби расстегивает куртку Паллины.

– Давай сюда пояс.

– Чего? Шутишь, что ли?

– Нет, давай пояс. Если быть «ромашкой» так уж щекочет нервы, то надо попробовать.

Она выдергивает пояс из шлевок. Паллина ее останавливает.

– А ты знаешь, что если ты наденешь этот пояс и если тебя выберут, то ты обязана ехать. Однажды сюда пришла девчонка, она просто так надела пояс с ромашками, нравилось ей. Так ее затащили на мотоцикл и силой заставили ехать.

Баби вопросительно смотрит на Паллину:

– Ну? И чем же все кончилось?

– Ничем, ну то есть она не свалилась. А кстати, ты ее знаешь. Это Джованна Бардини из второго «Е».

– Кто, эта лохушка? Ну, значит, и я тоже смогу.

Паллина передает ей пояс.

– Да, если ты не заметила... Джованна теперь носит исключительно подтяжки.

Баби смотрит на нее. Паллина корчит рожицу. Обе они раздражаются смехом. Надо же было разрядить обстановку, на самом-то деле! Маддалена с подружкой смотрят на них скучающе. Баби надевает пояс.

– Зашибись! Теперь я тоже «ромашка».

Перед ними тормозит тип устрашающего вида. Волосы на макушке у него длинные, а ниже пострижены совсем коротко, бычья шея вываливается из ворота куртки военного покроя с оранжевыми отворотами.

– Эй, ты, «ромашка», давай сюда. Залазь.

Баби неверяще тычет пальцем себе в грудь:

– Кто, я?

– А кто ж еще? Давай, шевели булками, сейчас начнут. О, привет, Маддд.

Устрашающий тип, помимо внешнего вида, получает еще одно очко в минус – он приятель Маддалены.

Баби подходит к Паллине.

– Ну все, пока, я поехала. Расскажу тебе потом, как оно.

– Давай.

Паллина не движется с места, и вид у нее виноватый.

– Послушай... прости меня.

– Да ладно, чего ты. Это же круто – быть «ромашкой», вот я и хочу попробовать. Ты тут ни при чем.

Тип легко газует. А вот Баби, напротив, трудно забраться на мотоцикл. Тип сажает ее. Баби расстегивает пояс. Тип берет его, оборачивает вокруг талии и протягивает ей концы. Баби еле-еле застегивает пояс на последнюю дырочку. А он толстяк, оказывается. Ко всему прочему Маддалена с силой хлопает его по плечу.

– Давай, выжми все. Ты победишь, я знаю.

И тут же улыбается Баби:

– Тебе понравится, вот увидишь. Данило просто потрясающе ездит на заднем колесе.

Баби не успевает ответить. Тип жмет на газ и срывается с места. Данило! Вот что значила буква «Д» на хвостике. Данило. Или даже хуже: десница рока. Мотоцикл останавливается. Баби от толчка падает на спину Данило.

– Тихонько, детка.

Теплый, глубокий голос, вместо того чтобы успокоить, производит на Баби противоположное действие. Ненавижу, думает Баби. «Тихонько, детка». Кошмар какой-то. Пояс давит на талию. Никогда не носила таких поясов, даже когда они были в моде. Что за наказание. Слева от них останавливается парень с повязкой на глазу, на желтом мотоцикле. Это Хук. Она видела его пару раз на пьядца Эуклиде. Позади него девчонка с вьющимися волосами и чересчур жирно намазанными губами. Явно в восторге от того, что «ромашка». Девчонка ей машет. Баби не отвечает. У нее пересохло в горле. Поворачивается в другую сторону. Справа от них остановился высокий симпатичный парень с длинноватыми волосами и птичьим пером вместо подвески в сереге. Бензобак его мотоцикла расписан аэрографом. Нарисован закат на пляже, в центре, среди волн – огромное солнце. Мужик серфит по волнам. Заниматься серфингом уж точно не так опасно, как быть «ромашкой». Внизу подпись: «Танц...» Баби подается вперед, но дальше ей не видно. Остальное закрывает чей-то мотоцикл. Парень вытаскивает из кармана куртки какую-то бумажку. Привстает и

наклоняется к зеркальцу. Поворачивает его стеклом кверху. Там отражается луна. Баби смотрит на бензобак. Теперь ей видно всю надпись. «Танцовщик». Конечно, она же слышала об этом. Они принимают наркотики. Танцовщик высыпает содержимое пакетика на зеркальце. Бледный лик луны скрывается под менее невинным белым порошком. Танцовщик подается вперед. Приставляет к носу трубочку из десяти евро и втягивает в себя дорожку. Луна снова отражается в стекле. Танцовщик пальцем собирает последние крупинки этой радости искусственного происхождения и втирает их в десны. Беспричинно улыбается. Он достиг счастья через химию. Закуривает. Позади него сидит девушка с волосами, стянутыми лентой. Кажется, она ничего не заметила. Однако сигарету он ей все же предложил.

Но так же нечестно! Нельзя гоняться под кайфом! Это неспортивно. Если ему сделают проверку на допинг, все откроется. Господи, что я говорю. Это же не скачки. Здесь и нет ничего законного. Здесь можно и занюхнуть. И гнать на ста пятидесяти в час, на одном колесе, а сзади сидит дурочка. И эта дурочка я.

Ей хочется плакать. Черт бы подрал Паллину!

Стэп как раз сложил в карман свои пятьсот евро, когда Полло пихнул его локтем:

– Эй, посмотри, что там! – Полло указывает на мотоциклы, стоящие на старте. – Вон там, на мотоцикле Данило – это не подружка Паллины?

Стэп всматривается. Не может быть. Это же Баби.

– Да, это она, – он машет рукой с повязанной на ней банданой и кричит: – Баби, Баби!

Она слышит его. Это Стэп. Он там, вдали, прямо перед ней. «У него моя бандана», – шепчет она про себя. «Стэп, пожалуйста, сними меня отсюда, помоги мне, Стэп!» Она машет ему рукой, чтобы он подошел. И тут Сига сви- стит. Публика взревела. Как гром. Мотоциклы, рыча, срываются с места. Баби в ужасе прижимается к Данило. Мотоциклы встают на дыбы. Баби оказывается почти вниз головой. Ей кажется, что она уже на земле. Перед ее глазами бежит асфальт. Она пытается закричать, мотор ревет, ветер треплет ей волосы. Не получается. Ремень слишком сильно давит на живот. Ее тошнит. Она закрывает глаза. Так еще хуже. Кажется, она теряет сознание. Мотоцикл продолжает гонку. Переднее колесо чуть опускается. Данило жмет на газ. Мотоцикл снова встает на дыбы, Баби еще ближе к асфальту. Будто опрокинулась. Данило касается тормозов, и мотоцикл немного опускается. Уже лучше. Баби оглядывается. Люди где-то вдалеке, как неясное, размытое цветное пятно. Все тихо.

Только ветер да рев моторов. Танцовщик справа от них, чуть позади. Его длинные волосы летят по ветру, а переднее колесо зависло в воздухе. Хук еще чуть дальше.

Данило выигрывает. И она тоже. Маддалена права: «На одном колесе потрясаяще ездит». Баби ошеломлена. Вдруг – справа шум. Поворачивается. Танцовщик слишком сильно газанул. Мотоцикл задрался чересчур высоко. Сухой щелчок тормоза. Переднее колесо стремительно валится вниз. Мотоцикл подсакивает, Танцовщик пытается его удержать. Мотоцикл идет юзом влево, затем снова вправо. Зверь с понесшим мотором из взбесившихся цилиндров и поршней сбросил Танцовщика и девушку. Связанные, они падают на землю. Пояс разрывается, они выскальзывают, их подбрасывает, тащит, сдирая кожу, с одного края дороги на другой. Освободившись, мотоцикл быстро завершает свой бег. Валится набок, катится по асфальту и останавливается, подпрыгнув несколько раз. Наконец делает что-то вроде кувырка, пролетев рядом с Баби, высоко во тьме ночи. Взлетает в небо метров на пять, горящая фара описывает светящийся полукруг, и в последнем рывке падает наземь, разбиваясь, оставляя за собой след из тысяч осколков стали и стекла. До самого конца на нем играют слабые искорки огня. Хук и Дани-ло останавливаются. Толпа вдалеке на секунду умолкает, а потом все срывается с места. Верхом на Vespa, Si, SH 50, краденых Peugeot, мотоциклах больших и маленьких, на Yamaha, Suzuki, Kawasaki и Honda.

Войско на мотоциклах приближается с рычанием. Все прибывают на место. Танцовщик встает. Ковыляет на одной ноге. Другая, в порванных джинсах, изранена, из колена сочится кровь. Вздутие сверху под курткой указывает на вывихнутое плечо, темная кровь течет со лба на воротник. Танцовщик смотрит на разбитый мотоцикл.

Девушка распласталась по земле. Правая рука болтается туда-сюда. Сломана. Она плачет от испуга, громко всхлипывая. Баби снимает пояс. Слезает с Мотоцикла. Идет неверными шагами. Ноги ее не слушаются. Входит в толпу. Никого не узнает. Слышно, как стонет разбившаяся девушка. Баби ищет Паллину. Вдруг слышит свист. Другой, более длинный. Что такое? Еще одна жуткая гонка? Ничего не понятно. Все разбегаются врассыпную. Толкают ее. Задевают мотороллерами. Воют сирены. Вблизи появляются машины. На крышах – голубые огни. Полиция. Только этого не хватало. Надо добежать до Vespa. Вокруг все удирают. Кто-то кричит, кто-то всех расталкивает. Какая-то девушка неподалеку падает с мотоцикла. Баби бросается бежать. Ее окружают полицейские машины. Вот и Vespa. Прямо перед ней, всего в нескольких метрах. Но тут кто-то ее

останавливает. Полицейский. Он сбивает ее с ног, с силой хватая за волосы. Волочит Баби по асфальту, выдирает ей волосы, она вопит от боли. И вдруг полицейский ее выпускает. Пинок в живот заставляет его согнуться пополам и выпустить жертву. Это Стэп. Полицейский пытается дать сдачи. Стэп отталкивает его так, что тот падает на землю. Стэп поднимает Баби, сажает ее на мотоцикл и улетает на полной скорости. Полицейский, придя в себя, садится в ближайшую машину, где за рулем его коллега, и бросается в погоню. Стэп легко лавирует между людьми и мотоциклами, остановленными полицией. На месте действия появились фотографы, узнавшие об облаве, щелкают затворами. Стэп поднимает мотоцикл на дыбы и газует. Обгоняет полицейского, который махал ему красной палкой – остановись, мол. Все озарено вспышками. Стэп гасит фары и наклоняется к рулю. Машина с избитым полицейским огибает толпу сбоку и, завывая сиреной, пристраивается в хвост Стэпу.

– Прикрой номер ногой.

– Что?

– Последнюю цифру в номере ногой прикрой.

Баби вытягивает назад правую ногу, пытаясь закрыть номер. И дважды соскальзывает.

– Не получается.

– Ладно, хрен с ним. Ну ничего делать не умеешь.

– Я вообще-то никогда еще не удираю от полиции на мотоцикле. И хотелось бы и сегодня без этого обойтись.

– Что, надо было оставить тебя с полицейским, который хотел снять с тебя скальп?

Стэп притормаживает и сворачивает направо. Заднее колесо слегка юзит и оставляет на асфальте след от покрышки. Баби вцепляется в парня и вопит:

– Стой!

– С ума сошла? Заловят же и мотоцикл отберут.

Полицейская машина следует за ним, на повороте ее чуть не занесло. Стэп летит вниз по спуску. Сто тридцать, сто пятьдесят, сто восемьдесят... Где-то вдалеке воеет сирена. Они приближаются. Баби вспоминает слова матери: «Только посмей поехать с этим типом! Ты видела, как он ездит? Это же опасно...» Она права. Матери всегда правы. А ее – особенно.

– Остановись! Я еще пожить хочу. Представляю, что завтра будет в газетах. Юная девушка погибает, преследуемая полицией. Остановись, пожалуйста.

– Но если ты умрешь, как же ты увидишь, что будет в газетах?

– Стэп, остановись! Мне страшно! Они будут стрелять!

Стэп снова притормаживает и неожиданно сворачивает налево. Они вылетают на тихую пустынную улочку. На ней стоят виллы, обнесенные высокой стеной и изгородью. Они выиграли несколько секунд. Стэп останавливается.

– Слезай быстрее. Жди здесь, никуда не уходи. Я за тобой приеду, когда удастся от них оторваться.

Баби спрыгивает с мотоцикла. Стэп улетает на полной скорости. Баби расплывается по стене рядом с калиткой, ведущей на виллу. Вовремя. Тут же мимо нее проносится полицейская машина. Сжигая покрышки, несется мимо виллы и исчезает в том же направлении, что и мотоцикл. Баби затыкает уши и закрывает глаза, чтобы не слышать пронизывающего воя сирен. Машина исчезает вдали, следуя за красным огоньком. Это мотоцикл Стэпа, несущийся во тьме с выключенными фарами.

Полло тормозит перед домом, где живет Баби. Паллина слезает и идет к привратнику.

– Баби уже вернулась? Полусонный Фьоре с трудом узнал ее.

– Здравствуй, Паллина. Нет. Я видел, как она уехала на Vespa, но она еще не вернулась.

Паллина поворачивается к Полло:

– Ну что же это такое!

– Не волнуйся, если она со Стэпом, то ничего не случится. Скоро приедет. Хочешь, подождем ее вместе?

– Нет, я поднимусь. Может быть, с ней что-то случилось, и она как раз звонит домой. Надо же кому-то ответить.

Полло заводит мотоцикл.

– Как только что-то узнаем, созвонимся. Паллина целует его и убегает. Пролезает под шлагбаумом и направляется ко входу в жилой комплекс. На полдороге вдруг оборачивается. Полло ей машет. Паллина посылает ему воздушный поцелуй и скрывается на левой лестнице. Полло жмет на газ и уезжает. Паллина поднимает коврик. Как и договорились, ключи там. Она перебирает связку, ища тот, что от подъезда. Поднимается на первый этаж и медленно отпирает дверь. Из коридора доносится голос. Это Даниела. Болтает по телефону.

– Дани, где предки?

– Паллина, а ты что тут делаешь?

– Скажи, где они?

– Их нет дома.

– Отлично! Вешай трубку. Не занимай телефон.

– Но я говорю с Андреа. А где Баби? Она пошла за тобой.

– Вот поэтому и кончай говорить. Может, она звонит. Когда я ее видела последний раз, она на мотоцикле удирала со Стэпом от полиции.

– Да ну?

– Ну да!

– Ну и сестричка у меня.

Пыль понемногу рассеялась. Низкие серые облака плывут по безлунному небу. Вокруг тишина. Ни единого лучика. Кроме маленького фонаря на высокой стене дома. Баби отлепляется от стены. В нос ей ударяет запах удобрений с полей. Легкий ветерок играет с ветвями. Одна, в

незнакомом месте. На этот раз ей и вправду страшно. С правой стороны издалека доносится лошадиное ржание. Это конюшни в деревне, скрытой во тьме. Она движется к фонарю. Медленно-медленно, по стеночке, вцепившись рукой в изгородь, осторожно выбирая, куда поставить ногу, среди пучков дикой высокой травы. Интересно, тут есть гадюки? Обрывок воспоминания из какой-то научной книжки успокаивает ее. Гадюки ночью не ползают. Зато крысы бегают. Тут их должно быть полно. Они кусаются. Городские легенды. Она слышала о чем-то знакомом, которого искушали крысы. Вскоре он умер. От какой-то болезни. Жуть какая. Черт бы подрал Паллину. Вдруг слева шум. Баби останавливается. Тихо. Потом хрустит сломанная ветка. Кто-то бежит к ней, продираясь сквозь кусты. Баби в ужасе застывает. Из темных зарослей перед ней с рычанием выскакивает огромная черная собака. Темный силуэт с лаем несется в ночи. Баби разворачивается и пускается наутек. Едва не поскользнулась на камнях. Опомнившись, снова продирается сквозь тьму вперед, не видя куда. Собака не отстает. Она уже совсем близко, она охраняет участок. Свирепо рычит и захлебывается лаем. Баби добегают до изгороди. Наверху есть щель. Просовывает туда руку, затем другую, упирается ногами. Правая, левая – и вот уже перелезла. Прыгает в темноту, чудом избежав острых белых зубов. Собака добегают до изгороди. Тяжело подпрыгивает. Бегают с лаем взад-вперед, ища, как бы добраться до жертвы. Баби поднимается. Прыгнув непонятно куда, она разбила руки и колени. Упала во что-то теплое и мягкое. В грязь. Грязь течет по джинсам и куртке. По израненным рукам. Она пытается сделать шаг. Ноги увязли по колено. Собака бегают где-то вдалеке вдоль изгороди. Лаает все яростнее, свирепея оттого, что не может достать жертву. Да, лучше уж грязь, чем укусы. В нос шибает резкий, какой-то даже сладковатый запах. Баби подносит испачканную руку к лицу. Принюхивается. Ее окутывает самая что ни на есть деревня. Только не это! Навоз! Обмен того не стоил.

Паллина выходит из подъезда, осторожно прикрывает дверь, чтоб не захлопнулась. Вынимает из кармана ключи, отворачивает коврик и кладет их под него. Баби пока не звонила. Но так ей хотя бы не придется трезвонить, чтоб войти. Тут она слышит шум машины. На повороте во дворик останавливается Mercedes 200. Родители Баби. Паллина выпускает коврик и бежит ко входу. Ей кажется, что за ней гонятся по пятам. Единным духом взлетает по ступенькам, вбегает в дом и закрывает дверь.

– Дани, быстро, там предки приехали.

Даниела совершает ночной набег на холодильник. На это раз ей

придется остаться голодной. Диета обязывает. Она захлопывает дверцу холодильника. Бежит к себе в комнату и закрывает за собой дверь. Паллина уходит в комнату Баби и, не раздеваясь, ложится в постель. Сердце так и ухает. Прислушивается. Вот опустилась створка гаража. Еще пару минут. В полутьме на стуле виднеется форма. Баби приготовила ее, прежде чем убежать. Рассчитывала скоро вернуться. Да уж, угадала. На этот раз ей крупно не повезло. Если бы только знать, где Баби, уж она бы ей задала. Вляпалась по полной.

Паллина подтягивает простыню до подбородка и отворачивается к стене, а в замочной скважине в это время уже скрежещет ключ.

Стэп несется по Лунготевере, объезжает пару машин, затем включает третью, увеличивает скорость. Полицейские по-прежнему на хвосте. Только бы добраться до пьяцца Трилусса. В зеркальце он видит машину, она совсем близко. Перед ним две машины. Стэп притормаживает, газует. Третья. Мотоцикл прыжком срывается вперед. Пролетает точнехонько между ними. Одна машина шарахается в сторону. Другая так и продолжает ехать посреди дороги. Кретин за рулем даже и не заметил ничего. Полиция заходит справа. Колеса с шумом въезжают на тротуар. Вот она, пьяцца Трилусса, перед ним. Притормаживает. Резко бросается влево. Кретин со скрипом тормозит. Стэп кидается в переулочек перед фонтаном, что объединяет две Лунготевере. Проезжает между низких мраморных колонн. Полицейские, застряв, тормозят. Им не проехать. Стэп газует. Есть! Полицейские выходят из машины. И успевают увидеть только влюбленную парочку да ребят, повскакавших с тротуара, чтобы дать проехать чокнутому на мотоцикле с погашенными фарами. Стэп еще какое-то время не сбрасывает скорость. Смотрит в зеркальце. Позади все чисто. Только какая-то машина вдалеке. Ночные ездоки. Больше за ним никто не гонится. Он включает фары.

Клаудио открывает холодильник и выпивает стакан воды.

Раффаэлла направляется к спальням. Прежде чем лечь спать, она всегда целует дочерей, частью по привычке, частью для того, чтобы убедиться, что они вернулись. Сегодня вечером они не должны были никуда идти. Но кто их знает? Лучше уж проверить. Она заходит в комнату Даниелы. Идет осторожно, чтоб не запнуться о ковер. Кладет руку на ночной столик, другой опирается о стену. Наклоняется вперед и нежно целует дочь в щеку. Та спит. Раффаэлла на цыпочках удаляется. Тихонько прикрывает дверь. Даниела медленно поворачивается. Приподнимается, опираясь на локоть. А вот теперь самое интересное. Раффаэлла тихо поворачивает ручку и открывает дверь в комнату Баби. Паллина лежит в кровати. Видит, как падает и расширяется прямоугольник света на стене. Сердце у нее бьется быстро-быстро. А если все откроется, что я скажу? Паллина замирает под одеялом, стараясь даже не дышать. Слышит позвякивание ожерелий: ну точно, это мать Баби. Раффаэлла подходит к постели, аккуратно наклоняется. Паллина узнает ее запах. Это она.

Сдерживая дыхание, чувствует, как губы Раффаэллы касаются ее щеки. Нежный, полный любви материнский поцелуй. Настоящий. Мамы все одинаковые. Тревожащиеся и добрые. Но неужели и дочери для них тоже одинаковые? Хорошо бы так. Раффаэлла поправляет одеяло, осторожно укрывает ее краем простыни. И вдруг останавливается. Паллина не шевелится, ждет. Неужели она все поняла? Неужели узнала ее? Слышится тихое поскрипывание. Раффаэлла наклонилась. Близко, совсем близко ее теплое дыхание. И затем – удаляющиеся легкие шаги по ковру. Слабый свет из коридора гаснет. Тишина. Паллина осторожно поворачивается. Дверь закрыта. Она облегченно выдыхает. Пронесло. Она высовывается из постели. Зачем это мама Баби наклонялась? Что она делала? Привыкшие к полумраку комнаты глаза тут же находят ответ. В ногах кровати рядышком стоят тапочки Баби. Раффаэлла аккуратно поставила их на место. Чтобы дочка утром сразу сунула в них еще теплые со сна ноги. Паллина думает: а моя мама сделала бы так же? Нет. Ей бы и в голову не пришло. Какие у них все же разные матери. Она чувствует, как по всему телу пробегает дрожь. Нет, не надо мне такую мать, как Раффаэлла. Мне не нравится, как она пахнет. Чересчур сладко.

Стэп слетает в переулочек. Подъезжает к калитке, где оставил Баби, подняв тучу пыли. Оглядывается. Баби нет. Жмет на клаксон. Молчание. Глушит мотор. Пытается дозваться до нее: «Баби!»

Тишина. Исчезла. Он уже было заводил мотоцикл, когда откуда-то справа до него донесся шелест. Шел он из-за изгороди.

– Я тут...

Стэп смотрит сквозь темные доски:

– Да где?

– Здесь! – в щель между досками просовывается рука.

– Что ты там делаешь?

Стэп видит ее огромные голубые глаза. Они сверкают чуть выше руки, между двумя другими досками. Их освещает только луна, взгляд испуганный.

– Вылезай.

– Не могу, мне страшно!

– Страшно? Почему?

– Тут здоровенная собака, без намордника.

– Да где? Нет тут никакой собаки.

– А раньше была.

– Теперь-то нету, слышишь?

– Ну и что, что нету, я все равно не могу вылезти.
– Почему?
– Мне стыдно.
– Стыдно? Отчего?
– Ниотчего, не хочу говорить.
– Ты там что, совсем рехнулась? Ну как хочешь, а мне надоело. Я уезжаю.

Стэп заводит мотоцикл. Баби стучит рукой по доскам.
– Подожди!
Стэп снова глушит мотор.
– Ну?
– Я сейчас вылезу, только обещай, что не будешь смеяться.
Стэп глядит на эту доску с голубыми глазами, затем прижимает руку к сердцу.

– Обещаю.
– Точно обещаешь?
– Я же сказал...
– Точно?
– Точно.
Баби просовывает руки в щели и взбирается на изгородь. В конце концов она спрыгивает. Стэп поворачивает мотоцикл, освещая ее фарой.

– В чем это ты?
– Убегала от собаки, перепрыгнула через ограду и упала.
– И вся вымазалась в грязи?
– Ну да... это навоз.
Стэп громко хохочет:
– Ну ты даешь – навоз! Это что-то с чем-то! Ни за что не поверю! – не может унять он.

– Ты же сказал, что не будешь смеяться. Ты обещал!
– Да, но это уже через край. Навоз! Блин, ну такого просто не бывает! Ты – и в навозе. Охренительно! Полный кабздец!
– Так и знала, что тебе верить нельзя. И обещания твои ни гроша не стоят.

Баби подходит к мотоциклу. Стэп обрывает смех.
– Стоп. Ты что делаешь?
– Как – что? Сажусь.
– Ты что, с ума сошла? Как ты поедешь на моем мотоцикле такая перемазанная?
– Ну да, а что же еще делать? Раздеться?

– Ну не знаю. Но такой грязной ты со мной не поедешь. Это же навоз! – Стэп снова раздражается смехом. – О господи, обалдеть просто...

У Баби лопается терпение.

– Ты что, издеваешься?

– Я совершенно серьезен. Если хочешь, могу дать тебе куртку – прикрыться. Но шмотки сними все-таки. А то не повезу.

Баби фыркает. Багровеет от злости. Проходит мимо Стэпа. Он, кривляясь, затыкает нос:

– Господи, это просто невыносимо...

Баби отвечает ему тумак, затем заходит за мотоцикл возле задней фары.

– Послушай. Если ты посмеешь повернуть-ся, пока я раздеваюсь, то я измажу тебя всем навозом, что на мне есть.

Стэп по-прежнему смотрит вперед.

– Хорошо. Скажешь, когда передать куртку.

– Я серьезно говорю. Я не то что ты, я свои обещания держу.

Баби проверяет напоследок, не повернется ли Стэп, затем медленно снимает пуловер, аккуратно, стараясь не испачкаться. Под ним почти ничего нет. Она жалеет о том, что из-за спешки не надела даже футболку. Снова смотрит на Стэпа.

– Не поворачивайся!

– Я и не собираюсь.

Баби нагибается снять кроссовки. Этого хватило. Стэп молниеносно наклоняет левое боковое зеркало и ловит в нем ее отражение. Баби выпрямляется. Она ничего не заметила. Изучает его снова. Вроде все в порядке, не поворачивался. Но на самом деле Стэп незаметно на нее глазеет. Баби отражается в зеркале, на ней прозрачный кружевной бюстгальтер, а руки покрылись гусиной кожей. Стэп ухмыляется:

– Давай шевелись, что ты там тянешь?

– Уже почти все, но не поворачивайся!

– Я же сказал, что не буду, но не тяни, давай быстрее.

Баби расстегивает джинсы. Осторожно, стараясь вымазаться как можно меньше, спускает их до голых, жмущихся на пыльных камнях ступней. Стэп наклоняет зеркальце, следя за нею. Джинсы, сползая, открывают ее гладкие ноги, бледные в тусклом ночном свете. Стэп, подражая голосу Джо Коккера, напевает: You can live your hat on...

– «Девять с половиной недель» отдыхают!

Баби резко поворачивается. Ее глаза, освещенные слабеньким красным светом габарита, встречают взгляд Стэпа, который плотоядно усмехается в

зеркале.

– И поворачиваться не надо...

Баби быстро скидывает джинсы и запрыгивает на сиденье позади него, прямо в лифчике и трусиках.

– Ах ты сволочь, ублюдок, козел драный! – осыпает она его градом ударов. По плечам, по шее, по спине, по голове. Стэп нагибается вперед в попытке хоть как-то защититься.

– Ой, хватит! Ай! Что я такого сделал! Ну подглядывал, но не поворачивался же! Я сдержал слово... Перестань, а то не дам куртку!

– Что? Не дашь? Тогда я джинсами тебе всю рожу измажу, понял?

Баби начинает за рукава стягивать с него куртку.

– Ладно, ладно, хватит! Успокойся! Не надо, я тебе так ее отдам.

Стэп стягивает с себя куртку. Заводит мотоцикл. Баби отвечает ему последний удар.

– Козел!..

Затем заворачивается в куртку, пытаясь прикрыть побольше. Безуспешно. Ноги все равно торчат наружу, прямо от края трусиков.

– А ты ничего, вполне... Мыться, конечно, можно и почаше, но вот жопа у тебя – просто класс. Правда.

Она пытается врезать ему по голове. Стэп, смеясь, резко пригибается. Включает первую скорость и отчаливает. Притворяется, будто принохивается:

– Ты чувствуешь, тут как-то странно пахнет?

– Кретин! Езжай давай!

– Кажется, навозом...

И тут справа из кустов выскакивает овчарка и с лаем несется к ним. Стэп задевает ее мотоциклом. На минуту овчарку ослепляет свет фар. Красные глаза сверкнули яростью. Оскалились острые белые зубы.

Этого хватило. Стэп притормаживает, газует, срывается с места. Собака тут же бросается вдогонку. Разинув пасть, прыгает на мотоцикл сбоку. Баби вопит, задирает ноги и изо всех сил вцепляется в Стэпа. Еще немножко – и собака бы ее укусила. Мотоцикл разгоняется. Первая. Вторая. Третья. И на полной скорости уносится в ночь. Собака продолжает гнаться за ними. Но мало-помалу сдает позиции и в конце концов останавливается. Понемногу скрывается в облаке пыли и тьмы, так же, как и появилась. Мотоцикл продолжает своей полет во влажной холодной деревенской ночи. Баби по-прежнему обнимает Стэпа ногами за талию. Постепенно мотоцикл останавливается. Стэп гладит ее по ноге.

– Чуть-чуть не хватило. А то бы твои прелестные окорочка совсем

некрасиво сожрали бы.

Баби сбрасывает руку Стэпа и спускает ноги с его талии. «Не трогай меня!» Отодвигается на сиденье. Ставит ноги на педали и запахивает куртку. Стэп снова кладет ей руку на бедро.

– Я кому сказала, убери руку! – Баби отшвыривает руку еще раз. Стэп, ухмыляясь, хватает ее другой рукой. Баби сбрасывает и ее.

– Что, и этой рукой нельзя?

– Интересно, кто хуже – собака, которая за мной гналась, или козел, который меня везет?

Стэп ржет, мотает головой и разгоняется.

Баби застегивает куртку. Ну и холод! Ну и ночь! Ну и бардак! Черт бы подрал Паллину. Они летят в ночи. Наконец, живые и невредимые, подкатывают к ее дому. Стэп останавливается перед шлагбаумом. Баби поворачивается к Фьоре, машет ему. Привратник, узнав ее, поднимает шлагбаум. Стэп проезжает, не дожидаясь, пока шлагбаум полностью поднимется. Фьоре не сводит глаз с красивых, но замерзших ног Баби, высовывающихся из-под куртки. Ну ничего себе. В его время девушки не позволяли себе ходить в таких мини-юбках. Баби видит, что створка гаража опущена. Она слезает с мотоцикла. Пытается прикрыться курткой, но ничего не выходит – все равно виден край трусиков.

– Спасибо. Куртку я тебе сброшу из окна.

Стэп пялится на ее ноги. Баби съеживается.

Так куртка прикрывает чуть больше, но все равно не слишком много. Стэп усмехается.

– Может, еще увидимся. У тебя к этому неплохие предпосылки.

– Ну и кобель же ты.

– Пожалуй, я с тобой согласен. Заеду за тобой завтра вечером.

– Не выйдет. Я не вынесу еще один такой вечер.

– Как, тебе не понравилось?

– Ужасно понравилось! Меня очень прет быть «ромашкой», а потом убегать от полиции, спрыгивать с мотоцикла на ходу посреди какой-то деревни, удирать от злобной собаки и вляпаться в навоз. Поплескаться в нем чуть-чуть и прибыть домой в одном белье.

– И в моей куртке.

– Ах да, совсем забыла.

– И еще кое-что забыла.

– Что?

– Что все это ты делала со мной.

Баби смотрит на него. Ну и перец. Улыбка у него красивая. Жаль, что

сам он такой противный. В смысле характера. По части внешности придаться не к чему. Совсем. Она решает улыбнуться ему. И это выходит почти само собой.

– Да, ты прав. Ну, пока.

Баби поворачивается. Стэп берет ее за руку. На этот раз нежно. Баби слегка противится, но потом все же покоряется. Стэп притягивает ее к себе, поближе к мотоциклу. Изучает взглядом. Ее длинные волосы растрепались, ветер отнес их назад. Светлая кожа покрылась мурашками. Глаза смотрят напряженно, но не зло. Она красива. Стэп запускает ей руку под куртку. Баби испуганно распахивает глаза от наплыва чувств. Ощущает, как его почему-то теплая рука продвигается все выше. Вдоль спины вверх. Останавливается у застежки бюстгалтера. Баби живо протягивает руку за спину, кладет ладонь поверх его ладони в попытке остановить.

Стэп смеется:

– А ты неплохая «ромашка». Смелая, даже очень. Ты меня и правда не боишься. Ну так что, донесешь на меня?

Баби кивает, прошептав «да».

– Правда?

Баби подтверждает это кивком. Стэп несколько раз нежно целует ее в шею.

– Клянешься?

И снова Баби кивает и закрывает глаза. Стэп продолжает ее целовать. Забирается выше, касается прохладных щек, замерзших ушей. Теплое, возбуждающее дуновение отзывается дрожью ниже. Стэп приближается к розовому краю губ. Баби прерывисто вздыхает. Приоткрывает губы, готовая принять его поцелуи. И тут Стэп останавливается. Баби секунду стоит так же, с открытым ртом и мечтательно прикрытыми глазами. Затем открывает глаза. Стэп стоит перед нею, скрестив руки на груди. Улыбается. Качает головой.

– Ах, Баби, Баби. Так не пойдет. Я же козел, животное, зверь и насильник. Говоришь-говоришь, а потом сдаешься... и позволяешь себя даже целовать. Видишь? Ты нелогична.

Баби багровеет от злости:

– Ну и засранец же ты!

– Знаешь, что я тут вспомнил? У меня в детстве была золотая рыбка. Ты стояла с раскрытым ртом, как будто ловила воздух. В точности как она, когда я отсаживал ее в умывальник и менял воду...

Баби злобно мерит его взглядом. Снимает куртку и швыряет на землю. Остается в одном белье на холоде, на глазах слезы. Стэп удовлетворенно

глядит на нее. Неплохая фигурка, придраться не к чему. Поднимает куртку и натягивает на себя.

Стэп закуривает. «Может, зря я ее не поцеловал? Ну ничего, в другой раз». Баби наконец находит нужный ключ, открывает дверь. Стэп подходит к ней.

– Ну, рыбка, не поцелуешь меня на сон грядущий?

Баби захлопывает дверь прямо перед его носом.

Баби медленно открывает дверь дома, входит и осторожно прикрывает ее за собой. На цыпочках крадется по коридору и проскальзывает в свою комнату. Слава Богу! Паллина зажигает ночник на тумбочке.

– Это ты, Баби! Я уж не знала, что и подумать! В каком ты виде! Тебя Стэп раздел?

Баби достает из ящика ночную рубашку.

– Я угодила в навоз.

Паллина принимает.

– Да, чувствуется. Я так перепугалась, когда упал мотоцикл! Сначала подумала, что это ты на нем.

Баби направляется в ванную.

– Баби!

– Что такое?

– Скажи честно. Ты ведь здорово оттянулась со Стэп ом?

Баби вздыхает. Что поделать? Подружка неисправима.

Стэп перемахивает через ограду, бесшумно пересекает сад. Подходит к окну. Створка поднята. Может, еще не вернулась. Постукивает пальцами по стеклу. Светлая занавеска отодвигается. В полумраке появляется улыбающееся лицо Маддалены. Она отпускает занавеску и распахивает окно.

– Привет, ты куда подевался?

– Удирал от полиции.

– Ну и как, удрал?

– Броде да. Надеюсь, они не заметили номер.

– Ты фары гасил?

– Естественно.

Маддалена отходит, Стэп перелезает через подоконник и попадает в ее комнату.

– Тихо. Мои недавно вернулись.

Маддалена закрывает дверь на ключ и забирается в постель, заворачиваясь в простыни.

– Бррр... Холоду напустил.

Она улыбается ему. Стягивает через голову ночную рубашку и бросает к ногам Стэпа. Тусклый свет луны светит в окно. В полумраке светлеют ее маленькие аккуратные груди. Стэп снимает куртку. На секунду ему снова мерещится запах деревни. Почему-то перемешанный с каким-то еще запахом. Но он не обращает на это внимания. Раздевается и залезает в постель. Вытягивается рядом с девушкой. Маддалена прижимается к нему. Рука Стэпа скользит по ее телу, гладит спину, бока. Возвращаясь, останавливается между ног. Его прикосновение заставляет Маддлену вздохнуть. Она целует его. Стэп коленом раздвигает ей ноги. Маддалена останавливает его. Тянется к тумбочке. Ощупью находит музыкальный центр. Нажимает REW. Вставляет кассету. Щелчок сообщает, что та перемоталась на начало. Маддалена жмет на PLAY.

Из колонок доносятся ноты песни «Женюсь на тебе, потому что...» Голос Рамаззотти нежно аккомпанирует их вздохам.

Стэп целует ей грудь. Он уверен, Мадда создана для него. Потом он вдруг вспоминает, что это за странный запах от куртки. Это Сагоппе. Он вспоминает даже, чей это запах. И на мгновение, во тьме комнаты, Стэп усомнился.

Настойчиво трезвонит будильник.

Паллина выключает его. Бесшумно выскальзывает из постели и одевается. Бросает взгляд на Баби. Та только что перевернулась и спит как ребенок – на спине. Паллина подходит к маленькой полочке на стене. U2, All Saints, Robbie Williams, Elisa, Tiziano Ferro, Cremonini, Madonna. Нужно что-то необычное. Ага, вот. Смотрит на ручку громкости и убавляет. Нажимает на кнопку PLAY. «7000 чашек кофе». Бритти сладким голосом заводит песню. Громкость оказалась подходящей. Баби открывает глаза, переворачивается на живот. Паллина улыбается ей:

– Доброе утро.

Баби поворачивается набок. Голос у нее слегка придушенный.

– Который час?

– Без пяти семь.

– Мир? – Паллина подходит и целует ее в щеку.

– С тебя по крайней мере шоколадный рожок из кондитерской Ладзарески!

– Времени нет, сейчас мама приедет возить меня на анализы. Сегодня ночью ты мощно зажгла.

– Я же сказала, что не желаю об этом слышать.

Паллина разводит руками.

– Ну, как хочешь. Что сказать твоей маме, если она меня засечет?

– «Доброе утро».

Баби, улыбнувшись, снова залезает под одеяло. Паллина подхватывает сумку с книгами и закидывает на плечо. Вот и чудесно, помирились. Баби вообще очень смелая, а теперь еще и «ромашкой» побывала. Паллина тихонько прикрывает за собой дверь, на цыпочках крадется по коридору. Входная дверь еще заперта. Паллина щелкает замком и уже готова улизнуть, как вдруг за спиной раздается голос:

– Паллина!

Это Раффаэлла, в розовом халате, ненакрашенная, бледная и совершенно обалдевшая. Паллина решает последовать совету Баби, и, буркнув «Доброе утро, синьора», слетает вниз по лестнице. Выходит из подъезда и идет к воротам. Ее мать еще не приехала. Паллина в ожидании усаживается на ограду. Прямо перед ней встает солнце, заправщик открывает бензоколонку, какие-то мужчины поспешно отходят от продавца

газет, унося под мышкой груз более или менее ужасающих новостей.

Теперь, при свете дня, она уже не сомневается. Ей совсем не хочется, чтобы ее матерью была Раффаэлла. Даже если она пунктуальнее, чем ее собственная мать.

Баби входит в ванную. Встречается взглядом с отражением в зеркале. Да, видок тот еще. Быть «ромашкой» ей явно не идет на пользу. Пускает холодную воду, дает ей немного стечь и плещет себе в лицо.

За спиной появляется Даниела.

– Рассказывай! Как все было? Как гонки? Это правда так здорово, как говорят? Ты не встречала там моих подружек?

Баби открывает тюбик зубной пасты, выдавливает ее с конца, пытаясь убрать след от пальца Даниелы, которая, наоборот, всегда выдавливает с середины.

– Идиотизм все это. Компания придурков, которые рискуют жизнью, а кое-кому даже удается с ней расстаться.

– А там много народу? А что они делают? А куда идут потом? Ты видела «ромашек»? Это мощно! Они такие смелые! Я бы так, наверное, не смогла.

– А я смогла...

– Серьезно? Ты была «ромашкой»? Вау! У меня сестра – «ромашка»!

– Я тебя уверяю, ничего особенного. И вообще, я умываться пришла.

– Ну вот, так всегда! Никакого с тобой удовольствия. Зачем вообще нужна старшая сестра, если ты мне ничего не рассказываешь? А мы уже с Андреа решили, что на будущей неделе тоже пойдем. И, может быть, я тоже буду «ромашкой»! – Даниела с фырканьем вылетает из ванной.

Баби усмехается про себя, полощет рот и берет щетку для волос. Вот черт. Даниела мстит ей на расстоянии. Между штырьками щетки запутались черные волоски. Баби выдергивает их и швыряет в унитаз. Затем пускает воду и начинает причесываться.

В дверях снова вырисовывается Даниела.

– А где Superga, которые ты вчера у меня взяла?

– Я их выкинула.

– Как – выкинула? Они же совсем новые...

– Как слышала. Выкинула. Они попали в навоз и совсем развалились, так что пришлось их выбросить. Если б не выбросила, Стэп не отвез бы меня домой.

– Ты вляпалась в навоз, а потом Стэп отвез тебя домой? А когда же ты успела побыть «ромашкой»?

– До того.

– Со Стэпом?

– Нет.

Даниела босиком идет за Баби в ее комнату.

– Ну, так ты мне расскажешь, как все было?

– Давай заключим договор. Если ты с сегодняшнего дня, после того как причешишься, начнешь чистить щетку для волос, то через несколько дней я тебе все расскажу. Согласна?

– Согласна.

Даниела уходит к себе в комнату. Баби натягивает форму. Нет, я никогда ей ничего не расскажу. Может, Даниела и почистит щетку пару дней, но надолго ее не хватит. Она вообще несерьезная.

В комнату Баби входит Раффаэлла.

– Паллина что, тут ночевала?

– Да, мама.

– И где?

– В моей кровати.

– Как это? Когда я ночью заходила тебя поцеловать, ты была одна.

– Она пришла позже. Она не могла остаться дома, потому что у ее мамы были гости.

– А где же она была все это время?

– Не знаю.

– Баби, я не собираюсь отвечать еще и за нее. А если бы с ней что-то случилось, а ее мать думала, что она у нас...

– Да, мама, ты права.

– В следующий раз предупреждай, когда она остается ночевать.

– Но я же тебе сказала, перед тем как вы пошли к Пентести. Ты что, не помнишь?

Раффаэлла задумывается.

– Нет, не помню.

Баби, невинно улыбается, как бы говоря «ну что тут поделаешь?»

В кухонное окно радостно светит солнце. Баби доедает диетические хлебцы и допивает кофе с молоком. Даниела выскребает остатки пудинга. Суетливо возит ложкой в стаканчике, пытаясь выскрести из щелочки последнюю капельку шоколада.

– Баби, сегодня чудесный день. На улице солнце, и вроде бы не холодно. Я уже говорил с мамой, она тоже согласна. Думаю, ты уже поняла, о чем я... Можете сегодня поехать в школу на Vespa!

– Спасибо, папочка, вы такие замечательные. Но после того разговора я хорошо подумала... ты, наверное, прав. Ездить с тобой и Даниелой в

школу – это уже ритуал, даже, наверное, приносит удачу. И еще вот что: мы можем поболтать, начать день вместе, это же здорово, правда?

Даниела не верит своим ушам.

– Баби, ну давай все-таки поедem на мотороллере. С папой можно и за ужином поговорить, и за завтраком.

Баби сжимает ей руку:

– Дани, но правда лучше поехать с папой, – снова жмет ей руку. – И потом, я же говорила вчера вечером, что чувствую себя не очень. На будущей неделе, может, поедem на Vespa, тогда и теплее будет.

Последнее пожатие сомнений не оставляет. Это намек. Даниела понимает все без слов.

– Да, папочка, Баби права, мы поедem с тобой.

Клаудио, довольный, допивает последний глоток кофе. Как все-таки хорошо, когда у тебя две дочки! Не часто тебя так любят.

– Ну что, девчушки, тогда выходим, а то опоздаете.

Клаудио уходит в гараж, а Баби и Даниела остаются ждать его у подъезда.

– Наконец-то до тебя дошло! Надо было руку тебе сломать, что ли?

– Могла бы и сразу сказать!

– Откуда я знала, что нам сегодня разрешат поехать на Vespa?

– А почему ты не хочешь поехать?

– Да потому что ее нет!

– Как – нет? А где же она? А на чем же ты уехала вчера вечером?

– На ней.

– Ну и? Она тоже вляпалась в навоз, и ты ее выкинула?

– Нет, я оставила ее на гонках... а когда мы вернулись, ее уже не было, – не задумываясь врет Баби.

– Не верю!

– Но это правда.

– Не верю! Как это – моя Vespa!

– Между прочим, ее мне подарили.

– Ну да, а кто ее ремонтировал, приводил в порядок? Кто менял коллектор? На будущий год тебе папа с мамой машину купят, и тогда Vespa уже будет моя! Нет, это невозможно!

Перед ними останавливается автомобиль. Клаудио включает электрический стеклоподъемник.

– Баби, а что с Vespa? В гараже ее нет.

Даниела зажмуривается. Теперь придется поверить.

– Ничего, папа, я оставила ее сзади, во дворе. Тебе же так не нравится

ее каждый раз объезжать. Вот я и решила оставить там.

– Ты шутишь? Поставь немедленно в гараж. А если ее угонят? Имей в виду, ни я, ни мама не собираемся покупать вам новый мотороллер. Давай ставь в гараж. Вот ключи.

Даниела садится на заднее сиденье, а Баби идет к гаражу, притворяясь, что ищет в связке нужный ключ. Придя во дворик, Баби задумалась. Что же делать? До вечера надо найти Vespa. Если не найду, значит надо будет что-то придумать. Черт бы подрал Паллину, это она меня втравила в неприятности, вот пусть и вытаскивает теперь. Слышит, как Mercedes дает задний ход, и бежит к гаражу. Наклоняется к створке. Как раз вовремя. Mercedes задним ходом выезжает из-за угла и останавливается перед ней. Баби делает вид, что запирает гараж, а потом быстро идет к машине. «Все, поставила». Сыграть ей удалось убедительно, но Vespa все же лучше найти как можно быстрее.

Mercedes отъезжает. Баби с улыбкой возвращает ключи отцу.

– Поставила как надо – близко к стене?

– Очень близко. Тебе точно мешать не будет.

Баби поворачивается к Даниеле. Та сидит мрачная, сложив руки на груди.

– Ну, Дани, поедem на Vespa на следующей неделе.

– Очень надеюсь.

Mercedes останавливается на выезде перед медленно поднимающимся шлагбаумом. Клаудио машет привратнику, а тот делает им знак, чтобы остановились на минутку. Выходит из будки с пакетом в руках.

– Доброе утро, синьор Джервази, извините, тут пакетик оставили для Баби...

Баби заинтересованно принимает пакет. Mercedes осторожно трогается, стекло медленно поднимается. Даниела от любопытства аж вперед подалась. Клаудио и тот одним глазом поглядывает – что там такое? Баби улыбается:

– Кто хочет попробовать? Это шоколадный рожок от Ладзарески.

Баби разламывает рожок.

– Папа? – Клаудио качает головой.

– Дани?

– Нет, спасибо, – может, она надеялась, что в этом пакете новости о Vespa.

– Ну как хотите, мне больше достанется. Вы не представляете, от чего отказались...

Паллина – настоящее чудо, знает, как заслужить прощение. Теперь

осталось только до восьми часов найти Vespa.

У входа в школу девочки болтают в ожидании звонка. Баби и Даниела выходят из машины и прощаются с отцом. Mercedes вливается в общий поток на пьядца Эуклиде. К ним тут же подбегает стайка девчонок.

- Баби, ты правда вчера пошла на гонки и была там «ромашкой»?
- А правда, что за тобой гналась полиция?
- Полицейский схватил тебя за волосы, Стэп его вырубил, и ты уехала с ним на мотоцикле?
- А правда, двое парней разбились?

Даниела потрясенно слушает. Да, Vespa пропала не даром. Это же настоящая слава. Баби не верит своим ушам. Откуда они успели все узнать? Хотя нет, не все. История с навозом пока что осталась тайной. Выручает звонок на урок. Поднимаясь по лестнице, она рассеянно отвечает на вопросы подружек поближе. Наконец-то все. В этот день к ней пришла известность. Даниела нежно прощается с сестрой:

- Пока, Баби, до перемены!

Невероятно. С тех пор как они ходят в школу вместе, та сказала такое впервые. Баби провожает Даниелу взглядом, сестра идет в окружении подружек. Они со всех сторон бомбардируют ее вопросами. Она тоже наслаждается своими пятнадцатью минутами славы. Наверное, все же надо было вернуть ей кроссовки. Только бы она не рассказала про навоз!

На кафедре – молодой священник из соседней приходской церкви. Первый урок – Закон Божий. Любимейшее времяпрепровождение на нем – ставить преподавателя в затруднительное положение вопросами о сексе и добрых отношениях. Обычно при этом раскрепощенные девочки приводят в пример загадочных ужасных подруг, впрочем, почти всегда имея в виду самих себя. В общем, урок Закона Божьего превращается в самый настоящий урок сексуального воспитания, единственный предмет, на котором все получают полное удовлетворение.

Баби листает дневник. Следующим уроком греческий.

Джаччи будет спрашивать. Надо закрыть последний триместр перед выпускными экзаменами. Когда станет ясно, по каким предметам будут экзамены, опросы закончатся. Звонок. Молодой священник уходит, унося с собой чемоданчик из мягкой темной кожи и последние сомнения. Однако походка выдает его с головой. Если в молодости он и грешил, то повинны были в этом явно не девушки.

– Привет, Баби!

– Паллина! Как ты?

Паллина ставит сумку с книгами на парту Баби.

– Ну, неплохо, без литра крови!

Паллина закатывает рукав голубой форменной рубашки, открывая бледную руку.

– На вот, смотри! – указывает она на пластырь с пятнышком крови посередине. – Это тебе не просто так. Врач битый час искал мне вену, прикинь? Исколол все вокруг и все руки исщипал – говорил, чтобы вена показалась! А по-моему, он меня просто ненавидел и хотел сделать больно. Да, кстати, а ты получила мой пакетик?

– Да, спасибо тебе.

– Я заслужила прощение?

– Почти.

– Как почти? Что, надо было купить два рожка?

– Нет, надо будет вернуть мне к восьми часам Vespa.

– Vespa? А как? Кто ее знает, где она? У кого? Кто взял? Я-то тут при чем?

– Я придумала. Vespa можно не искать, во всяком случае, так срочно.

Паллина улыбается.

– Уже хорошо. А то поставила невыполнимое условие. Но как ты это сделаешь? Что ты скажешь папе, когда он вернется и не найдет Vespa?

– А Vespa там как раз будет.

– Как?

– Очень просто. Твою поставим.

– Мою?

– Ну да, папе все едино, он и не заметит.

Джаччи стучит кулаком по кафедре.

– Тишина! Начинаем опрос. Сальветти, Риччи и Серванти, вы последние, кого я опрашиваю. Потом мы на время оставим греческий и займемся латынью. Да, хотелось бы вам сообщить: наверняка латынь пойдет на экзамен...

Открыла Америку, – думает большая часть класса. И только одна девочка думает сейчас о другом. Это Сильвия Феста. Почему Джаччи не вызвала ее? Сегодня ведь ее очередь, а не Серванти. Может, Джаччи что-то замышляет? Положение у Сильвии не из легких. У нее уже стоят две пятерки, и незачем это еще усугублять. С другой стороны, учительница не могла ошибиться. Джаччи никогда не ошибается. Это одно из незыблемых

правил в Фальконьери.

Сильвии отчаянно нужно, чтобы ее спросили в третий раз. Более того, так и должно было быть. Она незаметно зовет Баби.

– Не знаю, что и сказать, извини... У меня записано, что спросить должны тебя.

– Что ты хочешь сказать? Что Джаччи ошиблась?

– Может быть. Но ты же ее знаешь. Лучше уж промолчать.

– Да, но если ей не сказать, меня не допустят до экзаменов.

Баби разводит руками: «Ну не знаю я...» Она и правда расстроена. Начинается опрос. Сильвия ерзает за партой, не знает, как себя вести. Наконец решает вмешаться. Поднимает руку. Джаччи замечает ее:

– Что вы хотите, Феста?

– Извините, синьора Джаччи, что перебиваю. Но мне кажется, что меня еще не спрашивали в третий раз.

Феста улыбается, пытаясь затушевать то, что она фактически обвиняет учительницу в том, что та ошиблась. Джаччи вздыхает.

– Сейчас посмотрим.

– Феста... Феста... Ах, вот. Опрошена 18 марта, и, естественно, с плохой оценкой. Довольны? Да, и кстати, – просматривая остальные оценки, – не думаю, что вас допустят до экзаменов.

Еле слышное «спасибо» слетает с губ Сильвии. Она пропала. Джаччи с довольным видом возобновляет опрос. Баби снова проверяет дневник. 18 марта. Но в этот день спросили Серванти! Вне всякого сомнения. Джаччи ошиблась. Но как это доказать? Ее слово против слова учителя. И кончится это еще одним замечанием. Бедная Феста, какая же неправа. Чего доброго, на второй год оставят. Она открывает страницы других предметов. 18 марта. Это четверг. Проверяет другие уроки. Как странно: в тот день Феста вообще не спрашивали. Может быть, это случайность, но может, и нет. Она высовывается из-за парты:

– Сильвия...

– Что такое? – вид у Феста убитый. Но правда скорее на ее стороне.

– Дай мне дневник.

– Зачем?

– Надо кое-что посмотреть.

– Что?

– Потом скажу. Давай сюда.

На миг в глазах Сильвии загорается слабая искорка надежды. Она отдает Баби дневник. Баби раскрывает его где-то в конце. Сильвия уже полным надежды взглядом следит за Баби. Та улыбается. Поворачивается к

ней и возвращает дневник. «Тебе повезло!» Сильвия вымучивает улыбку. Она все еще не верит.

Неожиданно Баби поднимает руку.

– Извините, синьора Джаччи...

Джаччи поворачивается к ней.

– Что такое, Джервази? Вас что, тоже не опросили? Сегодня вы, девушки, как-то особенно надоедливый. Ну, говорите же!..

Баби поднимается. Секунду молчит.

– Я хотела сказать, что вы ошиблись.

Шум приглушенного говора наводняет класс. Девочки поражены. Баби спокойна.

Джаччи багровеет от злости, но берет себя в руки.

– Тихо! И в чем же это?

– 18 марта вы никак не могли спросить Сильвию Феста.

– Это почему? У меня в журнале записано. Хотите посмотреть? Вот, 18 марта, неуд Сильвии Феста. Мне кажется, вам понравилось получать замечания.

– Это оценка Франчески Серванти. Вы просто не туда ее вписали.

Джаччи, кажется, сейчас взорвется.

– Вот как? Я знаю, что вы все заносите в свой дневник. Но это всего лишь ваше слово, ничем не подкрепленное, против моего. Раз я говорю, что в тот день опрашивала Феста, значит, так оно и было.

– А я говорю, что нет. Вы ошиблись. Вы не могли 18 марта вызвать Сильвию Феста.

– Вот как? Это почему же?

– Потому что 18 марта Феста отсутствовала.

Джаччи бледнеет. Хватает общий журнал учета посещений и лихорадочно листает его назад. 20, 19, 18 марта. В бешенстве проверяет, кто отсутствовал. Бенуччи, Марини и... Джаччи без сил падает на стул. Она не верит собственным глазам. Феста! Имя, написанное ее собственной рукой, проступает словно огненными буквами. Ее позор. Ее ошибка. Все остальное не имеет значения. Джаччи бросает взгляд на Баби. Она уничтожена. Баби медленно усаживается. Все девочки по очереди оборачиваются на нее. В классе потихоньку поднимается шепот:

– Молодец, Баби, браво!

Баби делает вид, что не слышит. Но этот шепот достигает ушей Джаччи, слова впиваются в нее, будто ледяные иглы, подчеркивая глубину поражения. Выставить себя идиоткой перед всем классом! Перед ее классом. И звучат тяжелые, трудно дающиеся ей слова:

– Серванти, садитесь. Феста, к доске.

Баби упирает взгляд в парту. Правосудие свершилось. Затем медленно поднимает голову. На нее неотрывно глядит Джаччи. Лишенный выражения взгляд тверд, как камень, на котором выбито лишь одно слово: «ненавижу». На секунду Баби пожалела о том, что оказалась права.

Полдень. Стэп в пуловере и шортах заходит на кухню позавтракать.

– Доброе утро, Мария.

– Доброе утро, – Мария тут же перестает мыть посуду. Она знает, что Стэп не любит шума.

Стэп снимает с огня кофейник и кастрюльку с молоком и садится за стол. Тут раздается звонок в дверь. Трезвонит как ненормальный. Стэп прикладывает руку ко лбу:

– Ну кого там...

Мария семенит к двери.

– Кто там?

– Это Полло! Пустите меня!

Мария, памятуя о вчерашнем дне, с вопросительным видом поворачивается к Стэпу. Стэп кивает. Мария отпирает дверь. Вбегает Полло. Стэп наливает себе кофе.

– Ты не представляешь, что случилось! Это просто что-то с чем-то!

Стэп вскидывает бровь.

– Ты принес мне бутерброды?

– Нет, не принес, все равно ты этого не ценишь. На вот, смотри, – Полло показывает ему номер «Мессаджеро».

– Газета у меня уже есть, Мария принесла, – Стэп поднимает со стола листы «Республика». – Кстати, ты с ней даже не поздоровался.

Полло злобно обращается к служанке:

– Здрасьте, Мария.

Затем разворачивает газету и шмякает ее на стол.

– Видел? Мощная фотка! Просто обалдеть... Ты попал в газеты!

Стэп открывает страницу с городской хроникой. Да, действительно. Он там. На мотоцикле с Баби, когда мотоцикл встал на дыбы перед фотографами. Их легко узнать: к счастью, их сняли спереди. Номера не видно, и хорошо, иначе была бы полная жопа. И статья. Гонки, фамилии задержанных, удивление полиции, описание их бегства.

– Прочитал? Ты теперь звезда! Ты знаменит. Бот бы мне, блин, так.

– Полло, ты пойдешь со мной кое-куда. Выпей кофе, а я пока приму душ.

Стэп уходит. Полло садится на его место. Смотрит на фотографию. Начинает перечитывать статью. Подносит к губам чашку. Какая гадость. Он

забыл: Стэп же пьет кофе без сахара. Из душа доносится приглушенный водой голос Стэпа:

– В котором часу закрываются магазины?

Полло кладет в кофе сахар, смотрит на часы:

– Через полчаса.

– Блин, надо побыстрее.

Полло пробует кофе. Вот так пойдет. Закуривает. Стэп появляется в дверях. Он в халате, маленьким полотенцем вытирает волосы. Он подходит к Полло и снова изучает фото.

– Ну и как тебе быть другом звезды?

– Не зарывайся.

Стэп забирает у него чашку и отпивает кофе.

– Фу, дрянь какая! Как ты можешь пить такой сладкий? Ужас. Тебя же разнесет. Сколько ложек ты туда кинул?

– Я не толстый. Я неправильный худой.

– Теперь, когда ты обзавелся девушкой, надо снова походить в качалку, курить поменьше, сесть на диету... А то она тебя бросит. Женщины сволочи, чуть-чуть протормозил – и конец. После этой фотографии тебе тоже надо бы попасть в газеты.

– Я вообще-то уже попал в газеты, даже раньше тебя. С футбольными фанатами. Я там ору впереди всех, в шарфе, с поднятыми руками, на дешевых местах.

– Ну что ты, болельщики теперь не в моде. В моде бандиты и хулиганы.

Стэп уходит одеваться. Полло допивает кофе. Затем встает и проводит рукой по животу. Стэп прав. С понедельника надо снова начать ходить в спортзал. Неизвестно почему, но все всегда начинают всё с понедельника.

Полло стоит с мотоциклом на боковой подпорке на проспекте Анджелико. Стэп запрыгивает на мотоцикл позади него.

– Куда поедем?

– На площадь Джачини.

– Зачем?

– Там живет Баби.

– Да ладно!

Стэп и Полло проезжают мимо регулировщицы. Почти толкают ее, смеясь, задевая край ее юбки. Полло и язык высунул. Она даже не попыталась записать номер. Что записать в штрафной квитанции? Правила дорожного движения не предусматривают наказания за попытки

буксировки, даже столь рискованные.

– Площадь Джачини, Полло 40, прибыли.

Мотоцикл Полло с рычанием тормозит у шлагбаума перед жилым комплексом Баби. Стэп здоровается с привратником, тот узнает его и пропускает. Мотоцикл медленно поднимается в гору. Привратник слегка растерянно смотрит вслед этим одержимым. Полло поворачивается к Стэпу:

– А привратник тебя знает, ты что, уже сюда приезжал?

– Да нет. Привратники всегда так: здороваешься с ними, и они тебя пропускают. Стой тут, жди меня.

Стэп спрыгивает с мотоцикла.

Полло глушит мотор.

– Только побыстрее, а то эта штука, по которой платят, капает...

– Счетчик.

– Да как бы ни назывался. Шевелись, а то уеду.

Стэп у домофона находит фамилию и звонит.

– Кто там?

– Мне надо передать Баби пакет.

– Первый этаж.

Стэп поднимается. В дверях толстая служанка.

– Здравствуйте. Вот, это для Баби. Осторожно, оно бьющееся.

Из глубины коридора доносится голос.

– Кто там, Рина?

– Молодой человек принес что-то Баби.

Раффаэлла выходит посмотреть, что это за молодой человек. Широкие плечи, короткие волосы, улыбка. Она его где-то видела, только вот где?

– Добрый день, синьора. Как поживаете? Я принес Баби одну мелочь. Передадите ей, когда она вернется из школы.

Раффаэлла все еще улыбается. И вдруг она понимает. Улыбка исчезает.

– Это ты избил синьора Аккадо. Ты Стефа-но Манчини.

Стэп поражен.

– Вот уж не знал, что я так знаменит.

– Ты не знаменит. Ты просто негодяй. Твои родители знают, что случилось?

– А что случилось?

– На тебя подали заявление в полицию.

– Это ничего. Я привык, – улыбается он, – и потом – я сирота.

Раффаэлла на минуту смешалась. Она не знает, верить ему или нет. Да и бог с ним.

– Как бы там ни было, я не хочу, чтобы ты обхаживал мою дочь.

– На самом деле это она всегда появляется там, где я. Но это не страшно, она мне не мешает. Прошу вас, не ругайте ее, она этого не заслуживает. Извините, синьора, мне надо идти. Меня ждет такси, счетчик тикает.

Стэп спускается по лестнице, прыгает с последних ступенек, как раз в это время хлопает дверь. Как эта синьора похожа на Баби. Запоминающаяся внешность. Тот же разрез глаз, тот же овал лица. Но Баби красивее. Он надеется, что она и не такая стервозная. Припоминает последний раз, когда они виделись. Нет, совсем не похожи. На секунду ему захотелось снова увидеть Баби. Полло жмет на клаксон.

– Эй, пошевеливайся! О чем задумался – о будущих миллионах?

Стэп садится сзади него.

– Да, таксист из тебя тоже дерьмовый.

– Заткнись. Я целый час тебя жду. Что ты там делал?

– Говорил с матерью.

Вдруг Стэпу приходит в голову мысль. Он поднимает голову. Раффаэлла высунулась в окно. Как он и предвидел. Она отпрянула, пытаясь скрыться в глубине. Слишком поздно. Стэп ее заметил. Он улыбается, прощаясь с ней. Раффаэлла захлопывает окно, когда мотоцикл исчезает за поворотом. Полло тормозит у шлагбаума. Стэп машет привратнику. Надо же с кем-то в этом комплексе подружиться.

– Ты говорил с матерью? А о чем?

– Да так, поспорили немного.

– Стэп, ты того... поаккуратнее.

– С чем?

– Со всем! Подобные истории добром не кончаются.

– Это почему?

– Ты привозишь подарки... беседуешь с матерью... Раньше ты вроде ничего такого не делал. Тебе эта Баби что, так нравится?

– Ну, она ничего.

– А как же Маддд?

– А при чем тут Маддд? Это совсем другое.

– Ты хочешь встречаться с Баби?

– Полло!..

– Что?

– Ты в курсе, что вчера возле твоего дома кого-то убили?

– Да что ты говоришь? Нет, не знаю. А как убили?

– Перерезали горло.

Стэп хватает Полло за шею и душит.

Ну и наглая же рожа у этого парня. Раффаэл-ла открывает странный сверток. В нем постер. Она узнает Стефано на мотоцикле с поднятым колесом. Но за ним сидит ее дочь. Это Баби. Кто снимал? Изображение с крупным зерном. Похоже на фотографию из газеты. Вверху слева надпись от руки фломастером: «Звездная парочка!» Это точно он написал. А внизу справа напечатано: «Фото беглецов». Что это значит?

– Синьора, ваш муж звонит.

– Да, Клаудио?

– Раффаэлла! – он явно ошеломлен. – Ты видела сегодняшний «Мессаджеро»? В римских новостях фотография Баби...

– Нет, не видела. Пойду куплю.

– Алло? Раффаэлла?

Но она уже отсоединилась. Клаудио смотрит на молчащую трубку. Жена никогда не дает ему договорить.

Раффаэлла бежит к продавцу газет возле дома. Берет «Мессаджеро», платит. Не дожидаясь сдачи, разворачивает газету. Это означает, что она по-настоящему взволнована. Пролистывает до городской хроники. Вот. Та самая фотография. Читает огромный заголовок: «Уличные бандиты». Ее дочь. Облава, полиция, погоня. Задержание. Какое отношение к этой истории имеет Баби? Строчки заплесали у нее перед глазами. Она чувствует, что вот-вот потеряет сознание. Делает глубокий вдох. Понемногу ей становится лучше. Настолько, что она даже забирает сдачу. Продавец, заметив, как она побледнела, забеспокоился:

– Синьора Джервази, вам плохо? Дурные известия?

Раффаэлла качает головой:

– Нет, нет, ничего страшного.

«Просто моя дочь связалась со шпаной».

Как трудно дожидаться окончания уроков.

Паллина выбегает из школы, прыгая по ступенькам рядом с Баби. Паллина вынимает из сумки пачку Camel. Вынимает одну и сует в рот. Заглядывает в пачку. Осталось еще три сигареты, и последняя – та, что фильтром вниз, на счастье.

– Ты же сказала, что бросила курить.

– Да, в понедельник.

– А не в прошлый понедельник?

– Ну да. В понедельник бросила, но вчера снова начала.

Баби качает головой. Затем замечает, что на противоположной стороне улицы припаркована машина матери.

– Ты поедешь с нами?

– Нет, я жду Полло, он обещал за мной заехать. Может, с ним приедет Стэп. Может, останешься со мной? Маме скажешь, что поешь у меня...

Баби с самого утра не вспоминала про Стэ-па. Столько всего случилось. Как они расстались вчера вечером? «Нелогична». Так он ей сказал. С ума сойти можно. Она нелогична.

– Нет, спасибо. Я поеду домой, и вообще, я уже сказала, что не горю желанием видеть Стэпа, а если будешь настаивать, то мы поссоримся.

– Как хочешь. Тогда в пять в «Парнасе»...

Баби пытается возразить, но Паллина ее опережает:

– С моей Vespa.

Баби, улыбнувшись, уходит. «И почему она такая гордая, – думает Паллина. – Хотя это ее дело. Может, ей так нравится. Но она все равно симпатичная. И поставила на место Джаччи». Пришло время распространить новость. Паллина подходит к стайке девчонок помладше, из второго класса.

– Вы знаете, что Джаччи сегодня облажалась?

– Нет, а что случилось?

– Она хотела оставить на второй год одну из моего класса, Сильвию Феста. Но она ошиблась, поставила ей оценку другой девчонки.

– Честное слово?

– Ну да, хорошо, что Баби заметила.

– Какая Баби? Джервази?

– Она.

К ним подходит девочка с «Мессаджеро» в руках.

– Паллина, а вот тут – это не Баби?

Паллина вырывает газету из рук. Пробегает глазами статью. Смотрит на Баби. Та уже почти дошла до машины. Паллина пытается ее позвать. Кричит она громко, но шум машин заглушает. Слишком поздно.

Баби поднимает сиденье, чтобы сесть сзади.

– Привет, мама.

Наклоняется, чтобы ее поцеловать. А та влепляет ей пощечину. «Ай!» – Баби отлетает на заднее сиденье. Ничего не понимая, потирает ноющую щеку.

В машину садится Даниела. Оглядывается. Молчание. Лицо Раффаэлы. Баби, потирающая щеку. И тут же все понимает.

Пока они ждут вечно опаздывающую Джо-ванну, Раффаэлла орет как ненормальная. Баби пытается все объяснить. Даниела подтверждает. Раффаэлла распаляется еще больше. Главной обвиняемой становится Паллина, но до нее не доберешься, она вне юрисдикции.

Наконец приходит Джованна и, пробормотав как всегда: «Извините», садится назад. Машина трогается. Дорога проходит в молчании. Джованна думает, что случилось что-то серьезное. Иначе почему они так раздражены?

– Ну извините меня... Но ведь сегодня я пришла вовсе не так уж поздно?

Даниела рассмеялась. Баби еще сдерживается, но и ее захватывает смех. Наконец смеется и Раффаэлла.

Джованна ничего не поняла и обиделась. Они ее высмеивают. Надо рассказать маме. С завтрашнего дня, решает Джованна, или пусть она сама за мной приезжает, или буду ездить на автобусе.

Все же какая-то польза от этого скандала была: больше не надо ждать Джованну.

Под мышкой крепко зажата старая сумка из черной кожи. Суконный жакет горчичного цвета. Короткие, гладко зачесанные волосы устало повисли, походка тоже усталая. Из-за толстых коричневых колготок она кажется еще старше, как будто недостаточно того, что уже есть. И старые мокасины ей тоже не идут. Но ничто из вещей не вступает в противоречие с ее внутренним миром.

В душе она хотела бы носить туфли по крайней мере на два размера меньше. Джаччи отпирает стеклянную дверь подъезда старого дома. Скрип ее уже не удивляет. Она подходит к лифту. Жмет на кнопку. Проглядывает почтовые ящики. На некоторых нет имен. На одном нет даже стекла, и висит он как-то криво, как и дом Николоди, владельца ящика. Вещи ли становятся похожи на людей ими владеющих, или люди начинают походить на вещи? Ответа Джаччи не знает. Она входит в лифт.

На стенах вырезаны надписи. Имя какой-то ушедшей любви. Выше – символ какой-то партии, тонко выполненный разочарованным художником. Внизу справа – мужской половой орган, изображенный не вполне точно, во всяком случае, как ей смутно помнится. Третий этаж. Она вынимает из сумки связку ключей. Вставляет самый длинный в средний замок. За дверью слышен шум. Это он, ее единственная любовь. Смысл жизни.

– Пепито! – навстречу ей с лаем бросается собачонка. Джаччи наклоняется. – Как ты тут, малыш?

Пепито, виляя хвостиком, прыгает ей на руки. Начинает ее вылизывать.

– Пепито, милый, ты не представляешь, что нынче сотворили с твоей мамочкой.

Джаччи закрывает дверь, кладет сумку на холодную мраморную полку и снимает жакет.

– Глупая девчонка посмела осудить меня при всех, представляешь? Ты бы слышал, каким тоном...

«Парнас». Красивые девушки с изящно накрашенными глазами, длинными ресницами и нежными румянами сидят за круглыми столиками, щебечут, наслаждаясь весенним солнышком.

– Черт, испачкалась!

Одна из девушек смеется, другая, более мнительная, осматривает свою блузку на предмет пятен. Девушка в испачканной блузке обмакивает кончик бумажной салфетки в бокал с водой. С силой трет, размазывая пятно шоколада. Блузка молочного цвета в этом месте становится бежевой. Девушка расстраивается окончательно.

– Эти бокалы с водой приносят неудачу! Официанты их словно нарочно ставят, как будто уже знают, что ты испачкаешься! Извините...

Останавливает проходящего мимо официанта.

– Будьте добры, принесите пятновыводитель, – она растягивает блузку, демонстрируя мокрое пятно.

Взгляд официанта на поверхности не останавливается. Он смотрит глубже. Блузка, от воды ставшая прозрачной, облепила бюстгальтер и демонстрирует кружево. Официант улыбается. «Сейчас принесу, синьорина». Ему бы хотелось дать ей чего другого, но как профессиональный лжец он держит лицо и понимает, что весь этот спектакль не для него. Ни одна здешняя девушка не прельстится официантом.

Паллина, Сильвия Феста и еще одна девочка из Фальконьери сидят на натянутой между двумя мраморными колонками цепи, прогибающейся под их весом.

– Вот она!

У Баби разругались щеки. Она приветствует их, весело улыбаясь, слегка утомившись от ходьбы. Паллина бежит ей навстречу. «Привет!» Они целуются нежно и искренне. В отличие от значительной части поцелуев за столами кафе.

– Как я замучилась! Я и не думала, что это так далеко.

– Ты пришла пешком? – Сильвия Феста пораженно глядит на нее.

– На, держи, – Паллина протягивает Баби ключи. – Моя Vespa в твоём распоряжении.

– А ты узнала что-нибудь о моей?

– Полло сказал, что никто ничего не знает. Наверное, ее забрала

полиция. Он сказал, что тебе скоро сообщат.

– Угу, и говорить будут с предками.

Баби изучает группу парней. Узнает Полло и еще одного приятеля Стэпа. Тип с повязкой на глазу ей улыбается. Баби отводит взгляд.

Перед кафе останавливаются несколько мотоциклов. Баби с надеждой смотрит на новоприбывших. Сердце у нее заколотилось. Но напрасно. Незнакомые, во всяком случае ей неизвестные, парни входят и рассаживаются.

– Ищешь кого-то? – выражение лица и тон Паллины не оставляют сомнений. Паллина знает.

– Нет, а что, надо? – Баби, не глядя на нее, сует ключи в карман. Она знает, что глаза ее выдадут.

– Ну, девочки, пока, – поспешно прощается Баби. Щеки у нее покраснелись. Наверняка не от одной лишь усталости. Паллина провожает ее к мотороллеру.

– Ты знаешь, как он работает?

Баби, улыбнувшись, снимает замок с рулевой колонки и заводит мотор.

– А что вы делаете сегодня вечером?

– А что такое? Ты удостоишь нас своего общества?

– Какая ты язва. Я же только спросила – что вы делаете.

– Ну... Не знаю. Если хочешь, я тебе позвоню, или ты мне позвони, – Паллина глядит с намеком.

За ее улыбкой вдруг появляется Стэп. Уверенный взгляд, загорелая кожа, короткие волосы, руки, помеченные выбитыми зубами. «Ты похожа на мою рыбку». Рот приоткрыт, глаза закрыты... «Но ты так нелогична... нелогична... нелогична...» Как эхо. Баби овладевает остаток ее гордости.

– Нет, спасибо, не нужно. Увидимся завтра в школе. Я просто так спросила.

– Как хочешь...

Vespa уносит ее прочь, прежде чем слабое препятствие в виде гордости прогнется под опасной, но еще не бурной волной. Паллина достает из кармана мобильник и улыбается.

Баби ставит Vespa Паллины в гараж. Отлично. Папа все равно разницы не заметит. Поставлена она хорошо, близко к стене, так что поводов придрачиться у него не найдемся. Она смотрит на часы. Без пятнадцати семь. Черт! Взбегает по лестнице, открывает дверь.

– Дани, мама уже вернулась?

– Нет, нет еще.

– Ну слава богу.

Раффаэлла ее наказала, Баби должна сидеть дома до следующей недели, и нарушить запрет в первый же день – это все же перебор. Даниела ненавидяще глядит на нее:

– Ну что, узнала что-нибудь о нашей Vespa?

– Нет. Наверное, ее забрала полиция.

– Чего? Ну, приехали! А что нам за это будет, нас вызовут в полицию?

– Мне сказали, что рано или поздно полиция с нами свяжется, чтобы вернуть мотороллер. Надо только снять трубку раньше мамы и папы.

– Ну, это просто. А если позвонят утром?

– Тогда мы попали. Паллина дала на время свою Vespa. Я поставила ее в гараж, так что папа, когда вернется, ничего не заметит.

– Кстати, Паллина тебе звонила.

– Когда?

– Недавно, когда ты еще не пришла. Она просила передать тебе, что сегодня вечером они идут в «Стекляшку». Что будут тебя ждать и чтобы ты не строила из себя и пришла, что она все понимает. И потом еще добавила что-то про зверюшек... Зайка, птичка... Ах да, рыбка. Сказала, чтобы передавала привет рыбке. А рыбка – это кто?

Баби поворачивается к Даниеле. Ее раскрыли, ее предали. Паллина все знает.

– Да так, никто, это просто шутка.

Объяснять слишком долго. И слишком унизительно. На секунду ее охватывает ярость, она уносит ее, не расплескав, в свою комнату. Глядя на закат в окно, она представляет, как эта история выплыла наружу. Губы Стэпа, довольная улыбка... Вот он рассказывает Полло, тот смеется и передает Паллине... а, может, и еще кому-нибудь. Гордость, достоинство, ярость, негодование соскальзывают вдоль ее гладкого, холеного тела вниз, как ночная рубашка на бретельках. И она, освободившись, просто и легко перешагивает через них. Обнаженная любовью, идет к нему, к его образу. На минуту кажется, что они улыбаются друг другу. Они обнимаются под закатным солнцем, такие близкие и такие разные. Скромно потупившись, она, вроде бы и не желая этого, подходит к зеркалу. И не узнает себя. Как сияют глаза, как светится кожа. Даже черты лица, кажется, изменились. Она отбрасывает волосы. Теперь она другая. Она улыбается себе той, какой никогда не была. Влюбленной. И не только. Всерьез обеспокоенной, что этим вечером надеть.

Джинсовый комбинезон! Потертый, коротковатый и мятый, все то, что

ненавидит ее мать. И все то, что нравится ему. Она быстро переодевается. Надевает светлую джинсовую рубашку, впихивается в штанины, подтягивает бретели. Прыгает на кровать, хватая и натягивает гольфы, затем надевает кроссовки, высокие, до щиколотки, темно-синие, в тон повязке, которую находит в ванной. Причесывается, убрав волосы назад. Вдевает серьги в форме рыбок. Музыка надрывается во всю мощь. Черная подводка удлиняет глаза. Серый карандаш растушевывает. Белые зубы благоухают мятой. Неясный блеск касается мягких губ, делая их еще более желанными. Естественный румянец сам спадает до нужного уровня.

Даниела все еще болтает по телефону. Вдруг музыка замолкает. Дверь медленно открывается. Даниела прекращает говорить.

– Ты такая красивая, что просто смерть!

Баби надевает темную джинсовку Levi's.

– Что, правда?

– Да вообще... просто сдохнуть, как круто!

– Спасибо, Дани... ты знаешь... твоя юбка чересчур серьезная.

Баби целует Даниелу. И убегает. Выводит Vespa Паллины из гаража. Заводится и едет. Вниз по спуску выскальзывает в ночную прохладу. Аромат ее духов сливается с ароматом жасмина. Она машет привратнику Фьоре. И выезжает на улицу. Улыбается. Что подумает Стэп? Ему понравится? Что скажет о комбинезоне? О макияже?

«Стекляшка». Громила с серьгой в левом ухе и сломанным носом остановил перед дверью кучку людей. Баби пристраивается в ряд. Рядом с нею две размалеванные девицы в чем-то воздушном и их спутники в поддельных верблюжьих куртках.

Баби улыбается вышибале – и входит.

Две огромных колонки изрыгают в воздух басы. Парни и девушки у стойки смеются, пытаются перекричать шум. Баби опирается на стекло. Смотрит вниз, на площадку. Все танцуют как безумные. По краям стоят те, кто поспокойнее, пришли сюда, привлеченные звуками хауса. «Стекляшка» им ужасно нравится: заходишь, смотришь из-за стекла на танцующих, потом, если захочется, и сам можешь спуститься, смешаться с толпой, и уже на тебя будут смотреть, как на ярмарочном представлении. Некоторые девушки размахивают руками, одна весело подпрыгивает, перешучиваясь с подружкой. Черные и белые топики в обтяжку, узкие в талии, укороченные брюки. Оголенные пупки, разноцветные расклешенные джинсы, платки на талии. Одиночка сидит на пуфе, пьяная закрыла глаза, мажор клеит девушку. Подражатель Джона Траволты с повязкой на голове и в длинной рубашке. Парочка пытается поговорить. Наверное, он предлагает ей танец пооткровеннее под музыку понежнее, у него дома, в одиночестве. Она смеется. Наверное, согласна. И никаких признаков Паллины, Полло, других – и Стэпа тоже не видно. А если они не пришли? Нет, это невозможно. Паллина же предупредила. И вдруг Баби что-то такое чувствует. Необычное ощущение. Она же смотрит не в ту сторону. Будто чья-то рука (судьба, должно быть) ее осторожно направляет, она оборачивается. Вот они. В том же зале, сидят в углу, в глубине, напротив последнего стекла. Вся компания: Полло, Паллина, тип с повязкой, другие парни – с короткой стрижкой и большими бицепсами, в сопровождении изящных девушек. Там и Маддалена с пухленькой подружкой. И он. Стэп потягивает пиво и поглядывает вниз. Ищет что-то или кого-то. Сердце у Баби подпрыгивает. А вдруг ее? Может, Паллина сказала, что она придет? Она снова заглядывает вниз. Нет, Паллина не могла сказать. Медленно она поворачивается обратно к нему. Улыбается про себя. Как странно. Такой сильный, вид суровый, короткие волосы зачесаны назад, куртка застегнута, и сидит спокойно, как хозяин. Но что-то в нем есть нежное и доброе. Может, взгляд. Стэп поворачивается к ней. Баби в испуге отворачивается. Она не хочет, чтобы ее

видели, смешивается с толпой и отходит от окна. Идет вглубь помещения, платит и получает желтый билетик на вход. Сбегает по ступенькам. Внизу музыка еще громче. У стойки заказывает «Беллини». Она любит персики. Стэп встал. Двумя руками уперся в стекло, качает головой, отбивая такт. Баби улыбается. Отсюда он ее не увидит. Ей подают коктейль, и она тут же его выпивает.

Баби незаметно проскальзывает по танцполу и встает прямо под ними. Она чувствует странную эйфорию. «Беллини» сделал свое дело. Музыка ее захватывает. Она повинуется. Закрывает глаза и постепенно в танце пересекает танцпол. Покачивает головой в такт. Счастливая, немного пьяная, незаметная среди людей. Волосы разлетаются. Поднимается на высокий край танцпола. Сжимает руки и танцует дальше, поводя плечами, сжав губы, открывает глаза и смотрит вверх. Их взгляды проходят сквозь стекло и пересекаются. Стэп стоит и неотрывно смотрит на нее. В первую минуту он ее вообще не узнает. Поворачивается к Паллине и о чем-то спрашивает. Баби внизу не слышит, но догадывается, о чем. Паллина кивает. Стэп снова смотрит вниз. Баби улыбается, опускает глаза и вновь отдается танцу.

Стэп быстро уходит, не заботясь ни о чем и ни о ком. Полло качает головой. Паллина с разбега бросается на него и целует. Коренастый мужик на лестнице пропускает Стэпа бесплатно. Даже уважительно здоровается с ним. Стэп останавливается. Вот она, Баби, перед ним. Какой-то тип с длинными волосами и в бейсболке танцует рядом с нею, рассчитывая снять девочку. Увидев Стэпа, уходит туда, откуда пришел, сделав вид, что просто проходил мимо. Баби танцует, глядя прямо в глаза Стэпу, и он тут же тонет в их лазури. Молча, улыбаясь, они танцуют рядом. Дышат их глаза, их взгляды, их сердца. Баби раскачивается под музыку. Стэп приближается к ней. Настолько, что чувствует ее аромат. Она подносит руки к лицу и, танцуя, отходит дальше. Она сдалась. Он зачарованно глядит на нее. Она прекрасна. Таких чистых глаз он никогда не видел. Мягкие губы приглушенного цвета, бархатная кожа. Все в ней хрупко, но совершенно. Волосы, выбившись из-под повязки, свободно обрамляют лицо, весело танцуют вместе с ее улыбкой. Стэп берет ее за руку и притягивает к себе. Гладит ее по лицу. Они рядом. Стэп останавливается. Одна мысль вызывает у него трепет. А что если от неосторожного движения она рассыпется, как обманчивый хрустальный сон? Улыбается и уводит ее. Похищает из этого беспорядка, из отвязной толпы, от бешено дергающихся людей, обезумевших от собственных действий. Стэп проводит ее через море машущих рук, защищая от тычков, от двигающихся в ритме локтей, от

случайных возбужденных движений. А выше, за стеклом – радость и боль. Паллина смотрит, как Баби, наконец-то ставшая непоследовательной и искренней, уходит с ним. Маддалена смотрит, как Стэп уходит с другой, пораженная не только тем, что он ее не любит. Пара, пораженная любовью, выходит, а Маддалена падает на ближайший диван. Сжимает в руках пустой бокал, а внутри поднимается горечь.

Красивые, в джинсе, слившиеся с толпой. Смеясь, едут вглубь города на синем, как ночь, мотоцикле. Болтают ни о чем и обо всем, улыбаясь друг другу в зеркальца. Она сидит, обхватив его за спину, ее обвевает ветер и какая-то новая сила, сила поражения. Виа Куаттро Фонтане. Площадь Сайта Мария Маджоре. На углу справа небольшой паб. Англичанин у дверей узнает Стэпа. Пропускает его. Баби улыбается. С ним можно куда угодно пройти. У него есть пропуск. Пропуск в счастье. Она так счастлива, что заказывает темное пиво, при том что никогда не любила даже светлое, так замечталась, что съела с ним на пару тарелку пасты, забыв о призраке диеты. Слова льются из нее ливнем, она говорит обо всем, у нее не осталось тайн. Она видит его сильным и умным, красивым и нежным.

И как она, слепая дурочка, не заметила этого раньше, злилась и обижалась на него? Но теперь она прощает себе. Она просто боялась. Они играют в дартс. Она попадает в цель. Торжествующе поворачивается к нему: «Ну как, неплохо получается?» Он улыбается, кивает. Баби радостно бросает следующий дротик, но уже не успевает увидеть, что попала в цель.

Снова похищена. Виа Кавур. «Пирамида». На полной скорости, наслаждаясь прохладным ветром последних ночей апреля. Стэп включает третью, потом четвертую скорость. Наперерез им на перекрестке – светофор сияет желтым. Стэп не останавливается. Вдруг – скрип тормозов. Щебенка. Jaguar Sovereign выехал слева на полной скорости, пытается затормозить. Удивленный Стэп застывает посреди перекрестка. Мотоцикл глохнет. Баби крепче обнимает его. В ее перепуганных глазах отражаются мощные фары приближающейся машины.

Кошачья морда бунтует против резкой остановки. Машина теряет управление. Баби зажмуривается. Слышно, как рычит мотор, как тормоза буквально рвут шины. И больше ничего. Баби открывает глаза. Jaguar стоит в нескольких сантиметрах от мотоцикла. Баби вздыхает с облегчением и выпускает из цепких рук куртку Стэпа.

Стэп же бесстрастно глядит на водителя.

– Куда ты прешь, сволочь!

Мужчина лет тридцати пяти с густыми, кудрявыми, безукоризненно подстриженными волосами опускает стекло:

– Что ты сказал, мальчик?

Стэп, улыбаясь, слезает с мотоцикла. Знает он таких. С ними должна

быть женщина, так что выглядеть бледно им не захочется. Подходит к машине. И в самом деле – сквозь стекло видны скрещенные ноги, на коленях черная вечерняя сумочка, элегантный костюм. Стэп пытается разглядеть ее лицо, но мешает блик от фонаря. Мальчик. Сейчас посмотрим, кто тут мальчик. Стэп учтиво распахивает дверь перед тем типом.

– Вылезай, сволочь, так лучше слышно.

Мужчина собирается выйти. Стэп хватается за пиджак и выволакивает наружу. Швыряет на машину. Замахивается для удара.

– Стэп, не надо! – это Баби.

Стоит возле мотоцикла. Смотрит встревоженно и недовольно, опустив руки.

– Не надо, пожалуйста!

Стэп ослабляет хватку. Тип тут же этим воспользовался. Подло бьет его прямо в лицо. Голова Стэпа отлетает назад. Но лишь на секунду. Удивленно подносит руку ко рту. Губа кровоточит. «Ах ты сукин...» – Стэп бросается на него. Мужчина выбрасывает вперед руки, нагибает голову в попытке закрыться. Стэп хватается его за кудри, тянет вниз, вот-вот пнет коленом, как вдруг... снова получает удар. Теперь по-другому, сильнее, прямо в сердце. Меткий удар. Всего лишь одно слово. Его имя.

– Стефано...

Из машины выходит женщина. Сумочка ее на багажнике, а сама она стоит с ним рядом. Стэп смотрит на нее. Смотрит на сумку. Нет, он такой еще не видел. Подарил какой-нибудь хахаль. Что за дикая мысль. Он медленно отпускает руку. Кудрявый тип высвобождается, ему повезло. Стэп молча смотрит на женщину. Красива, как и всегда. Слабое «Привет» слетает с его губ. Мужчина пихает Стэпа в бок. Стэп послушно пятится. Тип садится в Jaguar и зовет женщину с собой.

– Поехали, быстрее.

Женщина и Стэп смотрят друг на друга последнюю секунду. В этих глазах, таких похожих, – загадочные чары, долгая история о любви и грусти, о страдании, о былом. И дама снова садится в машину – красиво, элегантно, так же, как и вышла. А он остается на дороге: губа кровоточит, а сердце рвется на куски. К нему подходит Баби. Она видит только одну рану и, встревоженная, осторожно касается губы. Стэп сдвигается с места и молча садится на мотоцикл. Раздраженно ждет, пока сядет Баби. Стартует, жмет на газ. Мотоцикл пролетает по улице, набирает обороты. Лунготевере.

Он летит, не размышляя. Оставляя позади давние воспоминания, увеличивает скорость. Сто тридцать, сто сорок. Быстрее, быстрее.

Холодный воздух бьет ему в лицо, и эта боль приносит облегчение. Сто пятьдесят, сто шестьдесят. Еще быстрее. Стрелой пролетает меж двух машин, едва не задев их. Глаза его закрыты, он смотрит внутрь себя. Счастливый облик той женщины одолевает его смятенный разум. Сто семьдесят, сто восемьдесят, подпрыгнув на ухабе, мотоцикл едва не пролетает через перекресток. Светофор только что вспыхнул красным. Слева гудят только что тронувшиеся и затормозившие автомобили. Покоряются дерзкому мотоциклу, слабо освещенному ночному метеору, он быстр и опасен, как синий хромированный снаряд. Сто восемьдесят, двести. Ветер свистит в ушах. Края улицы размываются и сливаются где-то впереди. Снова перекресток. Далекий свет. Гаснет зеленый, зажигается желтый. Стэп жмет на кнопку под левой рукой. В ночь взмывает гудок. Как предсмертный крик подранка, как сирена «скорой помощи», пронзительная, как стон страждущего, что лежит в ней. Светофор переключается. Красный.

Баби молотит его в спину кулаками: «Стой, остановись!» Машины на перекрестке трогаются. Перед ними вырастает гудящая металлическая стена из весьма дорогих разноцветных кирпичей. «Стой!»

Последний крик, последний призыв к жизни. Стэп будто просыпается. Отпущенная рукоятка газа проворачивается до нуля. Мотор под всесильным седоком медленно затихает. Четвертая скорость, третья, вторая. Стэп охватывает стальную ручку тормоза, едва не согнув ее. Мотоцикл, дрожа, тормозит, обороты быстро спадают. Колеса оставляют на асфальте два глубоких прямых следа. От дымящихся поршней поднимается запах гари. Машины останавливаются в нескольких сантиметрах от мотоцикла. Никто ничего не заметил. Только теперь Стэп вспомнил о Баби. Она слезла с мотоцикла, прислонилась к отбойнику.

Из груди ее вырываются приглушенные рыдания, бледное лицо прочертили дорожки слез. Стэп растерян. Стоит с раскрытыми объятиями, не решаясь прикоснуться к ней. А вдруг от этого она еще сильнее разревется? Но надо попробовать. Однако такого отклика он не ожидал. Баби отталкивает его рукой, речь прерывается слезами, она почти кричит:

– Зачем? Ну зачем ты так? Ты с ума сошел? Нашел время гоняться!

Стэп не знает, что ответить. Просто смотрит в огромные, влажные, залитые слезами глаза.

Как объяснить? Как рассказать ей, что произошло? Сердце будто тисками сжали. Баби бросает на него взгляд. Ее голубые глаза, страдающие, вопрошающие, ищут ответа. «Не могу, – повторяет он про себя. – Я не могу». Баби шмыгает носом и возобновляет атаку:

– Кто эта женщина? Почему у тебя вдруг переменялось настроение? Стэп, скажи мне. Что между вами было?

И вот эти последние слова, эта гигантская ошибка, этот невероятный намек поразили его в самое сердце. И вся его защита рассеивается. Прочные, толстые стены, что возводил он день за днем, рухнули в один миг. Сердце впервые забилося спокойно. Он улыбается наивной девочке.

– Хочешь, скажу, кто эта женщина?

Баби кивает.

– Это моя мать.

Два года назад.

Стэп, запершись в комнате, ходит из угла в угол, учит химию. Опирается руками о стол. Перелистывает тетрадь с записями. Не получается. Формулы никак не лезут в голову.

Вдруг с последнего этажа дома напротив запел Баттисти: «Ты запомнилась мне такой же прекрасной...» Хорошо ему, а вот мне ничего не вспоминается, а химию я ненавижу. Потом, поняв, что ему сейчас прокрутят всю пластинку, он встает и распахивает окно:

– Эй, вы там, потише!

Музыка затихает. «Дебилы», – Стэп усаживается и снова углубляется в химию.

– Стефано...

Стэп оборачивается. Перед ним мать. Она в шубе из кусочков меха разных оттенков, светло-коричневых и золотистых. Под шубой бордовая юбка, открывающая великолепные ноги, обтянутые тонкими колготками. Элегантные темно-коричневые туфли завершают наряд.

– Я ухожу, тебе нужно что-нибудь?

– Нет, мама, спасибо.

– Ну хорошо, тогда до вечера. Если позвонит папа, скажи ему, что я пошла отнести юристу документы. Он знает, какие.

– Ладно.

Мать подходит к нему и нежно целует в щеку. Ее локоны заметно благоухают. Стэп думает: это уж чересчур. Нет, отцу он ничего не скажет. Смотрит, как она уходит, и понимает, что поступил правильно. Она – само совершенство. Его мать ничего не может делать неправильно. Даже по части духов. Под мышкой у нее сумочка – ее подарили они с братом. Паоло дал почти всю сумму, но выбирал-то он, в том самом магазине, на виа Кола ди Риенцо, где он столько раз видел, как мать в нерешительности застывает у витрины.

– Ты настоящий знаток, – прошептала она ему на ухо, сунув сумочку под мышку, и покачивая бедрами, прошла как по подиуму. – Ну, как она мне?

Все наперебой загалдели. Но она ждала его суда, суда «настоящего знатока».

– Мама, ты очень красивая.

Стэп возвращается в свою комнату. Слышит, как хлопнула кухонная дверь. Когда же они подарили ей эту сумочку? На Рождество или ко дню рождения? Нет, лучше уж поучить химию.

Прошло время. Почти семь часов. Осталось доучить еще три страницы. Тогда это и случилось. Снова запел Баттисти. Из-за закрытого окна на последнем этаже дома напротив. Громче, чем раньше. Настойчиво. Вызывающе. Не обращая внимания ни на кого и ни на что. И на него – а он-то учится, он не может пойти в спортзал! Это уж слишком.

Стэп берет ключи от дома и, хлопнув дверью, выбегает. Пересекает улицу и входит в подъезд напротив. Лифт занят. Бежит вверх по лестнице, перемахивая через две ступеньки. Все, так больше нельзя. Что Баттисти, Баттисти ни при чем. Но так громко его слушать!.. Он прибегает на последний этаж. И тут двери лифта открываются. Оттуда выходит парень из службы доставки с бумажным свертком в руках. Он оказался быстрее Стэпа. Смотрит на табличку с именами жильцов и звонит. Стэп переводит дух неподалеку. Парень глядит на него с любопытством. Стэп с улыбкой отвечает ему взглядом, затем изучает пакет у него в руках. На нем написано «Антонины». Ага, это те самые знаменитые сэндвичи. Они их тоже заказывают по воскресеньям. Они бывают с чем хочешь: с лососем, с икрой, с морепродуктами. Мать их ужасно любит.

– Кто там?

– Антонины. Вы заказывали сэндвичи.

Стэп улыбается про себя. Он угадал, и может, тот тип, чтобы загладить вину, предложит ему один. Дверь открывается. На пороге показывается мужчина лет тридцати. На нем полурасстегнутая рубашка и трусы. Доставщик собирается вручить ему пакет, но мужчина, едва завидев Стэпа, бросается на дверь, пытаясь ее захлопнуть. Стэп ничего не понимает, но инстинктивно кидается вперед. Просовывает в щель ботинок. Доставщик отступает, чуть не падая вместе со своей коробкой. И тут Стэп, прижавшись лицом к холодному темному дереву, в дверной щели видит ее. Она лежит на кресле рядом с шубой. Вдруг он вспоминает: они с братом подарили эту сумочку к Рождеству. Ярость и отчаяние, желание, чтобы всего этого не было, невозможность поверить собственным глазам во сто крат увеличивают его силы. Он распахивает дверь, швырнув того типа наземь. В гневе влетает в гостиную. О господи, лучше ослепнуть, чем видеть такое! Дверь в спальню открыта. На кровати среди сбившихся простыней, с совсем другим лицом – он не узнал его, хоть видел сотни раз – лежит она. Закуривает с невинным видом. Их глаза встречаются, и тут же что-то ломается, что-то гаснет навсегда. Навсегда обрезана пуповина, и оба

они рыдают, глядя друг на друга. Потом он удаляется, а она, не сказав ни слова, остается в постели, сжигая себя, как закуренную сигарету. Сгорая от любви к нему, от ненависти к самой себе, к другому, к самой ситуации. Стэп медленно направляется к двери и останавливается. На лестничной площадке возле лифта стоит доставщик, вперившись взглядом в пакет с сэндвичами. Вдруг на его плечи опустились руки. «Послушай...» Это тот парень. Что он хочет сказать? Все равно ничего не докажет. Стэп смеется. Парень не понимает. Удивленно смотрит на Стэпа. И Стэп бьет его по морде. Тут слова Баттисти, безвинно виновного в этом открытии, они эхом разносятся по площадке и доходят до Стэпа. «Прости меня, если сможешь, и вы, синьор, простите». Это за что же я должен извиняться?

Джованни Амброзини прижимает руки к лицу, сквозь них сочится кровь. Стэп хватает его за рубашку и с треском ткани выкидывает из этого притона незаконной любви.

Бьет его несколько раз по лицу. Мужчина пытается убежать. Слетает вниз по ступенькам. Стэп тут же его настигает. От выверенного пинка Джованни Амброзини спотыкается и катится по лестнице. Как только он останавливается, Стэп прыгает на него сверху. Колотит его по спине, по ногам, тот пытается схватиться за перила, чтоб подняться и убежать. Стэп собирается его искалечить. Тянет за волосы, пытаясь добиться мольбы о прощении. Но почуяв, что его схватили за волосы, Джованни Амброзини вцепляется в железные перекладины и вопит как оглашенный. Двери квартир распахиваются. Стэп бьет его по рукам до крови. Но Джованни Амброзини все так же цепляется за перила, он знает, что в этом его спасение. И тогда Стэп... Замахнулся ногой и пнул его как следует в затылок. Точный, жестокий удар. Лицо Амброзини впечаталось в перила. С глухим стуком. Хрустнули и сломались скулы. Хлынула кровь. Челюсти сломаны. На мраморный пол, подсакивая, вылетел зуб. Перила затряслись, звук разнесся вниз по лестнице вместе с последним криком Амброзини. Потом тот потерял сознание. Стэп сбежал по лестнице сквозь строй любопытных лиц жильцов, расталкивая вялые тела, что безуспешно пытались его задержать. Он бродил по городу. Домой не вернулся. Ночевать пошел к Полло. Тот ни о чем не спрашивал. К счастью, его отец куда-то ушел, так что они могли спать в одной кровати. Полло слышал, как Стэп метался, страдая даже во сне. Но наутро сделал вид, что ничего такого не было, несмотря даже на то, что одна подушка была мокра от слез. Они позавтракали, улыбаясь, болтая о пустяках, выкурили одну сигарету на двоих. Затем Стэп пошел в школу и даже ухитрился получить на химии шесть баллов. Но с того дня жизнь его изменилась. Никто не знал почему,

но это ему было все равно.

Что-то злое затаилось в его душе. Зверь, злобное животное завело себе логово в его сердце, в любой момент оно готово вырваться и наброситься с яростью, со злобой – дитя страдания и поруганной любви. С того дня жить дома стало невыносимо. Молчание и ускользающие взгляды. Ни единой улыбки, особенно той, которую он так любил. И потом – суд. Приговор. Мать не защитила его. Отец наорал. Брат не понял. И никто ничего не знал. Кроме них двоих. Невольные стражи горькой тайны. В том же году родители развелись. Стэп ушел жить к Паоло. В первый же день, как он вошел в новый дом, он выглянул из окна своей комнаты. Там мирно расстился газон. Он начал разбирать вещи. Вынул из сумки несколько свитеров и сунул их вглубь шкафа. Затем взял олимпийку. Пока вытаскивал, она развернулась в его руках. На секунду ему показалось, что мать снова рядом. Он вспомнил, как мать отдала ему ее, в тот день, когда они бежали по тенистому бульвару. Как он нарочно бежал медленнее, чтобы быть с нею рядом. А теперь он тут, в этом доме, так далеко от нее, во всех смыслах. Стэп прижал олимпийку к лицу. Уловил ее аромат и заплакал.

Снова настоящее. Ночь.

Мотоцикл спокойно едет у самой кромки воды. О берег тихо бьются невысокие волны. Накатывают и откатываются, как мерное дыхание глубокого, темного моря, что смотрит издали. Пляж затерялся среди темных пятен гор. Стэп гасит фары. Они едут дальше в темноте, по мягкому мокрому ковру песка. На полпути до Фенильи они останавливаются. Идут рядом, совсем одни, замороженные покоем. Баби идет у линии прибоя. Окаймленные серебром волны разбиваются и омывают ее синие кроссовки All Star. Волна шаловливее других пытается ее замочить. Баби резво отскакивает в сторону. И попадает прямо в объятия Стэпа. Его сильные руки уверенно обнимают ее. Она не противится. В ночном свете видна ее улыбка. Она не сводит с него полных любви голубых глаз. Он привлекает ее к себе и медленно, нежно обнимая, целует. Мягкие, теплые губы, свежие и чуть соленые, обласканные морским ветром. Стэп запускает руку ей в волосы. Отводит их назад, открыв лицо. На щеке, отливающей серебром, маленьком отражении луны в небесах, ямочка от улыбки. Еще поцелуй. Облака медленно плывут в темно-синем ночном небе. Стэп и Баби уже обнимаются, упав на холодный песок. Руки в песчинках упоенно скользят по телу.

Еще поцелуй. Затем Баби приподнимается на руках. Смотрит на него, лежащего под ней.

Темная, гладкая и нежная кожа. Коротким волосам не страшен песок. Кажется, он слился с этим пляжем – вот так, лежа, раскинув руки, властитель песка, властитель всего на свете. Стэп, улыбнувшись, привлекает ее к себе, он и ее властитель, и встречает ее долгим, глубоким поцелуем. Он крепко держит ее, впитывая нежный вкус ее губ. А она позволяет ему все, захваченная этой силой. И вдруг понимает, что никто никогда не целовал ее по-настоящему.

– О чем ты думаешь?

Баби поворачивается к нему, глядя искоса.

– Так и знала, что спросишь, – она снова кладет голову ему на грудь. – Видишь дом, вон там, на скалах?

Стэп смотрит туда, куда указывает ее рука. Прежде чем углубиться взглядом вдаль, останавливается на ее пальчике, и даже тот кажется ему чудесным. Он улыбается – он теперь единственный властитель ее дум.

– Да, вижу.

– Это моя мечта! Я так хочу жить в этом доме! Оттуда открывается такой вид! Окна выходят на море. Глядеть, обнявшись, на закат из гостиной.

Стэп снова притягивает ее к себе. Баби еще мгновение мечтательно смотрит вдаль. Он прижимается щекой к ее щеке. Она шаловливо пытается отпихнуть его, сделав вид, что хочет убежать. Стэп берет в руки ее лицо, и она, как жемчужина в створках этой живой раковины, улыбается.

– Хочешь искупаться?

– Ты шутишь? Такой холод... И купальника у меня нет.

– Да ладно, совсем не холодно, а рыбке купальник ни к чему...

Баби зло морщится и обеими руками отталкивает его.

– Кстати, а ты ведь рассказал Полло, что было вчера вечером?

Стэп поднимается и пытается ее обнять.

– Ты чего?

– А как же тогда Паллина узнала? Ты рассказал все Полло!

– Клянусь тебе, что я ему ничего не рассказывал. Может, я во сне разговаривал...

– Во сне разговаривал – подумать только! И вообще, я уже сказала, что не верю твоим клятвам.

– Но я правда иногда говорю во сне. Скоро ты сама об этом узнаешь.

Стэп идет к мотоциклу, довольно оглядываясь.

– Я об этом узнаю? Ты что, шутишь?

Баби встревожена. Стэп смеется. Его фраза принесла свои плоды.

– А что, разве мы сегодня не вместе заночуем? До рассвета всего несколько часов.

Баби испуганно глядит на часы.

– Половина третьего. Черт, если предки вернулись, меня убьют. Мне надо скорей домой.

– Так ты не будешь ночевать у меня?

– Ты с ума сошел? Или еще не понял, что за люди мои предки? И вообще, много ты видел рыбок, которые спят с кем-то?

Стэп заводит мотоцикл, удерживая тормоз, пока жмет на газ. Мотоцикл послушно разворачивается и оказывается прямо перед Баби. Она садится. Стэп включает первую скорость. Они уносятся, все быстрее и быстрее, оставляя за собой четкую полосу от шин. Дальше, на песке, примятом от невинных поцелуев и объятий, нарисовано сердечко. Его втихомолку нарисовала Баби, тем самым пальчиком, что так восхитил Стэпа. Волна коварно размывает его края. Но при наличии воображения

можно прочесть буквы «С» и «Б». Собака лает на луну. Мотоцикл уносит влюбленных, исчезая в ночи. Другая волна совсем стирает сердечко. Но ничто уже не сотрет этих минут из их памяти.

Перед «Стекляшкой» посреди пустынной улицы одиноко стоит ее Vespa. Баби соскакивает с мотоцикла, снимает замок с переднего колеса и заводится. Садится в седло и снимает мотороллер с вилки. И только теперь вспоминает о Стэпе.

– Пока, – нежно улыбается она.

Он подходит к ней.

– Я провожу тебя до дома.

Приехав на корсо Франча, Стэп подъезжает к Vespa и упирает правую ногу куда-то над фарой, в маленькую табличку.

Жмет на газ. Vespa увеличивает скорость. Баби пораженно глядит на него:

– Мне страшно.

– Держи руль прямо...

Баби снова смотрит вперед, держась прямо и следя за рукоятками. Паллинина Vespa быстрее, чем ее собственная, но до такого она еще не доходила. Они пролетают корсо Франча и поднимаются по виа Джачини до площади. Стэп последний раз толкает ее – к самому дому. И отпускает. Постепенно Vespa теряет скорость. Баби тормозит и поворачивается к нему. Он выпрямился на мотоцикле в нескольких шагах от нее. Стэп смотрит на нее еще секунду. Потом улыбается, включает первую и уезжает. Она провожает его взглядом, пока он не скрывается за поворотом. Слышно, как он разгоняется, быстро переключает передачи, как рычит на полной скорости глушитель. Баби ждет, пока сонный Фьоре поднимет шлагбаум. Бежит по дорожке к дому. За углом ее поджидает печальный сюрприз. В доме горит свет, а мать высовывается из окна спальни.

– Вон она, Клаудио!

Баби от отчаяния улыбается. Но напрасно. Мать захлопывает окно. Баби ставит Vespa в гараж, едва протиснувшись между стеной и Mercedes. Опуская створку, думает об утренней пощечине. Бессознательно подносит руку к щеке. Пытается вспомнить, насколько это больно. Но это ее больше не волнует. Скоро она и так узнает. Медленно поднимается по лестнице, всячески оттягивая неизбежную встречу. Дверь открыта. Она покорно идет на эшафот. Ее приговорили к гильотине, на помилование нет надежды, ей, современному Робеспьеру в комбинезоне, отрубят голову. Она закрывает дверь. И тут же получает пощечину.

– Ай! – по той же щеке, думает она, потирая больное место.

– Иди спать. Поговорим завтра. Не нравишься ты мне, дочка!

Двери спальни закрываются. Успокоившись, Клаудио и Раффаэлла обсуждают, что же стало с их девочкой, такой спокойной и тихой раньше? Почему она бунтует, ее просто не узнать. Возвращается среди ночи, участвует в гонках на мотоциклах, ее фотография во всех газетах. Что же случилось? Что произошло с малышкой?

В комнате рядом Баби раздевается и ныряет в постель. Подушка приятно холодит покрасневшую щеку. Она лежит и мечтает. Ей все еще чудится шум прибоя, ветер, ласкающий волосы, и поцелуй, сильный и в то же время нежный. Она поворачивается в кровати. Обнимает подушку и засыпает, думая о нем. Улыбается, нащупав на простыне песчинки. В темной комнате рождается ответ, что так безуспешно искали ее родители. Вот что произошло с малышкой. Она влюбилась.

Стэп недавно встал. Он залез под душ, предается водному массажу. Упирается руками в мокрую стену и, пока вода барабанит ему по спине, растягивается, чередуя ноги: сначала на правой, потом на левой. Вода скользит по лицу, а он вспоминает голубые глаза Баби. Такие чистые, огромные, глубокие. Улыбнувшись, закрыв глаза, он видит ее как живую. Вот она стоит перед ним, чистая, безмятежная, нос прямой, волосы разметались по ветру. Решительный взгляд показывает силу характера. Вытираясь, он размышляет о том, что они сказали друг другу, о том, что он ей рассказал. Она вся обратилась в слух, молчаливо внимая его старой боли, его ненавистной любви, его печали. Не сошел ли он с ума? А, ладно, пускай. Он завтракает в мыслях о семье Баби. О сестре. Об отце с довольно располагающей внешностью. О матери с суровым и решительным характером, так похожей на Баби, но несколько потускневшей с годами. Неужели когда-нибудь и Баби станет такой? Иногда в матерях видно будущее дочерей, с которыми мы развлекаемся. Вспоминается фраза: «Дочь красива, мать красивее». Улыбаясь, допивает кофе. В дверь звонят. Мария отпирает. Это Полло. Он швыряет на стол дежурный пакет бутербродов с лососем.

– Ну и? Что там у вас было? Ты ее трахнул? Убиться можно! Такая стерва – и не удрала от тебя? Не верю. И куда вы вообще делись? Я вас везде искал. Ты еще не видел Мадду? Она злобствует! Поймает – убьет.

С лица Стэпа сползает улыбка. О Маддалене-то он и не подумал. Он вообще ни о чем не думал тогда. Да и сегодня не хочется. В конце концов, они друг другу ничего не обещали.

– На! – Полло вытаскивает из кармана скомканный листочек бумаги и швыряет его Стэпу. – Это ее номер телефона. Я еще вчера выудил его у Паллины. Как знал, что ты попросишь.

Стэп сует листочек в карман и уходит. Полло за ним.

– Стэп, мать твою, ты скажешь что-нибудь или нет? Отодрал ты ее?

– Полло, не задавай мне таких вопросов. Я джентльмен.

Полло валится на кровать, согнувшись пополам от смеха.

– Джентльмен... Ой, блин, уморил! Еще чего отмочишь? Джентльмен хренов...

Стэп, глядя на него, качает головой, надевает джинсы и вдруг тоже начинает смеяться. Сколько раз он не был джентльменом! На минуту ему

даже нравится, что у него есть что рассказать другу.

День тянется медленно у обоих, хотя они об этом не знают.

Баби пытается учиться. Листает дневник, крутит ручку настройки радио, открывает и закрывает холодильник, пытаясь устоять перед соблазном нарушить диету. Наконец садится к телевизору, смотрит какую-то дурацкую детскую программу и ест Danon с шоколадом, от которого ей потом станет еще хуже. «Интересно, есть у него номер моего мобильного? Вроде, он не просил. Надеюсь, что хоть домашний у него есть». Она несется отвечать на каждый звонок. Но это все подруги матери. Андреа Паломби звонил сестре трижды. Баби завидует. Снова звонок. Сердце уходит в пятки. Она бежит по коридору, а вдруг это Стэп! Но это снова Паломби, уже в четвертый раз. Она подзывает Даниелу, умоляя: только недолго. «Нет в мире справедливости. Даниеле позвонили целых четыре раза, а мне ни разу». Потом она нашла в этом кое-что хорошее. Если так бегать, можно сбросить половину набранных калорий.

Стэп обедает дома с Полло. Тот опустошил полхолодильника. Он очень ценит стряпню Марии. Та страшно рада видеть, как испеченный ею торт с яблоками исчезает в пасти юного гостя. Стэп более умерен, поскольку ему придется выдержать причитания Паоло, когда тот вернется.

Идет дождь. Баби и Даниела сидят на диване рядом с родителями. Смотрят забавный, на первый взгляд, семейный фильм. В воздухе ощущается напряжение.

Звонок. Даниела хватается трубку с подушки.

– Алло? – она удивленно смотрит на Баби. Не верит своим ушам. – Сейчас передам трубку.

Баби спокойно поворачивается к сестре.

– Это тебя.

Бросив лишь один взгляд на лицо сестры, она все поняла. Это он.

Даниела передает ей трубку, пытаясь скрыть от родителей удивление. Баби берет ее нежно, почти робко, боясь коснуться, сжать – а вдруг от случайного вздоха разъединится и он навсегда исчезнет? Подносит трубку к лицу – щеки покраснели, губы дрожат от такого простого слова – «Да...»

– Привет, как ты?

Теплый голос Стэпа проникает ей прямо в сердце. Баби испуганно озирается, беспокоясь, как бы кто не заметил ее состояния, ее бешено

колотящегося сердца, ее счастья, которое она отчаянно пытается скрыть.

- Нормально, а у тебя?
- Нормально. Тебе удобно говорить?
- Подожди минутку, ничего не слышно.

Она встает с дивана и уходит вместе с телефоном в развевающимся халате. Неизвестно почему, но при родителях не все телефоны работают. Мать глядит ей вслед и озабоченно поворачивается к Даниеле.

- Кто это?
- Малыш Бранделли, один из ее ухажеров, – живо отвечает Даниела.

Раффаэлла еще секунду глядит на нее и успокаивается. Смотрит фильм дальше. Даниела, едва заметно вздохнув, тоже поворачивается к телевизору. Пронесло. Если бы мать посмотрела на нее еще секунду, то все бы рухнуло. Ее взгляд трудно выдержать, кажется, что она видит тебя насквозь. Даниела поздравляет себя с идеей насчет Бранделли. Наконец и он где-то пригодился.

В комнате Баби погашен свет. Она стоит у залитого дождем окна с телефонной трубкой в руке.

- Алло, Стэп, это ты?
- А кого ты хочешь?
- Баби смеется:
- Ты где?
- Под дождем. Приехать к тебе?
- Не надо. Предки дома.
- Тогда приезжай ты.

– Я не могу. Меня наказали. Вчера застукали, когда вернулась. Они ждали меня у окна.

Стэп смеется и выбрасывает сигарету. Какие у тебя планы на завтра?

- Школа, потом уроки и домашний арест.
- Хочешь, я приеду к тебе?
- Не самая лучшая идея.
- А я оденусь поприличнее...

– Да не поэтому, – смеется Баби. – Я вообще говорю. А во сколько ты завтра встанешь?

– Ну... в десять или в одиннадцать. Это если Полло разбудит.

Баби качает головой:

- А если он не придет?
- Ну тогда в двенадцать или в час.
- Ты сможешь забрать меня из школы?
- В час? Наверное, да.

– Я имею в виду, перед уроками.

Он молчит.

– А во сколько это?

– Десять минут девятого.

– Ну почему уроки начинаются в такую рань? И что мы будем делать?

– Ну не знаю... Сбежим!

Баби не верит собственным ушам. Сбежать? Она, должно быть, сошла с ума.

– Ну ладно, побезумствуем немного. В восемь у входа в школу. Надеюсь, что проснусь.

– Трудно будет?

– Вообще да.

Секунду они молчат, не зная, что сказать, не зная, как попрощаться.

– Ну тогда пока.

Стэп выглядывает на улицу. Дождь кончился. По небу несутся облака. Он счастлив. Смотрит на телефон. На другом конце – она.

– Пока, Баби.

Отсоединяются. Стэп смотрит вверх. В небе появились первые робкие, умытые дождем звезды. Завтра будет чудесный день. И он проведет утро с ней.

Десять минут девятого. Он сошел с ума, не иначе. Когда же он последний раз вставал в такую рань? Он не помнит. Улыбается. Три дня назад он в это время еще только вернулся домой.

В неосвещенной комнате, с телефоном в руке Баби не отрывает взгляда от стекла. Представляет себе, как он стоит на улице. Там, наверное, холодно. Она вздрагивает. Возвращается в гостиную. Отдает телефон сестре и садится с ней рядом на диван. Даниела незаметно изучает ее лицо. У нее куча вопросов. Но придется ограничиться зрелищем счастливых глаз. Баби смотрит телевизор. На мгновение старый черно-белый фильм кажется ей цветным. Завтра она впервые в жизни прогуляет школу.

Баби и Даниела вылезают из Mercedes. Клаудио смотрит, как девочки направляются к школе. Прощаются, и он уезжает. Баби пробегает еще пару ступенек. Оборачивается. Mercedes уже далеко. Она быстро спускается, и тут навстречу ей – Паллина.

– Привет, куда это ты?

– Уезжаю, со Стэпом.

– Да ты что? И куда?

– Не знаю. Гулять. Для начала позавтракать. Сегодня утром мне от волнения кусок в горло не лез. А там видно будет. Я в первый раз прогуливаю уроки.

– Да уж, в первый раз и я волновалась. Но зато теперь я подделываю мамину подпись лучше, чем она сама подписывает!

Баби смеется. На тротуаре с ревом тормозит мотоцикл Стэпа.

– Поехали?

Взволнованная Баби торопливо целует на прощание Паллину и садится позади Стэпа. Сердце у нее вот-вот разорвется от счастья.

– Пожалуйста, Паллина... Постарайся не схватить плохих оценок и запиши всех, кого спросят.

– Хорошо, умница моя!

– Опять?! Ну ты даешь. И держи язык за зубами, ладно?

Паллина кивает. Баби обеспокоенно оглядывается: не видел ли их кто. Затем крепко обнимает Стэпа. Ну, теперь все. Мотоцикл срывается с места унося их от школы, от тоскливых уроков, от Джаччи, от контрольных и от звонка, который временами не звонит целую вечность.

Паллина с завистью смотрит вслед подруге. Она счастлива за нее. Болтая, поднимается по ступенькам, не заметив, что за ней наблюдают. Выше – чья-то рука, сморщенная от ненависти и от возраста, украшенная старинным кольцом с фиолетовым камнем, опускает занавеску. Кое-кто видел всё.

Они уходят от шума проснувшегося города, губы их омочены в горьком кофе, на языке еще спит сладость кекса со сливками. И естественное продолжение кафе «Евклид» – здесь, на Фламинии, вдалеке и втайне от всех, там, где никто тебя не встретит. Они идут к башне. На Фламинии им светит солнце, вокруг простираются широкие, подернутые

зеленым луга, их нежно обнимает более темная кайма леса. Сходят с дороги. Мотоцикл приминает золотистые колосья, тут же бесстрашно распрямляющиеся. Мотоцикл останавливается перед холмом, неподалеку от башни. Ниже справа ленивая собака дремлет, сторожа несколько стриженных овец. Пастух в джинсах слушает краденую автомагнитоу и курит косяк. Они располагаются чуть дальше. Одни. Баби раскрывает сумку. Вытаскивает огромный британский флаг.

– Я купила его на Портобелло, когда была в Лондоне. Помоги расстелить. А ты там был?

– Нет, ни разу. Там красиво?

– Очень. Мне ужасно понравилось. Я была месяц в Брайтоне и несколько дней в Лондоне. Ездила от ЕФ.

Они растягиваются на флаге, греясь на солнышке. Стэп слушает, как Баби рассказывает о поездке в Лондон и еще о какой-то поездке. Она где только не была – и все помнит. Но ему не очень интересны эти истории, к тому же он не привык вставать так равно – и он засыпает.

Открыв глаза, он видит, что Баби рядом нет. Всккивает, оглядываясь в испуге. И находит ее. Чуть ниже на холме. Ее нежные плечи. Сидит среди пшеницы. Зовет ее. Она не отзывается. Когда он подходит, становится ясно, почему. Она слушает плеер. Баби поворачивается к нему. Взгляд не сулит ничего хорошего. И смотрит дальше на необъятные луга. Стэп садится рядом. Недолго молчит. Баби не выдерживает первая и снимает наушники:

– Как ты можешь спать, когда я с тобой разговариваю! – она всерьез рассержена. – Значит, ты меня не уважаешь?

– Ну не сердись. Это значит, что я просто не выспался.

Она фыркает и отворачивается. Стэп не может не заметить, как она красива. А когда сердится – еще красивее. Она вскидывает голову, и все в ней недовольно – лоб, нос, подбородок. На волосах играют солнечные блики, локоны, кажется, источают запах пшеницы. Это красота заброшенного пляжа, дикого моря, окаймленного дикими берегами. Волосы, подобно вспененным волнам, обрамляют лицо, дерзко касаются его, а она их не убирает.

Стэп наклоняется и одной рукой сгребает эту хрупкую красоту. Баби пытается вырваться:

– Пусти меня!

– Не могу. Это сильнее меня. Хочу тебя поцеловать.

– Сказала же – пусти. Я обиделась.

Стэп наклоняется к ее губам.

– Ты мне потом все расскажешь, обязательно. Про Англию, про

Лондон, про твои путешествия, про все, что захочешь.

– Раньше надо было слушать!

Стэп, улучив момент, целует ее, накрыв не ожидавшие натиска сомкнутые губы. Но Баби успевает откликнуться, протестующе сжав рот. Осторожная борьба. Наконец она сдается и отвечает на поцелуй.

– Ты бессердечный хам.

Она шепчет эти слова прямо в губы.

– Да. – Ответ смешивается с поцелуем.

– Мне не нравится, когда ты такой.

– Я больше не буду, обещаю.

– Да не верю я твоим обещаниям...

– Я клянусь...

– А я и клятвам не верю...

– Я клянусь тобой.

Баби ткнула его кулаком. Он и опомниться не успел. Обнимает ее и погружается в мягкие колосья. Солнце в ярко-голубом небе – единственный молчаливый наблюдатель. Чуть дальше – брошенный британский флаг. И две юных красоты рядом. Стэп играет пуговицами на ее рубашке. На секунду робко останавливается. Но нет, глаза спокойно закрыты. Расстегивает одну пуговку, другую, нежно, осторожно, как будто прикосновение поглубже развеет очарование этой минуты. Его рука скользит вдоль бока, по теплой мягкой коже. Ласкает ее. Баби не противится, целует его и обнимает крепче. Стэп, закрыв глаза, вдыхает ее аромат. Впервые в жизни все так по-другому. Он не спешит, он тих. В душе – странный покой. Ладонь скользит вдоль спины вниз, вдоль ложбинки, до края юбки. Легкий подъем, начало сладостного предвкушения. Он останавливается. Два углубления рядом заставляют его улыбнуться, как и ее более страстный поцелуй. Ласкает ее дальше. Двигается вверх. Останавливается на застежке, чтобы раскрыть наконец тайну, и не только ее. Что там: два крючка? Два маленьких защелкивающихся полумесяца? Застежка в форме буквы «S», продевающаяся сверху? Он замешкался. Она глядит с любопытством. Стэп потихоньку раздражается: «Черт возьми, да как же он расстегивается?!»

И тут тайна раскрывается. Полумесяцы разлетаются в стороны. Рука Стэпа блуждает по всей спине, до самой шеи, не встречая препятствий.

– Извини...

Стэп не верит собственным ушам. Он попросил у нее прощения. Прощения. Даже слово слышится по-новому. Он – и извиняется. Потом, не в силах об этом думать, он, как околдованный, отвлекается от нового

завоевания. Он ласкает ей грудь, покрывает поцелуями шею, гладит другую грудь и запечатлевает на ней хрупкий след желания и страсти. Медленно скользит вниз, по гладкому животу, к поясу юбки. Она рукой останавливает его. Стэп открывает глаза. Баби мотает головой.

– Не надо.

– Что – не надо?

– Это – не надо, – улыбается она.

– Почему? – а он вовсе не улыбается.

– Потому что не надо.

– Почему не надо?

– Потому что не надо, и все!

– Но есть же какая-то причина, ну там... – Стэп намекает улыбкой.

– Идиот, нет никакой причины. Просто я не хочу. Когда будешь ругаться поменьше, тогда посмотрим...

Стэп поворачивается на бок и начинает отжиматься. Одно за другим, все быстрее, не останавливаясь.

– Не верю, скажите мне, что я сплю. Я ее нашел! – говорит он с улыбкой между отжиманиями, слегка запыхавшись.

Баби застегивает бюстгальтер и рубашку.

– Что ты нашел? И перестань отжиматься, когда я с тобой разговариваю.

Стэп еще пару раз отжимается на одной руке, ложится на бок, опирается на локоть и весело смотрит на нее.

– Ты еще ни с кем не была.

– Если ты имеешь в виду, что я девственница, то это так и есть.

Эти слова даются ей нелегко. Она поднимается. Отряхивает юбку. Смятые колоски падают наземь.

– А теперь отвези меня в школу!

– Что такое, ты рассердилась?

Стэп заключает ее в объятия.

– Да. Умеешь же ты разозлить. Я не привыкла, чтобы со мной так обращались. Пусти меня.

Высвобождается из его объятий и быстро идет к флагу. Стэп следует за ней.

– Ну, Баби, я не хотел тебя обидеть. Прости меня.

– Я не слышу.

– Нет, ты слышишь.

– Нет, повтори.

Стэп устало оглядывается. Затем смотрит ей в глаза.

– Прости меня. Пожалуйста. Ты же видишь, я счастлив, что у тебя до меня никого не было.

Баби наклоняется подобрать флаг и начинает его складывать.

– Да? Это почему же?

– Ну, потому что... Потому что. Я счастлив, все тут.

– А почему ты думаешь, что все-таки станешь первым?

– Я же попросил прощения. Хватит, проехали. Как же ты любишь цепляться к словам.

– Ты прав. Мир.

Баби передает ему край флага.

– Держи, помоги сложить.

Они расходятся, растягивают полотнище и снова сходятся. Баби берет из его рук другой край флага и целует Стэпа. «Этот довод меня раздражает».

Молча они возвращаются к мотоциклу. Баби садится сзади. Они уезжают от холма, оставляя за спиной поломанные колоски и неоконченный разговор. Первый раз они проводят день вместе, а Стэп уже дважды извинился перед нею. В общем, все ясно...

Первая «а» слишком круглая, у второй слишком длинный хвостик, а у последней – слишком маленький. И вся подпись чересчур узкая какая-то. Баби снова пробует подделать подпись матери. Уже извела несколько листов из тетради по математике.

– Дани, как ты думаешь, это похоже на мамину подпись?

Даниела изучает последнюю надпись. На минуту задумывается.

– Фамилию мама пишет длиннее. Нет, не знаю. Что-то тут не так. А, вот. «Д» слишком вытянутая, вот этот полукруг у тебя получился маленьким. Мама, когда подписывает фамилию, начинает с такой толстой «Д». Вот, смотри.

Даниела открывает свой дневник и показывает сестре настоящую подпись.

– Видишь?

Баби смотрит, сравнивает ее со своими.

– По-моему, они одинаковые. Это потому, что ты знаешь, что подпись фальшивая.

И, успокоенная, уходит в свою комнату.

– Делай как знаешь. А по-моему, «д» слишком маленькая. И зачем спрашивать, если все равно сделаешь потом по-своему?

Баби открывает дневник на странице с освобождениями от уроков. В графе «причины отсутствия» пишет: «по здоровью», в широком смысле слова это правда. Ей было очень плохо от самой мысли, что она не уедет со Стэпом. А теперь надо подписать. Она становится серьезной. Пробует еще раз на другом листочке. Под десятком других «Раффаэлла Джервази». Получается неплохо. Можно подделывать и подпись на чеках и купить себе SH 50. Но это уж слишком. Вообще-то деньги ей не нужны, ей нужна только подпись под освобождением. Она берет ручку и приступает. Выводит «Р» и движется дальше, аккуратно, очень правдоподобно до последней «и». И, еще дрожа от напряжения, устав от подделывания, от необходимости писать точно тем же почерком, что и мать, изучает написанное. Вышло еще лучше. Невероятно. Только, может быть, фамилия написана немного дрожащей рукой. Она сравнивает ее с другими подписями в дневнике. Значительной разницы нет. Ни одной неточности. И есть еще кое-что в ее пользу. Первый урок будет вести учительница математики, Бои. Толстые очки, широкое добродушное лицо. Даже в тот

раз, когда она потеряла контрольные и извинялась перед классом, и просила никому ничего не говорить.

Позже, когда родители ушли, за ней приехал Стэп. Там уже ждет вся компания: Скелло, Луконе, Дарио с Глорией, Сицилиец, Хук, Полло с Паллиной и еще ребята на Golf и пара девушек. Едут к Прима Порта, потом сворачивают направо к Фиано. Пока ехали, Баби ужасно замерзла. Место это называется «Колоннелло» и находится где-то очень далеко. Баби не понимает: почему они решили поесть именно тут? Два больших зала с печкой прямо в зале и самыми обычными столами. Может, тут просто дешево? Молодой официант подходит принять заказы. Их пятнадцать человек, и все то и дело передумывают, что заказать. Все, кроме нее: она-то сразу выбрала себе салат с капелькой масла. Официант, бедняга, вот-вот разорвется. Он повторяет заказ на первые блюда, переходит ко вторым, но уже на гарнирах кто-нибудь решает заново.

– Эй, шеф, две паппарделле со свининой.

– И мне, – добавляет другой и за ним еще один.

Затем еще двое решают взять поленту или спагетти карбонара. «В жизни не видела такой нерешительной компании», – думает Баби. И плюс ко всему Полло, желая помочь, повторяет все заказы, создавая тем самым еще больше неразберихи. В конце концов все весело смеются. Это, оказывается, игра такая. Бедняга-официант удаляется в полном замешательстве. Одно точно: надо принести четырнадцать средних бокалов светлого пива и одну... что же заказала эта красивая голубоглазая блондинка? Он заглядывает в исчерканный блокнотик и, припомнив, что надо принести диетическую колу, уходит на кухню.

Ужин проходит при полной неразберихе. Как только приносят блюдо – ветчину ли, грибки ли с чесночными гренками, – на них бросаются, как в голодный год, и через секунду все исчезает.

Чересчур накрашенные девушки весело смеются. Баби в поиске сочувствия ищет взгляд Паллины. Но и та полностью на стороне компании. Приносят салат с маслом для нее. Да уж, невеселый вышел ужин.

Приходит черед Сицилийца рассказывать. Это печальная история о каком-то Франческо Костанци, который решил, на свою беду, поприставать к его бывшей бабе. Даже не просто баба, а его бывшая, думает Баби. Бред какой-то.

– Знаете, что я сделал? – Сицилиец отпивает пива. – Поехали с Хуком к Марине, она как раз была одна дома.

С другой стороны стола Хук – с повязкой на глазах – смеется. Он в центре внимания, по заслугам получает свой кусочек славы. Сицилиец продолжает.

– Я прошу ее позвонить этому придурку Костанци. Она звонит, зовет его и спрашивает, не зайдет ли он к ней. И знаете, что сделал этот говнюк?

Баби ошарашенно оглядывает компанию. Кажется, они и вправду не знают. Ну что же, она рискнет.

– Он пришел.

Сицилиец поворачивается к ней. Он явно раздосадован.

– Молодец. Именно так. И этот говнюк – пришел!

Она улыбается. Затем, устало взглянув на Стэпа, разводит руками. Сицилиец, не заметив этого, упоенно продолжает рассказ.

– И тут начинается самое интересное. Он пришел, поднимается к ней... и как только вошел, мы с Хуком прыгнули на него и повалили. Да погодите вы смеяться! Мы его раздели и привязали к стулу. Ну и рожа у него была, это надо просто видеть. Голый как червяк. Потом я взял кухонный нож и прижал ему промеж ног. Он как заорет! Хук говорит, оттого, что нож был холодный. Тут входит Марина. Мы ей сказали одеться во все прозрачное. Включили музыку, и она начала показывать стриптиз. Я этому говнюку говорю: если увижу, что тебе нравится и аппарат хоть раз шевельнется, – я тебе его отрежу. Марина уже в лифчике и трусиках, а он не пошевелился даже. Нет, вы понимаете – лежит, как мертвый!

Все ржут как ненормальные. Девушка в конце стола чуть не подавилась. Даже Стэпу, кажется, весело. Баби не верит своим ушам.

– Тихо, тихо, – говорит Сицилиец. – И тут мы слышим у дверей какой-то шум. А вдруг это предки Марины? Мы-то с Хуком смылись и оставили им голого парня на стуле и почти раздетую Марину. Просто сдохнуть можно, прикинь? Это надо было видеть.

– А что сделали с тем говнюком?

Баби смотрит на Паллину. И она смеет задавать такие вопросы?

– Понятия не имею. Мы сбежали. Зато я знаю, что теперь он снова мутит с одной там... и у него крупные проблемы с этим делом. После нашего прикола он, наверное, как увидит раздевающуюся девку, так у него все падает.

Апофеоз. Все ржут. Никто не понял, как и почему это случилось. Вверх взлетает кусок хлеба. И тут же за ним – настоящий ливень из объедков, бой на кусках мяса, картошки, опивках пива. Летит все. Девушки поспешно покидают огневые позиции. Парни кидаются дальше, злобно, с силой, наплевав на соседние столы, на то, что огрызки летят в других

посетителей. Несчастный официант пытается их утихомирить. В лицо ему прилетает кусок домашнего хлеба в масле. Это что-то вроде овации. С официантом еще не случилось ничего подобного. Приходит время рассчитаться. Полло вызывается собрать деньги. Стэп берет Баби под руку и выводит из ресторана. Один за другим выходят и остальные.

Баби вынимает кошелек.

– Сколько с меня?

Стэп улыбается:

– Шутишь? Не надо ничего.

– Спасибо.

– Не благодари меня. Залезай.

Стэп заводит мотоцикл. Баби садится сзади.

– А кого же мне благодарить? Вон, Полло деньги собирает.

– Да нет, это просто такая условность.

Тут выбегает Полло и запрыгивает на свой мотоцикл:

– Уходим!

Все срываются с места. Мотоциклы летят по дороге, погасив фары. Из ресторана выбегает официант с кем-то еще. Кричат им вслед, безуспешно пытаясь прочесть номера.

Рев мотоциклов разносится по переулочкам Фиано. Один за другим, свернув на полной скорости, вырываются к предместьям, пересекая улочки, крича, смеясь, гудя клаксонами. Вылетают на Тиберина, охваченные ночным холодом и влажной зеленью леса. И только тут зажигаются фары.

Мотоцикл Полло подъезжает к Стэпу.

– Неплохо мы пожрали в этом «Колоннелло».

– Прямо даже хорошо.

– Сорок евро с носа.

Полло жмет на газ и, развязно хохоча, уносится вместе с Паллиной. Баби подается вперед.

– Ты хочешь сказать, что мы не заплатили?

– Ну да, а что такого?

– Что такого? Но тебя же заметут! Вдруг они заметили чей-то номер!

– У нас же фары были выключены. Ничего они не видели. Мы так всегда делаем, и ничего еще не случилось. Не каркай.

– Я не каркаю. Я пытаюсь заставить тебя подумать. Даже если очень трудно. Ты не подумал о тех, кто работает в ресторане? Они потеют целый день у печей, накрывают для тебя на стол, готовят еду, убирают, моют – а ты на них плевать хотел.

– Почему сразу плевать? Я же сказал, что мне дико нравится обедать в

таких местах!

Баби умолкает. Бесполезно. Она отодвигается от него. Вздрагивает от ночного ветра и лесной сырости. Но не от них одних. От того, что он не понимает и никогда не поймет. Она смотрит вверх. Ночь ясная. Вдалеке мерцают звезды. Прозрачные облачка скользят по луне. Все прекрасно, только вот...

– Эй, Стэп! – рядом. Хук. – Ставишь полета евро на то, кто доедет до центра на одном колесе?

Стэпу не надо повторять дважды.

– Ставлю, – притормаживает и жмет на газ. Мотоцикл встает на дыбы. Баби едва успела удержаться.

– Стэп! Стэп! – кричит она, молотя его по спине. – Прекрати! Остановись!

Стэп осторожно сбрасывает газ. Мотоцикл становится на оба колеса. Хук едет немного дальше, провозглашая свою победу.

– Какая муха тебя укусила? Чердак, что ли, протекает?

– Мне надоели экстремальные гонки, надоели драки, надоели погони, я не могу больше, понимаешь? – кричит Баби. – Я хочу нормальной, спокойной жизни. Не убегать из ресторанов, а платить, как все! Я не хочу, чтобы ты дрался! Не хочу слышать, как твой приятель сунул кому-то нож между ног только за то, что тот позвонил его бывшей бабе. И не хочу слышать, что это его баба! Я ненавижу насилие, ненавижу отморозков, ненавижу самодуров, ненавижу тех, кто живет, как придурок, выражается, как сапожник, постоянно ругается и не уважает других. Понимаешь? Ненавижу!

Оба молчат, убаюканные мерным продвижением мотоцикла, успокоенные ветром... Вдруг Стэп рассмеялся.

– И что тут смешного?

– А знаешь, что я ненавижу?

– Нет, что?

– Расставаться с полусотней евро.

Перед заправкой на пятачке Эуклиде группа девушек и парней собралась вокруг забавного типа. Он бы имел успех в кабаре. Однако ему пришлось изучать экономику и коммерцию, хотя перед профессорами он почти всегда разыгрывает немую сцену. Чуть дальше, перед «Пандемониумом», назначают встречи парни постарше. Приезжает BMW Z3. Из него выходит брюнетка, колготки обтягивают великолепные ноги. На ней черный жакет и плиссированные бермуды из прозрачного шелка. Машина небесно-голубая. Все прямо как на рекламной картинке. Но когда выходит ее спутник, чары рассеиваются. Он лысый и с брюшком. Да уж, не фотомодель.

Перед газетным киоском останавливается джип. Полицейские проверяют документы у нескольких парней и уезжают.

Мимо с шумом проносится машина. Из окна высовывается блондинка, машет кому-то. Машина с визгом поворачивает направо, в сторону виа Сьяччи. Брюнетка входит в лавочку, чтобы купить сигареты.

И тут один за другим приезжают они. Сигналят и тормозят. Одни запрыгивают на мотоциклах на тротуар, другие паркуются перед закрытыми окнами кафе «Евклид». Баби слезает с мотоцикла, откидывает волосы назад. К ней подходит Паллина.

– Круто, правда?

– Что?

– Ну, что мы так вот удрали, ночью, не заплатив. Со мной еще такого не было. Так забавно. И они все такие милые, правда?

– Нет. И мне совсем не забавно.

– Ну, один-то разик...

– Это не один разик. И ты это прекрасно знаешь. Они так делают всегда. Паллина, ну как ты не понимаешь? Это все равно что украсть. Если ты пообедала и не заплатила – значит, ты украла.

– Подумаешь! Тарелка пасты и пиво. Кража века!

Вдруг Баби кто-то ощутимо бьет по плечу. Это Маддалена. Она жует жвачку, глядя на них с ухмылочкой.

– Слушай, не ходила бы ты сюда.

– Почему?

– Потому что я не хочу.

– Нигде не написано, что это твое место. Так что запретить ты мне не

можешь.

Баби поворачивается к Паллине, обрывая спор. Пытается заговорить с ней. Но тут ее рывком разворачивают.

– Ты чего, не поняла? Уматывай отсюда. – Маддалена пихает Баби в плечо. – Дошло?

Баби вздыхает:

– Что ты от меня хочешь? Ты кто такая вообще?

Маддалена повышает голос. Багровеет.

– Кто я? Я тебе щас рожу разобью! – подходит и вопит ей прямо в лицо. – Поняла?

Баби брезгливо морщится. Кто-то повернулся посмотреть, что происходит. Потихоньку разговоры прекращаются, и все собираются вокруг них. Все знают, что сейчас произойдет. Баби тоже. Она пытается отодвинуть Маддалену. Слишком уж близко та стоит.

– Ну все, хватит. Не люблю скандалов на людях.

– Не любишь, да? Сиди тогда дома!

Маддалена угрожающе приближается. Баби упирается ей руками в плечи, пытаясь удержать на расстоянии.

– Слушай, я же сказала, я не хочу с тобой ругаться...

– Ты чего? – Маддалена смотрит на руку Баби у себя на плече. – Какого черта ты меня трогаешь!? Убери грабки! – она бьет Баби по руке.

– Хорошо, я уйду. Стэп!

Баби поворачивается поискать его. Но вдруг чувствует жгучую боль в правой скуле. Кто-то ее ударил. Она оборачивается. Перед ней Маддалена. Ухмыляется, вскинув сжатые кулаки. Это она ударила. Баби хватается рукой за щеку. Скула горячая и ноет. Маддалена пинает ее в живот. Баби пятится назад. Удар пришелся вскользь, но все равно больно. Баби поворачивается, чтобы уйти.

– Куда поперлась, сучка?

От пинка пониже спины она летит вперед. С трудом удерживает равновесие. На глазах выступают слезы. Медленно бредет дальше. Вокруг галдят, смеются. Кое-кто молча смотрит на нее, иные тычут пальцем.

Встревоженные лица девушек. Далекий шум машин. И вот перед нею Стэп. Вдруг за спиной чьи-то быстрые шаги. Маддалена. Баби зажмуривается и прикрывает голову. Еще удар. Ее тащат назад за волосы. Она оборачивается, чтобы не упасть. Маддалена, как фурия, тащит ее за волосы, осыпая ударами по голове, по шее, по спине. С головы того и гляди сорвут скальп, нестерпимая боль проникает до мозга. Баби пытается вырваться. Но каждый рывок, каждая попытка сопротивления отзывается

новой пыткой, пронизывающей болью. Баби тащится за Маддаленой почти вплотную. Выбрасывает руки, хватает ее за куртку, подтаскивает к себе и толкает что есть сил, быстрее и быстрее, не видя, куда, не помня себя. Грохот падающего металла. Она свободна. Маддалена упала на мотороллеры. Лежит под ними, грязное колесо со ржавыми спицами еще вертится, а рама и руль не дают ей встать. Баби чувствует, как в ней волной вскипает ярость. Лицо горит, она задыхается, щека ноет, голова истерзана – и она бросается на Маддалену. Бьет ее, пинает со звериной злобой. Маддалена пытается подняться. Баби нагибается к ней и осыпает градом ударов, везде, где только можно, кричит, царапается, дергает за волосы, оставляя на шее кровавые потеки. Вдруг чьи-то сильные руки оттаскивают ее. Баби молотит ногами пустоту, извивается, пытается вырваться, чтобы снова бить, снова кусаться, снова ранить. Ее оттаскивают, но последним точным пинком, правда, против ее воли, она опрокидывает еще один мотоцикл. Он медленно валится рядом с поверженной Маддаленой.

– Мой мотоцикл! – вскрикивает жертва.

Пока ее тащат прочь, Баби оглядывает толпу.

Теперь никто не смеется. Все глядят молча. Расступаются перед нею. Она плетется спиной, развалившись на своем носильщике. У нее вырывается нервный смешок. Смеется снова, все громче и громче.

Прохладный ветер обдувает ей лицо. Закрывает глаза. Голова кружится. Сердце громко стучит. Дыхание прерывистое, накатывают волны ярости, но все тише и тише. То, на чем она сидит, останавливается. Она на мотоцикле. Стэп помогает ей слезть.

– Иди сюда.

Они на мосту корсо Франча. Поднимаются по ступенькам. Подходят к фонтанчику. Стэп мочит ее бандану и прикладывает ей к лицу.

– Так лучше?

Баби кивает. Стэп садится рядом на парапет, свесив ноги, уставившись на нее с улыбкой.

– И это ты? Ты, которая ненавидит отморозков, ненавидит насилие? Ничего себе! Да если бы я тебя не оттащил, ты бы ее убила!

Баби делает шаг к нему и разражается слезами. Ее буквально скручивают рыдания. Будто что-то рухнуло внутри, прорвалась плотина, упал барьер, и хлынул поток слез. Стэп смотрит на нее, растерянно разводит руками. Обнимает нежные вздрагивающие плечики.

– Ну, не надо, не надо. Ты не виновата. Тебя спровоцировали.

– Я не хотела ее бить, не хотела делать ей больно. Правда... Я не хотела...

– Я знаю.

Стэп берет ее за подбородок. Стирает соленую слезинку, приподнимает ей голову. Баби открывает глаза, шмыгает носом, смаргивает слезы, улыбается, но еще не спокойно. Стэп наклоняется к ней и целует. Она сейчас такая хрупкая, теплая, податливая, чуть соленая. Баби не противится, ища в поцелуе утешения, сначала робко, затем все сильнее уходя в отчаяние – до тех пор, пока он не уткнулся ей в шею. Он ощущает ее влажные щеки, прохладную кожу, толчки икоты где-то в глубине.

– Ну все, хватит, – отстраняет он ее. – Перестань плакать.

Стэп залезает на парапет.

– Если не перестанешь, я прыгну вниз. Я не шучу.

Делает пару неуверенных шагов по мраморному краю. Поднимает руки, пытаюсь удержать равновесие.

– Ну так что, перестанешь – или...

Под ними далеко внизу – спокойная темная река, вода, окрашенная ночью в черный цвет, берега, поросшие кустами. Баби глядит на него испуганно, но продолжает икать.

– Не надо... пожалуйста.

– Перестань плакать!

– Это не от меня зависит...

– Тогда пока!..

Стэп подпрыгивает и с воплем срывается вниз. Баби подбегает к краю парапета.

– Стэп! – никого, только медленно течет река.

– Бу-у-у!!!

Стэп высунулся из-под парапета и схватил ее за воротник куртки. Баби орет.

– Ага, поверила! – и целует ее.

– Вот мне недоставало только этого! Ты же видишь, в каком я состоянии, – и выкидываешь такие шуточки.

– Я нарочно. Ты сильно испугалась, и все прошло.

– Икота прошла, конечно...

– Ну, ты же и не икаешь, и не плачешь? Иди сюда.

Он помогает ей перелезть через парапет. Они стоят в темноте на узком карнизе. Под ними река, чуть дальше – огни «Олимпиады». Кругом тьма, тихо шепчет течение, они снова целуются. Со страстью и восторгом, полные желания. Он поднимает ей футболку и обнажает грудь, ласкает ее. Расстегивает рубашку и прижимается к ее мягкой коже. Стоят так, впитывая тепло, слушая стук сердец, чувствуя, как соприкасаются их тела

под прохладным ночным ветром.

Позже, сидя на краю парапета, смотрят на звезды. Баби расслабленно вытянулась, положив голову Стэпу на колени. Он перебирает ей волосы. Тишина. Баби замечает надпись.

– А ты мне ничего такого не писал...

Стэп оборачивается посмотреть. Баллончиком с краской на стене выведено: «Чербьятта я тебя люблю».

– Да, не писал. Но ты же говоришь, что я и писать не умею.

– Но можно же продиктовать кому-то, а уж он напишет, – запрокидывает голову Баби, улыбаясь ему в ответ.

– Ну да, ну да... а почему ты ничего такого не пишешь, мне кажется, это как раз в твоём стиле.

На колонне перед ними другая надпись: «У Кати жопа лучше всех в Европе». «Кроме одной» – дописано в скобках. Стэп улыбается.

– Эта надпись куда честнее. Потому что кроме одной – это кроме твоей.

– Не люблю такие шутки.

– Хорошо, я больше не буду, – пытается обнять ее Стэп. Баби уворачивается. – Не веришь? Честное слово.

– Ладно... а если не сдержишь слово, я тебя побью!

– Джервази!

Баби поднимается. Джаччи пристально смотрит на нее и улыбается.

– Идите, идите сюда.

Баби выходит из-за парты. Да, ей не просто почудилось. По истории ее уже спрашивали. Джаччи имеет на нее зуб.

– И дневник, дневник с собой прихватите.

Эти слова поражают ее в самое сердце. Она почти теряет сознание. Класс завертелся. Баби смотрит на Паллину. Та тоже побледнела. Сжимая в руках ставший неожиданно тяжелым, почти неподъемным, дневник, Баби подходит к кафедре. Зачем Джаччи дневник? Нечистая совесть не подсказывает ей ничего. Вдруг – лучик надежды. Может, она хочет проверить, подписано ли замечание? Она хватается за эту соломинку, за безумную надежду. Кладет дневник на кафедру.

Джаччи открывает его, сверля Баби глазами.

– Вас вчера не было в школе, так?

Последний проблеск надежды гаснет.

– Так.

– И почему же?

– Я плохо себя чувствовала.

Сейчас она чувствует себя отвратительно. Джаччи приближается к странице освобождений. Находит последнее – улику в деле.

– А это подпись вашей матери, так?

Джаччи подносит дневник к глазам. Баби смотрит на попытку подделки. Вдруг она кажется ей безумно фальшивой, невероятно жалкой и откровенно притворной. Жалобное «да» слетает с ее онемевших губ.

– Странно. Я недавно говорила по телефону с вашей матерью – она вообще не знает о том, что вы отсутствовали. Не говоря уж о том, что она что-то подписывала. Она сейчас придет в школу. Надо сказать, она отнюдь не в восторге. Прощайтесь со школой, Джервази. Вас исключат. Поддельная подпись, если о ней сообщают куда следует, как я, – обойдется вам в отстранение от занятий. Жаль, Джервази, очень жаль – вы могли получить неплохие оценки на экзаменах. Теперь только на будущий год. Возьмите.

Баби забирает дневник. Теперь он кажется неожиданно легким. Все вокруг становится другим – то, как она движется, как идет. Она как будто

повисла в воздухе. Она ловит взгляды соучениц в повисшей тишине.

– На этот раз – ошиблись вы!

Дальше она помнит плохо. Какая-то комната с деревянными скамейками. Крики матери. Приходят Джаччи с директором. Ее выставляют за дверь. О чем-то долго спорят, пока она ждет в коридоре. Где-то в глубине коридора проходит монахиня. Они обмениваются хмурыми взглядами. Позже выходит ее мать. Тащит ее за руку к выходу. Она в ярости.

– Мама, меня выгонят?

– Нет, завтра утром пойдешь в школу. Есть выход, но сначала надо спросить у отца, согласен ли он.

Что это за выход, если маме надо спросить согласия папы? После обеда до нее вдруг доходит. Дело в деньгах. Им придется заплатить. Прелесть частных школ в том, что все можно легко решить. Вопрос лишь в сумме.

Даниела с телефоном в руках входит в комнату.

– Держи, это тебя.

Баби спала, измученная событиями.

– Алло?

– Привет, поедешь со мной? – Это Стэп. Баби садится на кровати. Теперь она окончательно проснулась.

– Я бы с радостью, но не могу.

– Ну перестань, махнем в «Парназо» или в «Пантеон». Я угощу тебя кофейным мороженым со сливками в «Золотой чашке». Ты пробовала? Это просто сказка.

– Я наказана.

– Что, опять? Еще не все?

– Вообще все, но сегодня учительница поймала меня на фальшивой подписи, в общем, начался скандал... Она на меня зуб точит. Донесла директору. Меня хотели оставить на второй год. Но мама их всех построила.

– Ну и мать у тебя! Тот еще норов. Всегда добивается, чего хочет.

– Ну, не все так радужно. Ей придется заплатить.

– И сколько?

– Пять тысяч евро. Как бы в дар.

– Вот блядь! Ни хрена себе благотворительность! – Стэп аж присвистнул. Повисает смущенное молчание. – Алло, Баби?

– Я тут.

– Я думал, разъединилось.

– Нет, я думала об этой училке, о Джаччи. Боюсь, что скандал на этом

не кончится. Я ее осудила перед классом, и она хочет, чтобы я за все заплатила!

– Это кроме пяти тысяч евро?

– Это-то мама отбашляет, понятно... это как бы подарок. А она отыграется на мне. Вот ведь жопа! У меня были такие хорошие оценки, что экзамены просто тьфу!

— Так ты совсем не можешь приехать?

– Ты шутишь? Позвонит мама, не найдет меня – та-а-кое начнется!

– Хорошо, тогда я приеду к тебе. Баби смотрит на часы. Почти пять.

Раффаэлла обычно возвращается куда позднее.

– Хорошо, приезжай. Чаем напою.

— А пива не найдется?

— В пять часов?

– Нет ничего лучше пива в пять часов, а английские обычаи я терпеть не могу, – и кладет трубку.

Баби соскакивает с кровати, влезает в туфли.

— Дани, я сбегая за продуктами. Тебе ничего не надо?

– Нет, не надо. Что, Стэп придет?

– Ну, я побежала.

Она покупает два сорта пива – банку «Хайнекена» и банку «Перони». В вине она разбирается получше. А о пиве не знает почти ничего. Бежит обратно домой и ставит их в холодильник. Вскоре пищит домофон:

— Да?

— Это я.

– Первый этаж, – она жмет дважды на кнопку и идет к двери.

Не удержавшись, окидывает взглядом все вокруг. Вроде все на месте. Открывает дверь. Видит, как он взбегают по ступенькам. На последней останавливается и улыбается той улыбкой, что так нравится ей.

– Привет.

Баби отступает от двери, впуская его. Он входит, вытаскивает из-под куртки сверток.

– На вот, это английское печенье с маслом. Купил тут рядом, очень вкусное.

– Английское печенье...

– Я их не ел ни разу на самом-то деле. Это мой братец от них тащится. Его прет от яблочных тортиков и всего такого, так что печенье, по идее, должно быть вкусным. А мне нравится только все соленое. Я даже на завтрак ем тосты или бутерброды. А сладкое – почти никогда.

Она улыбается. Слегка обеспокоена тем, какие они разные даже в

таких простых вещах.

– Спасибо, сейчас попробую.

Вообще-то она на диете, а эти рассыпчатые масляные прямоугольнички – по сто калорий каждый. Стэп идет за ней, он тоже немного взволнован. Он не купил эти бисквиты, а унес из дома. Однако, поразмыслив, он успокаивается. В конце концов для Паоло это только хорошо. Ему не мешает посидеть на диете.

Даниела выходит из своей комнаты нарочно поглазеть на Стэпа.

– Привет, Стэп.

– Привет.

Стэп, улыбаясь, протягивает ей руку. Кажется, он не обратил внимания, что она знает его прозвище. Баби взглядом испепеляет сестру. Даниела сразу понимает и, притворившись, будто что-то взяла, уходит к себе. Вскоре закипает вода. Баби берет баночку, разрисованную розами. Листочки чая сыплются с ложки в чайник. По кухне распространяется легкий аромат.

Потом они переходят в гостиную. Она с чашкой вишневого чая в руках, он с двумя банками пива, чтобы не вгонять себя в лишние сомнения. Баби достает показать из книжного шкафа фотоальбом. Может, от «Хайнекена», может, от «Перони», но он развеселился. Слушает ее красочные рассказы, сопровождающие каждую фотографию. Путешествия, воспоминания, праздники.

На этот раз он не заснет. Снимок за снимком, перелистывая целлофановые страницы, он видит, как она росла. Вот у нее прорезались первые зубки, вот она задувает свечку на торте, вот едет на велосипеде – а вот уже постарше, с сестрой на карусели. На санках с Санта-Клаусом, в зоопарке с львенком на руках. Он видит, как постепенно лицо ее худеет, волосы светлеют, грудь растет – и вот на следующей странице она уже девушка. Исчез хмурый сорванец в бикини и с руками по швам. Крохотный купальник прикрывает загорелое тело красавицы с гладкими, длинными стройными ногами. Теперь он ясно видит: невинность – это ее свободный выбор. Она сидит на катамаране, худые, даже чересчур угловатые плечи золотятся меж прядей выбеленных морем и солнцем волос. Позади не в фокусе плещутся купальщики и не знают, что их увековечили.

С каждой страницей фотографии все больше похожи на сидящий рядом с ним оригинал. Стэп, заинтересованный рассказами, прихлебывает пиво. И вдруг Баби, зная, что дальше, пропускает страницу.

Стэп, увлекшись всеми этими маленькими Баби, тем не менее оказывается быстрее нее.

– Дай посмотреть!

В шутку борются, в основном для того, чтобы пообниматься, оказаться ближе друг к другу. Стэп, одержав победу, раздражается смехом. Со страницы улыбается Баби с косыми глазами и перекошенным лицом. Это фото ей никогда не нравилось.

– Хм, а тут ты больше похожа на себя.

Она, притворившись обиженной, толкает его. Убирает альбом на место, берет свою чашку, пустые банки с пивом и идет на кухню. Стэп в одиночестве разгуливает по гостиной. Останавливается перед картинами неизвестных ему авторов. На широком столике на низких ножках беспорядочно расставлены серебряные шкатулочки и пепельницы. Вот раздолье было бы его друзьям.

Баби моет чашку и вкидывает банки в ведро под мойкой, прикрыв их пустым молочным пакетом и пустыми картонками от туалетной бумаги. Главное – не оставлять следов. Вернувшись в гостиную, Стэпа она там не находит.

– Стэп? – Молчание. Она идет в свою комнату. – Стэп?

Вот он. Стоит возле стола, листает дневник.

– Нехорошо трогать чужие вещи без спросу, – вырывает Баби дневник у него из рук.

Стэп, смеясь, наклоняется, целует ее, увлекает за собой на кровать. Задирает на ней футболку.

– Не надо, пожалуйста. Мои вернутся и застукают – разорутся, а если еще и у меня в комнате, то вообще будет конец света.

– Ты права, – Стэп обхватывает ее и легко поднимает. Он привык к грузам потяжелее, чем это хрупкое тело. – Пойдем туда, где удобнее.

И, не дав Баби ответить, вносит ее в спальню родителей и закрывает дверь. Осторожно кладет на постель и, улегшись рядом, снова целует в полумраке.

– Ты сумасшедший, просто сумасшедший, – шепчет она. Непонятно как, она уже без футболки.

Они соприкасаются кожей, рука осторожно завладевает грудью. Глаза Баби закрыты, губы движутся в неизменном ритме: открыться – закрыться, открыться – закрыться, в простом поцелуе без всяких выдумок. Вдруг она чувствует себя спокойнее и свободнее. Рука Стэпа потихоньку овладевает ее ремнем.

Вытягивает конец ремня из шлевки. В темноте шуршит кожа, позвякивает пряжка. Она настораживается, но не отрывается от его губ. Комната повисает во тьме. Тихонько тикает будильник, слышится

прерывистое от желания дыхание. Рука чуть затягивает пояс, и шпенек выскальзывает из третьей дырки, самой истертой, с потемневшими краями. Это плод ее тягостной диеты. Через секунду ее Levi's расстегнуты. Серебристые болты ширинки разлетаются. Один за другим, все ниже, все опаснее. Баби задерживает дыхание: за вдохновенными поцелуями что-то кроется. Что-то чуть изменилось по недосмотру. Хрупкое волшебство рассеялось. Они по-прежнему целуются, но между ними уже повисло напряженное ожидание. Стэп силится понять, уловить – кивок ли, другой ли знак ее вождения. Но Баби недвижима, по ней ничего не скажешь. На самом деле она просто еще не решилась. Ни с кем она еще не заходила так далеко. Джинсы расстегнуты, рука Стэпа на бедре. Не думая, не зная, что делать, она не отрывает губ от его губ. И тут Стэп решает все же рискнуть. Он движется потихоньку, осторожно – правда, она все равно это чувствует. Вздыхнув, закрывает глаза. Пальцы Стэпа на ее коже, у розового края трусиков. Эластичная ткань легко отходит, рука тут же шмыгает туда – и сразу же оттуда. Вторая попытка посерьезнее. Рука Стэпа на бедре под джинсами дерзко, властно проникает под ткань трусиков. Скользит к средоточию, лаская живот, все ниже, к мягким кудряшкам, к неизведанным краям.

И тут что-то случается. Баби перехватывает его руку. Стэп озирается в полутьме.

– Что?

– Тс-с-с... – Баби приподнимается на бедре, напряженно вслушиваясь во что-то за пределами комнаты, за ставнями, внизу во дворике. Ее внимание привлек неожиданный шум – шум мотора. Кто-то едет задним ходом.

– Это мама! Быстрее!

Через мгновение все уже на местах. Баби поправляет покрывало на кровати, Стэп заправляет рубашку в штаны. В дверь комнаты стучат. Они замирают. Но это Даниела.

– Баби, мама приехала! – она не успевает договорить. Дверь распаивается.

– Я знаю, спасибо.

Баби выбегает, таща за собой Стэпа. Он слегка сопротивляется.

– Я хочу с ней поговорить, хочу объяснить раз и навсегда!

И улыбается своей наглой улыбочкой.

– Ты издеваешься? Знаешь, что мама тебе устроит, если поймает?

Вбегают в гостиную.

– Выйдешь тут, чтобы с ней не столкнуться.

Баби отпирает парадную дверь. Выходит на площадку. Лифт отсюда идет прямо во дворик. Она жмет на кнопку вызова. Обменивается со Стэпом торопливым поцелуем.

– Нет, я хочу встретиться с твоей матерью! Она подталкивает его к лифту.

– Вали уже!

Стэп нажимает кнопку этажа и с улыбкой повинуется указанию Баби. А между тем распаивается дверь черного хода. Входит Раффаэлла. Кладет пакеты на кухонный стол. Будто по наитию, она улавливает что-то в воздухе – может быть, щелчок дверного замка?

– Баби, это ты?

Она идет в комнату. Баби включила телевизор.

– Я телевизор смотрю.

Но ее выдает легкий румянец. Раффаэлле достаточно. Она выглядывает из окна во двор. Удаляющийся шум мотора, листья плюща в углу еще колышутся. Слишком поздно. Она закрывает окно. В коридоре сталкивается с Даниелой:

– Кто-то приходил?

– Не знаю, мама, я была у себя, занималась.

Раффаэлла решает спустить это на тормозах. На Даниелу давить бесполезно. Идет в комнату Баби, все оглядывает. Вроде все на месте, ничего необычного. Даже на покрывале ни складочки. Впрочем, его могли и заново постелить. Тогда она, убедившись, что никто ее не видит, трогает покрывало рукой. Не нагрето. На нем никто не лежал. Она облегченно вздыхает и идет к себе. Снимает костюм, вешает на плечики. Берет водолазку из ангоры и свободную юбку. Садится на кровать и одевается. В счастливом неведении, не в состоянии даже представить себе, что совсем недавно тут лежала ее дочь. В объятиях неподходящего молодого человека. Там, где сейчас сидит она, на покрывале, еще теплом от юных невинных чувств.

Клаудио вернулся позже. Он долго обсуждает с Баби поддельное освобождение, трату в пять тысяч евро, ее поведение в последние дни. Затем устраивается у телевизора, наконец успокоившись в ожидании ужина. Но тут его из кухни зовет Раффаэлла. Клаудио быстро идет к жене.

– Ну что еще?

– Посмотри... – Раффаэлла указывает на банки из-под выпитого Стэпом пива.

– Ну, пиво. И что?

– Их спрятали в мусорном ведре под картонками от туалетной бумаги.
– Ну выпили они пива. Что в этом такого?
– Сегодня днем у нас был тот парень. Я уверена.
– Какой парень?
– Тот, который избил Аккадо, тот, из-за которого твоя дочь школу прогуляла! Стефано Манчини, Стэп, парень Баби.

– Парень Баби?
– Ты что, не видишь, как она переменилась? Да ты вообще ничего не видишь. Это все он виноват. Гонки на мотоциклах, подделанные подписи... А синяк у нее под глазом ты видел? По-моему, он и ее бьет.

Клаудио лишается дара речи. Снова здорово. Неужели Баби могут избить? Надо что-то делать, надо вмешиваться. Он не отступит, он защитит ее.

– На вот, – протягивает Раффаэлла бумажку.
– Что это?
– Номер мотоцикла того парня. Позвони нашему другу, Давони, пусть он раздобудет тебе адрес, и поезжай поговори с ним.

Так вот что ему придется сделать. Он хватается за последнюю соломинку:

– А это точно его номер?
– Я посмотрела позавчера у школы. Совершенно точно.
Клаудио сует записку в бумажник.
– Не потеряй! – скорее угроза, чем совет.

Клаудио возвращается в гостиную и падает на диван перед телевизором. Какая-то пара толкует о своих любовных делах чересчур мужеподобной даме. И как они могут обсуждать свои проблемы перед всеми, по телевизору. Он и один, на собственной кухне не может. А теперь еще надо ехать разговаривать с этим парнем. Побьют, как пить дать. Как Аккадо. Может, они даже будут лежать в одной палате. Составят друг другу компанию. Хотя веселого тут мало. Аккадо ему никогда особо не нравился. Клаудио достает бумажник и идет звонить. Стефано Манчини. Стэп.

Постукивание по жалюзи. Во сне или наяву? Ветер, что ли? Она поворачивается в постели. Снова стук. Чуть сильнее, определеннее – почти сигнал. Баби вылезает из постели. Подходит к окну. Смотрит сквозь щелочки в жалюзи. В лунном сиянии стоит он. Она в удивлении поднимает занавеску, стараясь не шуметь.

– Что ты тут делаешь? Как ты сюда залез?
– Очень просто. Залез на забор и вскарабкался по трубам. Пойдем.
– Куда?
– Нас уже ждут.
– Кто ждет?
– Остальные. Мои друзья. Хватит болтать, пошли! Все равно, если тебя поймут, хуже уже не будет.

– Подожди, я наброшу что-нибудь.
– Да это тут рядом.
– Но я в одной ночнушке!
– Так даже лучше.
– Дурак. Подожди минутку.
Отходит от окна, садится на кровать и быстро одевается. Бюстгальтер, трусики, пуловер, джинсы, кроссовки – и вот она снова у окна.

– Пойдем. Но только через дверь.
– Нет, спустимся здесь, так проще.
– Ты с ума сошел? Мне страшно. Упаду, разобьюсь... Представь, предки проснутся от моего крика! Иди за мной, только тихо!

Она ведет его по темному спящему дому, маленькими шажками по ковру, осторожно опуская дверные ручки. Отключает сигнализацию, берет ключи – и в путь. Придерживает, чтобы не наделать шума, дверь, негромко щелкает дверным замком. Вниз по лестнице во двор, на мотоцикл, по спуску с выключенным мотором – тихо, только тихо! Выехав из калитки, Стэп выжимает сцепление, включает вторую скорость и газует. Они летят вперед – теперь они далеко, им не страшно, они могут отправиться куда угодно, пока все спят.

– Куда ты меня везешь?
– Увидишь. Только тихо, пожалуйста.
Они на виа Дзандонаи, у церкви. Входят в калиточку. Пересекают темную улочку, поросшую кустами.

– Пролезай.

Стэп поднимает кусок оторванной снизу сетки. Баби наклоняется, тщательно следя за тем, чтобы ни за что не зацепиться. Идут дальше в темноте по скошенной росистой траве. Все освещено луной. Они внутри жилого комплекса.

– Куда мы идем?

– Тс-с-с... Стэп прижимает палец к губам.

Перебравшись через невысокую ограду, Баби слышит шум. Кто-то вдалеке смеется. Стэп, улыбнувшись, берет ее за руку. Проходят сквозь кусты – и вот оно. В свете луны, голубой, прозрачный, спокойный, в обрамлении ночи. Бассейн. В бассейне несколько парней. Бесшумно плавают. Маленькие волны бьются о края, выплескиваясь на траву. Вода будто дышит.

– Пришли.

Несколько человек их приветствуют. Баби знакомы их мокрые лица. Это все друзья Стэпа. Она уже выучила, как зовут некоторых: Сицилиец, Хук, Банни. Это проще, чем запоминать обычные церемонные представления: я Гвидо, я Фабио, я Франческо. Полло с Паллиной тоже тут, подплывают к краю.

– Блин, а я-то думала, что ты не придешь. И проиграла спор!

Полло оттаскивает ее от бортика:

– А я тебе говорил!

Смеются.

Паллина безуспешно пытается его притопить.

Уплывают, целуясь и брызгаясь. Баби думает, на что же они поспорили. И у нее складывается некая туманная версия.

– Стэп, у меня же купальника нет.

– У меня тоже. Я буду в трусах. Какая разница, тут все плавают так.

– Холодно же...

– Я принес полотенца. Для тебя в том числе. Ну, давай, не копайся.

Он снимает куртку. Вскоре все его шмотки уже на земле.

– Дождешься, в одежде скину, тебе же хуже. Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю.

Она изучает его. Как же – ведь впервые видит раздетым. Блики лунного света придают его мускулам еще большую рельефность. Баби снимает пуловер. Правильно ему кличку дали. – «супер-парень». И вот они уже оба в воде. Плывут рядом. Ее пробирает дрожь.

– Брр, холодно как!

– Сейчас согреешься. Когда пойдешь на дно, глаза не открывай, вода

тут хлорированная. Этот бассейн открылся первым в районе. Можно сказать, открываем сезон. Скоро лето... Здорово, правда?

– Замечательно.

– Иди ко мне.

Подплывают к бортику. Повсюду плавают бутылки.

– На, выпей.

– Я не пью.

– Согреешься.

Баби берет бутылку и отхлебывает. В горло течет прохладная, терпкая, шипучая жидкость. Вкусно. Она отрывается от бутылки и отдает ее Стэпу.

– А ничего, мне нравится.

– Естественно, это же шампанское.

Стэп отпивает большой глоток. Баби оглядывается. Шампанское? А где они его взяли? Должно быть, тоже украли.

Еще бутылка. Их просто окружили. Бутылки. Баби, улыбаясь, пьет, на этот раз медленнее, стараясь не подавиться. Теперь даже вкуснее. Она ищет его губы. Они целуются, чувствуя, как по телу разбегаются пузырьки. А Баби непонятно почему чувствует, что плывет. Это от воды или от шампанского? Осторожно откидывает голову и ложится на воду. Головокружение проходит. Слышит и не слышит звуки вокруг. Уши ей лижут волны, под водой их касаются необычные, но приятные тихие звуки. Она изумляется и этому. Стэп держит ее обеими руками, раскручивает вокруг оси. Она открывает глаза. Рябь на воде ласкает ей щеки, а противные всплески попадают прямо в рот. Она смеется. На небе серебристые облака плывут в бесконечной синеве. Она встает. Обнимает его за плечи и страстно целует. Он смотрит ей в глаза. Ласково отводит со лба волосы, открывая нежное лицо.

Скользит вниз по щеке до подбородка, и ниже, до окаймленной водой груди, соски сморщились от холода и от возбуждения, и еще ниже, туда, где сегодня днем он оказался первым, где он – и лишь он один – дерзнул коснуться ее. Она обнимает его крепче. Упирается подбородком в плечо и, прикрыв глаза, смотрит вдаль. Невдалеке плавает полупустая бутылка. Покачивается на волнах. Она представляет записку внутри: «Тону. Но спасать не надо». Закрывает глаза и дрожит, и не от одного лишь холода. Тысячи чувств охватывают ее – и вдруг она понимает. Это она потерпела кораблекрушение.

– Баби, Баби! – она слышит чей-то голос, кто-то ее трясет.

Открывает глаза. Перед ней Даниела!

– Ты что, не слышала будильник? Шевелись, а то опоздаем. Папа сейчас выйдет.

Сестра выходит из комнаты. Баби поворачивается на другой бок. Вспоминает ночь. Но новая веселая песенка «Fake» группы Simply Red заставляет ее вылезти из постели.

Джаччи спускается в зал для бесед. Здравается с несколькими знакомыми ей матерями, направляясь в глубину зала. В кресле развалился сидит парень в темной куртке и темных очках. Забросил ногу на подлокотник и, помимо всего прочего, еще и курит. Откинув голову, пускает кольца дыма.

Джаччи останавливается.

– Извините... – парень притворяется, будто не слышит. Джаччи повышает голос, – Извините?

Стэп достаивает ее взглядом.

– Да?

– Вы что, читать не умеете? – указывает она на броское объявление – «Курить запрещено».

– Что?

Джаччи решает отступить.

– Здесь нельзя курить.

– Я просто не заметил, – Стэп роняет окурок на пол и давит его каблуком. Джаччи раздражена.

– Что вы тут вообще делаете?

– Жду синьору Джаччи.

– Это я. Чему обязана?

– Ах, это вы... Извините за сигарету.

Стэп усаживается в кресле поприличнее. На секунду кажется, что он в самом деле расстроен.

– Не стоит. Так что, вы хотите?

– Я хотел поговорить о Баби Джервази. Не стоит так с нею обращаться. Видите ли, синьора, эта девушка весьма ранима. А родители у нее – сущие изверги. И вот когда вы берете ее за горло, родители сажают ее под замок, а хуже всего от этого мне, потому что я не могу с нею видаться. И мне это совсем не нравится, понимаете?

Джаччи выходит из себя. Как смеет эта шваль так с нею разговаривать!

– Нет, не понимаю. И не понимаю, зачем вы вообще сюда пришли. Вы родственник? Брат?

– Нет. Я, скажем так, друг.

Вдруг Джаччи вспоминает: она его уже видела. Из окна. Это с ним Баби сбежала из школы. Они говорили о нем с несчастной матерью.

Опасный тип.

– Вы не имеете права здесь находиться. Уходите, или я вызову полицию.

Стэп встает и улыбаясь подходит к ней вплотную.

– Я пришел поговорить. Хотел достичь компромисса, но с вами, как я вижу, этого не выйдет.

Джаччи высокомерно глядит на него. Тоже мне, пугальщик нашелся. Мальчишка, хоть и сильный, а ум короток. Стэп наклоняется, будто хочет посекретничать.

– Вот что я вам скажу, синьора. Запомните это слово: Пепито.

Джаччи бледнеет. Не верит своим ушам.

– Вижу, вы поняли. Ведите себя как должно, и проблем не будет. Главное, найти нужные слова, так ведь? Запомните: Пепито.

Он оставляет ее в зале, бледную, постаревшую, с единственной надеждой: а вдруг ничего не случится. Джаччи идет к директору, отпрашивается и спешит домой. Ей страшно войти в квартиру. Открывает дверь. Все тихо. Крича, зовя его по имени, обегает комнаты и наконец падает в кресло. Обессиленная и одинокая больше, чем обычно. В дверях появляется привратник.

– Синьора, вы не заболели? Вы такая бледная. Сегодня приходили двое ребят, сказали, что от вас, чтобы погулять с Пепито. Я их впустил. Все правильно, да?

Джаччи уставилась на него невидящими глазами. Затем без ненависти, покорно и грустно кивает. Привратник уходит, Джаччи с трудом поднимается с кресла и идет запирать дверь. Ей предстоят долгие одинокие дни без веселого лая Пепито. Как она ошиблась в людях. Баби казалась такой гордой, такой разумной, даже чересчур умной, может быть, но не такой злой, чтобы задумать и осуществить подобное.

В тот день Паоло рано ушел с работы. Довольный, он заходит домой и вдруг слышит лай. В гостиной, на турецком ковре, виляет хвостом белый шпиц. Перед ним Полло с деревянной ложкой в руках.

– Готов? Пошел! – Полло бросает ложку на диван. Шпиц и ухом не ведет, его совсем не занимает, куда там полетел этот кусок дерева. Правда, залаять он залаял.

– Блин, ну что за идиот! Это какая-то неправильная собака! Недоразвитая, наверное. Только и знает, что лаять.

Стэп в кресле отрывается от нового комикса.

– Это тебе что, ученая собака? Его же не дрессировали. Чего ты от него хочешь?

Тут Стэп видит брата. Паоло стоит в дверях, не сняв шляпу.

– О, привет, братец, как жизнь? Я не слышал, как ты вошел. А что так рано?

– Раньше закончил. Что тут делает эта собака?

– Да вот, завел. На двоих с Полло. Нравится?

– Еще чего. Видеть ее не желаю. Посмотри, – подходит он к дивану. – Все уже в шерсти!

– Паоло, не самодурствуй. Собака поживет в моей половине.

– Чего-о?

Песик завилял хвостом и залаял.

– Видишь, ему здесь нравится!

– Сейчас ты мне спать не даешь, когда возвращаешься, а эта шавка вообще все время лает! Слышать ничего не хочу.

Паоло в ярости уходит.

– Блин, злой какой.

Полло приходит в голову мысль, он орет в другую комнату:

– Паоло, я эту псину выброшу... в счет моего долга.

Стэп смеется и снова утыкается в комикс.

Баби сидит позади Стэпа. Щекой прижалась к куртке, волосы треплет ветер.

– Ну, что сегодня было в школе?

– Все нормально. Было два пустых урока. Джаччи не пришла. У нее какие-то семейные проблемы. Да уж, если даже у нас с ней проблемы, то у семьи...

– Она тебе больше не сделает ничего дурного. Нутром чую.

Баби не совсем понимает, о чем это он, и меняет тему.

– А это точно не больно?

– Совершенно точно! Другие же делают. У меня вон какая большая. Было бы больно – я бы просто умер. А у тебя будет маленькая, ты и не почувствуешь ничего.

– А кто сказал, что непременно будет? Я же хотела только посмотреть.

– Ну хорошо, хорошо, не хочешь, не делай, договорились?

– Вот, приехали.

Они идут вдоль какой-то улочки. На земле песок, принесенный ветром с ближнего пляжа. Это Фреджене, рыбацкая деревня. Баби на секунду задумалась – а в своем ли она уме? «Сейчас мне наколют татуировку, страшно-то как. Надо наколоть не на видном месте, но и не в слишком тайном. А что если мама узнает? Раскритится, наверное. Она всегда кричит».

– Думаешь, где бы выколоть?

– Нет, Думаю, наколоть ли вообще.

– Тебе же так понравилась моя. И у Паллины тоже есть татушка.

– Ну да, ну да, но при чем тут это? А Паллина наколола себе сама, дома, тушью и иголкой.

– А тут даже лучше выйдет. Машинкой можно сделать разноцветную. Полный отпад.

– А иглы точно стерилизуют?

– Ну конечно, что за глупости ты городишь?

«Я не колюсь и сексом ни разу не занималась. Вот будет невезуха – подхватить СПИД от татуировки».

– Нам сюда.

Останавливаются перед старым домишкой. Ветер шевелит камыши на крыше, крытой листами железа. Разноцветные стекла в окнах. Дверь из

темно-коричневого дерева. Прямо как плитка шоколада.

– Джон, к тебе можно?

– Это ты, Стэп? Заходи.

Баби идет следом. В нос шибает сильный запах спирта. Значит, спирт тут есть, осталось проверить, пользуются ли им. Джон сидит на низкой скамеечке и трудится над плечом блондинки, расположившейся перед ним на табуретке. Шумит моторчик. «Похоже на бормашину, – думает Баби. – Надеюсь, не так же больно». Блондинка смотрит прямо перед собой. Если ей и больно, она этого не показывает. Парень у стены опускает «Коррьере делло Спорт».

– Больно?

– Нет.

– Ну больно же!

– Я же сказала – нет.

Парень читает дальше. Он, кажется, раздражен оттого, что ей не больно.

– Готово, – Джон снимает машинку и наклоняется к плечу получше разглядеть свою работу. – Великолепно!

Девушка облегченно вздыхает. Вытягивает шею, чтобы убедиться в том, что восторг Джона был небеспочвенным. Баби и Стэп подходят поглядеть. Парень отрывается от газеты и подается вперед. Все молча смотрят. Блондинка жаждет одобрения:

– Красиво, правда?

На плече тысячью цветов переливается бабочка. Кожа слегка припухла. Свежие краски от невысохшей крови сияют еще ярче.

– Обалденно красиво! – отвечает ей читатель газеты. Это, наверное, ее парень.

– Очень красиво, – вторит в похвале Баби.

– Стой, дай промокну, – Джон прикладывает к плечу кусок марли. – Промывай каждое утро, несколько дней. Смотри не занеси инфекцию.

Блондинка, стиснув зубы, старается держать лицо.

Одно точно. Джон протирает иглы спиртом, по крайней мере, после процедуры. Парень достает пятьдесят евро. Улыбнувшись, обнимает свежетатуированную девушку.

– Ай! Больно!

– Прости, солнышко.

Осторожно обнимает ее пониже и уходит из лачужки.

– Стэп, а как там поживает твоя татуировка?

Стэп задирает правый рукав куртки. На мускулистом предплечье

раскинул крылья орел с пламенеющим языком. Стэп шевелит пальцами на манер пианиста. Сухожилия извиваются под кожей, орел взмахивает крыльями.

– Неплохо вышло, – любитесь Джон своей работой. – Можно чуток подправить...

– Как-нибудь в другой раз. Сегодня – вот ей.

– Этой милой девушке? И что вам, синьорина, угодно получить? Уже решили, где будем накалывать?

– Ну... где-нибудь, где не очень заметно. Если предки увидят, будет очень плохо.

– Ну, некоторые накалывают на заднице, некоторые на голове, – улыбается Джон. – Как-то пришла американка, требовала наколоть... ну ты понимаешь где... Хотя бы побрила сперва!

Джон ржет, скаля огромные желтые зубы. Баби страшно. Боже, это же маньяк.

– Джон! – Из-за спины доносится суровый голос Стэпа.

Джон тут же охолонул:

– Да-да, извини. Ну, тогда можно сделать на шее, под волосами, или на щиколотке, или на бедре.

– На бедре пойдет.

– На, выбирай, – Джон вытаскивает из-под стола огромный том.

Баби перелистывает страницы. Черепа, шпаги, кресты, пистолеты – устрашающие картинки. Джон встает и закуривает Marlboro. Он знает: это надолго. Стэп сидит с нею рядом.

– Может, эту? – тычет он в свастику на фоне белого флага.

– Да ну тебя!

– Или эту? – показывает на большую змею в фиолетовых тонах, с раскрытой в броске пастью.

Баби листает том дальше. Быстро и недовольно проглядывает картинки, будто зная заранее, что ничего хорошего не найдет. Наконец Баби переворачивает пластиковую обложку и захлопывает каталог. Смотрит на Джона:

– Мне ничего не понравилось.

Джон затягивается и шумно выдыхает дым. Все как он и предвидел.

– Ну что же, сейчас придумаем. Может, розу?

Баби качает головой.

– Просто какой-нибудь цветок?

– Не знаю...

– Давай уже, определяйся, а то мы тут всю ночь просидим. В семь у

меня другой клиент.

– Но я правда не знаю. Хочется чего-то необычного...

Джон расхаживает туда-сюда по комнате. Вдруг останавливается:

– Как-то я наколол одному на плече бутылку кока-колы. И знаешь, неплохо получилось. Как тебе?

– Но я не люблю кока-колу.

– Ну скажи тогда, что ты любишь!

– Я ем одни йогурты. Не накалывать же на бедре стаканчик йогурта?

Но в конце концов они находят решение. Его предложил Стэп. Джон согласен, Баби тоже очень понравилось.

Стэп отвлекает ее рассказами о Джоне, китайце с зелеными глазами. Его все так называли, а он намеренно придавал себе восточный вид. Носил, например, китайскую одежду и окружал себя вещами в китайском стиле. На самом деле он из Ченточелле. Прижил сына с какой-то бабой из Остии, она назвала его Брюс, в честь своего кумира. На самом деле Джона зовут Марио, а делать татуировки он учился в Габбио. Зрение у него минус два, а на миндалевидных глазах он носит дешевые линзы. Марио, или лучше сказать, Джон, ржет. Стэп расплывается. Баби проверяет татуировку – все прекрасно. Потом, уже сев на мотоцикл, она не застегивает верхнюю пуговицу джинсов, приподнимает марлю и снова счастливо глядит на татуировку. Стэп, заметив это, спрашивает:

– Нравится?

– Очень.

На нежной коже маленький орел, чуть припухший, в точности такой же, как у Стэпа, плод той же руки, наслаждается прохладным вечерним ветерком.

Звенит дверной звонок. Паоло идет открывать. На пороге изысканно одетый господин.

– Добрый вечер, мне нужен Стефано Манчини. Меня зовут Клаудио Джервази.

– Здравствуйте. Брата нет дома.

– Вы не знаете, когда он вернется?

– Понятия не имею, он мне не докладывается. Иногда он не приходит даже к ужину, возвращается ночью.

Паоло изучает этого господина. Чего тот хочет от Стэпа? Ничего хорошего это не предвещает. Братец подрался с кем-нибудь, как всегда.

– Заходите, подождите его, может, он скоро вернется или позвонит.

– Спасибо.

Клаудио входит в гостиную. Паоло закрывает дверь и неожиданно не

выдерживает:

– Может быть, я могу чем-то помочь?

– Нет, я хочу поговорить со Стефано. Я отец Баби.

– Понятно, – вежливо улыбается Паоло.

На самом деле ему ничего не понятно. Что это за Баби? Значит, девушка, а не драка. Еще не легче.

– Извините, я на минутку, – Паоло удаляется.

Клаудио, оставшись в одиночестве, оглядывает комнату. Подходит и рассматривает постеры на стене, вытаскивает пачку сигарет и закуривает. Как странно, что у Стефано, у того самого Стэпа, который изувечил Аккадо, брат с виду такой приличный молодой человек. Может, не все так плохо? Раффаэлла преувеличила опасность. Может, и приходить-то не стоило. Молодежь сама разберется. Обычная подростковая влюбленность. Скоро пройдет. Он оглядывается в поисках пепельницы. Вот она, на столике у дивана. Он подходит стряхнуть пепел.

– Осторожно! – в дверях Паоло с тряпкой в руке. – Извините, но вы сейчас наступите в лужу!

Пепито, пушистый белый шпиц, вылезает из угла. Он радостно лает, довольный тем, как удалась его выходка.

Стэп и Баби останавливаются во дворике перед домом. Баби заглядывает в гараж. Там пусто.

– Предки еще не вернулись. Может, зайдешь ко мне?

– Давай.

Но тут он вспоминает о том, что дома осталась собака. Вынимает мобильник.

– Подожди, я звякну брату, вдруг ему что-нибудь нужно.

Паоло берет трубку.

– Алло?

– Привет. Как ты там? Полло за собакой пришел?

– Нет, этот твой debil так и не явился. Еще десять минут – и я эту собаку вышвырну!

– Ну зачем же? Не надо жестоко обращаться с животными. Его все равно надо бы прогулять, чтобы нужду справил.

– Уже, спасибо!

– Какой же ты предусмотрительный, с ума сойти!

– Ты не понял. Он уже нужду справил, весь турецкий ковер обмочил!

Паоло, типичный представитель племени эффективных менеджеров, предпочел бы провалиться на работе, чем подтирать лужи за собакой. Он

пытается свалить вину на Стэпа. Безуспешно. На другом конце раздается громкий смех:

– Да ладно тебе!

– Я серьезно. Да, кстати. Тут к тебе пришел какой-то господин.

Паоло отворачивается к стене, чтобы тот не услышал лишнего.

– Это отец Баби. Что, что-то случилось?

Стэп удивленно глядит на Баби:

– Серьезно?

– Можно подумать, такими вещами шутят! Так что все-таки случилось?

– Ничего, потом расскажу. Давай его сюда.

Паоло протягивает трубку Клаудио.

– Синьор Джервази, вам повезло. Это звонит мой брат.

Клаудио подходит к телефону. А так ли уж ему повезло? Может, лучше было не искать этой встречи? Он пытается заставить голос звучать уверенно и сильно.

– Алло?

– Добрый вечер. Как поживаете?

– Благодарю, спасибо. Я бы хотел с вами поговорить.

– Хорошо, а о чем?

– Это личный разговор.

– То есть по телефону никак?

– Нет. Я бы хотел встретиться с вами и переговорить с глазу на глаз.

– Пожалуйста.

– Где мы можем встретиться?

– Не знаю, выбирайте сами.

– Это не займет много времени. Где вы сейчас?

Стэп едва не рассмеялся. Ну как сказать, что он у него дома?

– Я у друга. В районе Понте Мильвио.

– Можно встретиться у церкви Санта-Кьяра, вы знаете, где это?

– Да. Я буду ждать вас у дуба перед входом. Мне так удобнее. Знаете, там такой скверик...

– Да, да, знаю. Значит, там через пятнадцать минут.

– Договорились. Передайте трубку брату, пожалуйста.

Клаудио отдает трубку Паоло.

– Да, Стэп, что ты хочешь?

– Ты все хорошо сделал? Принял его как следует? Это важная персона. Именно его дочь съела твое английское печенье...

– Но как же... – Паоло не успевает договорить. Стэп повесил трубку.

Клаудио идет к дверям:

– Извините, мне пора, до свидания.

Они пожимают друг другу руки. Паоло открывает дверь. И тут появляется Полло.

– Привет, я за собакой пришел.

– Как раз вовремя.

– Так до встречи.

– До свидания.

Полло недоумевающе глядит на уходящего синьора.

– Кто это был?

– Отец какой-то Баби. Приходил к Стэпу. Что там случилось? Что это за Баби?

– Это девушка Стэпа. Собака где?

– На кухне. А почему он хотел поговорить со Стэпом? У него что, неприятности?

– А я-то откуда знаю? – улыбается Полло, заведя собаку. – Ко мне, Арнольд, пошли.

Свежепереименованный шпиц бежит ему навстречу с лаем. Между ними наметилось какое-то понимание, возможно, потому что шпицу явно больше нравится называться Арнольдом, чем Пепито. Вероятно.

Паоло останавливает Полло.

– А эта Баби случайно не... – он рисует рукой в воздухе полукруг возле живота.

– Беременна? Да брось ты. Насколько я знаю, Стэп ее еще не трогал, так что разве что от святого духа.

– Баби, мне пора идти, – обнимает ее Стэп.

– Куда? Не уходи, ну еще чуть-чуть.

– Я бы с радостью, но... У меня встреча.

Баби вырывается из его объятий.

– Я знаю, к кому ты идешь! К этой дуре, той, черной! До нее что, не дошло? Мало я ее побила?

Стэп смеется и снова ее обнимает.

– Что ты несешь?

Баби пытается сопротивляться. Начинается легкая потасовка. Стэп легко одерживает верх и целует ее. Баби сжимает губы. И наконец сдается на милость победителя. Но тут же прикусывает ему язык.

– Ай!

– Сейчас же говори, с кем ты встречаешься.

– Ни за что не угадаешь.
– На это же не она, правда?
– Нет.
– А я ее знаю?
– Прекрасно знаешь. Ты бы хоть спросила, мужчина это или женщина.
Баби фыркает:
– Ну так мужчина это или женщина?
– Мужчина.
– Успокоил.
– Это твой отец.
– Мой отец?
– Он приходил ко мне домой. Когда я звонил, он был там. У нас сейчас встреча на пьяцца Джоки Дельфичи.
– А что ему от тебя нужно?
– Кто его знает. Как только узнаю, позвоню и скажу тебе. Хорошо?
Он властно ее целует. Она не сопротивляется, все еще оглушенная этой новостью. Стэп заводит мотоцикл и уносится вдаль.

Когда Клаудио приехал, Стэп уже ждал его, сидя на заборе с сигаретой.

– Здрасьте.

– Добрый вечер, Стефано.

Они пожимают друг Другу руки. Клаудио закуривает, чтобы почувствовать себя со Стэпом на равных. Но успеха он не добился. Станный парень. Сидит тут в темной куртке, улыбается, смотрит на него пристально... На брата совсем не похож. Куда мощнее. И когда он уже намеревался сесть на ограду рядом с ним, то вдруг вспомнил. Этот парень избил Аккадо, сломал ему нос. А теперь он встречается с его дочерью. Опасный тип. Ах, насколько лучше было бы поговорить с его братом!

Клаудио остается стоять. Стэп изучает его с любопытством.

– Так о чем поговорим?

– Ну, как сказать... У нас в семье последнее время проблемы.

– Не все же по моей вине.

– Да, я понимаю, но посудите сами – раньше у нас было все спокойно. Баби и Даниела – хорошие девочки...

– Да, Баби девушка что надо. Послушайте, Клаудио, может, на ты? Я вообще-то люблю говорить все напрямик. А от всех этих «Вас», «Вашими» у меня скулы сводит.

Клаудио улыбается:

– Я не против.

Довольно приятный парень. Во всяком случае, с кулаками пока не бросается. Стэп слезает с ограды.

– А давай пойдем посидим где-нибудь. Поговорим в приятной обстановке, заодно выпьем...

– Согласен. Куда пойдем?

– Тут рядом есть место, его нашли мои друзья. Там совсем по-домашнему, никто нам не мешает.

Стэп садится на мотоцикл.

– Поезжай за мной!

Клаудио садится в машину. Он удовлетворен. Поручение оказалось куда легче, чем он ожидал. Не так все плохо. Он едет следом за Стефано к Фарнезина. На Понте Мильвио они сворачивают направо. Клаудио старается не потерять из виду красную фару, его путеводный огонь в ночи. Вскоре они останавливаются на улочке позади пьядца Клодио. Стэп

показывает Клаудио свободное место для парковки, а сам оставляет мотоцикл прямо у входа в заведение под названием Four Green Fields. Внутри настоящее столпотворение. Куча народу сидит на табуретах вдоль стойки. Вокруг все увешано картинками и логотипами пива из разных стран. За стойкой отчаянно суетится тип в тонких очках и с растрепанными волосами, поспешно смешивает фруктовые коктейли и джин-тоники.

– Привет, Антонио.

– О, Стэп, привет. Что будешь?

– Не знаю, сейчас придумаем. Тебе что?

Пока они усаживаются, Клаудио вспоминает, что ничего не ел. И решает выпить чего-нибудь полегче.

– Мартини.

– Значит, светлого пивка и мартини.

Они садятся за стол в глубине, где не таклюдно. Тут же подскочила смуглокожая красотка по имени Франческа. Принесла их заказ и остановилась потрепаться со Стэпом. Стэп знакомит ее с Клаудио, тот, вежливо приподнявшись, пожимает ей руку. Франческа удивлена.

– Неплохая жопа, да? Она из Бразилии. У бразильянок совершенно офигительные задницы. Вроде бы так говорят. Сам не знаю, почему я еще не побывал в Бразилии. А уж если там все такие, как Франческа...

Стэп жадно отпивает из бокала.

– Да, она недурна собой, – потягивает мартини Клаудио, расстроенный тем, что его мысли оказались так легко прочесть.

– Ну так о чем мы? Ах да, о том, что Баби – чудесная девушка. Полностью согласен.

– Да, все так, но моя жена, Раффаэлла...

– Я уже с ней познакомился. Характерец тот еще.

– В общем да.

Клаудио допивает мартини, и тут же снова появляется Франческа. Она, улыбаясь, поправляет волосы, стреляя глазами в сторону их столика.

– А ты ей приглянулся. Закажем еще чего-нибудь? – и, не давая Клаудио ответить, – Антонио, мне еще пива! А ты что будешь?

– Да нет, спасибо, ничего.

– Как же – ничего? Перестань...

– Ну хорошо, мне тоже пива.

– Отлично, два пива и оливок, чипсов, в общем, чего-нибудь погрызть.

– Так я о чем говорю, Стефано. Моя жена очень беспокоится за Баби. У нее последний год перед выпускными экзаменами.

– Я знаю. И знаю про ту историю с учительницей... Там были

трудности.

– А, ты знаешь...

– Ничего, прорвемся.

– Очень на это надеюсь, – Клаудио делает большой глоток, снова задумавшись о пяти тысячах евро.

Стэп же думает о собаке Джаччи и о том, как Полло пытался научить ее команде «апорт».

– Увидишь, все будет нормально. Джаччи больше не будет докапываться до Баби. Пусть у тебя об этом голова не болит.

Клаудио выдавливает улыбку. Как же ему сказать, что главная головная боль и есть он сам?

Входит стайка молодых людей. Двое заметили Стэпа и идут к нему.

– О, привет! Куда ты подевался? Мы тебя обыскались – ждем реванша.

– Дела были.

– Что, зассал?

– Что ты за хрень несешь? Это кого же я боюсь? Да я вам сейчас покажу!

– Тихо, тихо, не кипятись. Мы ж тебя не видели. Выиграл деньги и смылся.

Другой парень тоже набрался храбрости и выпалил:

– А с тем шаром тебе просто повезло...

– Скажите спасибо, что Полло нет. А то бы я моментом отыгрался.

Шары просто так и шли в лузу.

Парней это явно не убедило.

– Ну ладно, ладно, – и уходят за выпивкой к стойке.

Стэп видит, как они болтают. Смотрят в его направлении и ржут.

– Слушай, Клаудио, а ты в бильярд не играешь?

– Играл когда-то, и даже неплохо. Но уже сто лет кия в руках не держал.

– Слушай, помоги мне, а? Я их сделаю как стоячих, ты только шары разгоняй. В лузу я сам как-нибудь загоню.

– Но нам же надо поговорить...

– Потом поговорим. Согласен?

«Может, после партии в бильярд поговорить будет проще? А если продует? Нет, об этом лучше не думать». Стэп идет к стойке, к тем двоим.

– Принято. Антонио, пусти нас за стол. Сейчас отыграемся.

– Ты что, с этим будешь играть? – один из парней тычет пальцем в Клаудио.

– Ну да, а что? Тебя что-то не устраивает?

– Нет, нет, как хочешь...

– Нет, мы так не играем. А потом ты скажешь, что мы выиграли, потому что Полло не было.

– Да вас я и один уделаю.

– Ну да, щас, блин!

– Увеличим ставку? До двухсот евро, а? По рукам? Только на время, нечего рассусоливать.

Парочка обменивается взглядами. Смотрят в сторону спутника Стэпа. Между тем Клаудио в глубине зала смущенно крутит в руках пачку Marlboro. Может быть, это их и убедило.

– Идет. Пошли.

Парни берут коробку с шарами.

– Клаудио, ты в американку играешь? Одна игра, на двести евро?

– Спасибо, не хочется. Нам все-таки надо поговорить.

– Да ладно, одну партию. За проигрыш я сам заплачу.

– Да не в этом дело...

– Вы что это, в бильярд играть собрались?

Это Франческа. Стоит перед Клаудио, улыбаясь во всю мощь своего бразильского очарования.

– Приду посмотрю, поболею за тебя. Поработаю девчонкой с помпонами.

Стэп вопросительно глядит на Клаудио.

– Ну?

– Только одну.

– Йе-ху-у-у-у! Мы их щас порвем!

Франческа радостно берет Клаудио под руку, и так они следуют в соседний зал.

Шары уже выложены на зеленое сукно. Один из тех двоих парней снимает треугольник. Другой становится в конце стола и точным ударом разбивает. Разноцветные шары с тихим шорохом раскатываются по сукну. Сталкиваются с сухим стуком и наконец останавливаются. Игра началась. Сперва – простые, отработанные удары, дальше – все сильнее, все сложнее, все изощреннее. Стэпу и Клаудио достались рядом лежащие шары. Стэп забивает один шар. Парни – два и третий зацепили. Клаудио в свою очередь разыгрывает дальний шар. Он давно не упражнялся, и удар выходит слишком коротким. Не вышло даже подкатить к лузе. Парни весело переглядываются: деньги у них в кармане. Клаудио закуривает. Франческа приносит им виски. Клаудио замечает, что у нее, как у всех бразильянок, маленькая, но упругая грудь, дерзко торчащая под черной майкой. Снова

его удар. Второй шар пошел лучше. Клаудио сильным, точно рассчитанным ударом посылает его в центр поля. Это шар номер 15, парни не стали его играть в надежде, что партнеры все равно продуют.

– В центр! – Стэп хлопает его по плечу. – Отличный удар!

Клаудио улыбается ему, отпивает большой глоток виски и наклоняется к столу. Сосредотачивается. Подталкивает слева белый шар, тот, в точности как и было задумано, катится до борта и потом вдоль. Прекрасный удар. И вот луза. Парни обеспокоенно переглядываются. Франческа захлопала.

– Браво!

Клаудио улыбается. Лизнув голубой мелок, проводит им по кию.

– Да, в свое время я неплохо играл!

Играют дальше. Стэп тоже загоняет несколько шаров. Но тем парням везет больше. Через несколько ударов им остается загнать только красный шар и первый. Теперь очередь Клаудио. Да уж, ничего хорошего. Двенадцатый лежит рядом с лузой в конце стола, а вот десятый – почти посередине. Это как же нужно ударить, чтобы загнать его в левую центральную лузу? Великолепнейший удар должен быть. Раньше у него, может быть, и вышло бы, но сейчас... Сколько лет он уже не играл? Он допивает виски. Оторвавшись от стакана, встречается взглядом с Франческой. Кажется, столько же лет, сколько лет этой красавице. Он ошеломлен. Улыбается ей. У нее медового цвета кожа, темные волосы и чувственная улыбка. И в то же время нежная. Ей лет восемнадцать. Может, даже меньше. О господи, да она мне в дочери годится. Зачем я пришел сюда? Чтобы поговорить со Стефано, с моим товарищем, с моим другом Стэпом. Клаудио открывает и закрывает глаза. Выпитое ударяет в голову. Надо играть, надо закончить партию. Он опирается рукой на стол, ставит кий и примеривается, проводя им между большим и указательным пальцами. Нацеливается на белый шар. Вот он, лежит себе на столе. Ждет, когда ударят. Вдыхает, резко выталкивает воздух. Еще раз примеряется и бьет. Точно рассчитав силу. Шар катится к борту и задевает двенадцатый. В лузу. Отлично. Вот только белый шар катится дальше. Быстро, слишком быстро. Стой, остановись! Чересчур сильно он ударил. Белый шар минует десятку и останавливается дальше, за серединой поля, неммым напоминанием о промахе. Противники переглядываются. Один вскидывает бровь, другой вздыхает с облегчением. На минуту они испугались, что проиграют партию. Улыбаются друг другу. Для такой позиции нужен совершенно невероятный удар. Клаудио обходит стол. Изучает расстояние до шаров. Тяжело. Нужен катрбан. Стоит в углу стола, опершись руками о край, размышляет.

– Чего тянешь, бей давай.

Клаудио поворачивается. Сзади стоит Стэп.

Он прочитал его мысли.

– Нужен катрбан. Нужно, чтобы шар отразился от четырех бортов.

– И что? Ну, проиграем... А вот если пробьешь, прикинь, как они облажаются!

Клаудио и Стэп глядят на противников. Те уже заказали два пива и обмывают свою победу.

– Не тяни резину, проиграем так проиграем.

Клаудио слегка пьян. Обходит стол, становится с другой стороны. Мелит кий, сосредотачивается и бьет. Белый шар летит над зеленым сукном. Раз – один борт. Клаудио вспоминает, сколько дней он провел за игрой. Второй. О давних друзьях, о том, как они все время были вместе. Третий. О девушках, о том, как у него не было денег и как он веселился. Четвертый. Об ушедшей молодости, о Франческе, о своих семнадцати годах... И тут белый шар поражает десятку. Справа, сильно и точно. Глухой стук. Шар улетает в центральную лузу.

– Попал!

– Йе-ху-у-у-у!!! – Клаудио и Стэп обнимаются. – Везучий же ты. Смотри, куда он улетел.

Белый шар остановился перед желтым в нескольких сантиметрах от лузы в конце стола. Это совсем простой удар, и Клаудио с легкостью его забивает.

– Мы победили! – Клаудио обнимает Франческу и отрывает ее от пола. Пританцовывая с нею не руках, едва не падает на одного из противников.

Парень толкает Клаудио, тот отлетает к столу. Франческа тут же поднимается, ошеломленный Клаудио остается лежать. Парень хватается его за пиджак и поднимает,

– Мухлевал, да? «Сколько лет я не играл... Я уже все забыл...»

Клаудио в ужасе. Он не знает, что делать.

– Я и правда уже давно не играл...

– Ну да, конечно. Особенно последний удар.

– Мне просто повезло.

– Эй, отпусти его!

Парень притворяется, будто не слышит Стэпа.

– Я сказал – отпусти!

И вдруг его оттаскивают. Клаудио поправляет пиджак. Переводит дух, пока тот тип летит к стене. Стэп хватается парня за горло.

– Ты че, не понял? Не зли меня. Давай сюда двести евро. Сами же

предложили играть.

Второй подходит с деньгами в руках.

– Ты нас кинул, этот чувак играет в сто раз лучше Полло.

Стэп берет деньги, пересчитывает и сует в карман.

– Это да, но при чем тут я? Я и сам этого не знал.

Клаудио и Стэп под руку выходят из бильярдного зала. Клаудио выпивает еще виски. На этот раз чтобы оправиться от испуга.

– Спасибо, Стэп. Он бы мне лицо разбил.

– Да ладно, это он прикидывался. Только орать и умеет. На вот, держи – сто евро твои.

– Нет, я не возьму.

– Почему? Выиграл-то партию ты!

– Ну хорошо, тогда пропьем. Я угощаю.

Позже Стэп, увидев, как набрался Клаудио, провожает его до машины.

– Ты точно сам доберешься?

– Конечно, не беспокойся.

– Точно? А то я и проводить могу...

– Да не нужно, все нормально.

– Ну, как хочешь. Хорошо поиграли, правда?

– Просто отлично.

Клаудио закрывает дверцу.

– Подожди! – это Франческа. – А как же со мной попрощаться?

– Ах да... Что-то я как-то закурился.

Франческа прыгает в машину и нежно от всей души целует его в губы. Отрывается и улыбается ему.

– Ну, пока, до встречи. Заходи как-нибудь. Я всегда тут.

– Непременно приду.

Трогается с места и уезжает. Опускает стекло. Ночной воздух приятен и свеж. Ставит в магнитоле диск и закуливает. Он в стельку пьян и крепко сжимает руль.

– Какой был шар! Вот свезло так уж свезло... Он счастлив так, как давно уже не был. Но по мере приближения к дому становится все печальнее. Что сказать Раффаэлле? Въезжая в гараж, он еще не придумал убедительной версии. Маневр, трудный даже на трезвую голову, в пьяном виде становится невозможно выполнить. Выйдя из машины, он обнаруживает царапину на боку и упавшую Vespa. Поднимает ее, шепча про себя извинения: «Баби, уронил я твою Vespa». Поднимается в дом. Раффаэлла уже ждет его. Самый страшный допрос в его жизни, хуже, чем в кино про полицейских. Раффаэлла всегда выступает в роли злого

следователя, про доброго – того, что в кино ведет себя по-дружески, предлагает стакан воды или сигарету – она как-то забывает.

– И как же все прошло? Выкладывай!

– Все нормально, даже хорошо. Стэп – порядочный человек и отличный парень. Незачем волноваться.

– Как это – незачем волноваться?! Он же сломал Аккадо нос!

– Может, Аккадо сам нарвался. Мы же не знаем. И потом, Раффаэлла, честно говоря, Аккадо тот еще фрукт...

– Что ты несешь?! Ты хоть сказал ему, чтобы он не трогал нашу девочку? Чтобы не встречался с ней, не звонил и не приезжал в школу?

– Ну, об этом мы поговорить не успели.

– А что ты ему тогда сказал? Что ты вообще делал все это время? Уже двенадцать!

Клаудио сдается.

– Мы играли в бильярд. Ты знаешь, дорогая, там двое много трепались, так вот, мы их обыграли! И я забил два последних шара! И даже выиграл сто евро. Здорово, правда?

– Здорово? Да ты просто кретин! Ты вообще ничего не можешь! Пришел пьяный, дымом за километр воняет – и даже не смог поставить на место этого бандита!

Рассерженная Раффаэлла уходит. Клаудио из последних сил пытается ее успокоить.

– Подожди, Раффаэлла!

– Чего еще?

– Стэп сказал, что он получает диплом.

Раффаэлла, хлопнув дверью, скрывается в комнате. Ложь не помогла. Как же сильно она обозлилась! Для нее-то эта бумажка – все. «В сущности, она мне так и не простила, что я не получил диплома». Упавший духом от этой мысли и взбудораженный самим вечером, он плетется в ванную. Поднимает крышку унитаза, его рвет. Потом, когда он раздевается, из кармана пиджака выпадает бумажка. Это номер телефона Франчески. Красавицы с волосами цвета воронова крыла и медово-смуглой кожей. Наверно, подсунула, когда мы целовались в машине. Перечитывает записку. Как в фильме «Бабочка». Стив Маккуин в тюрьме получает записку от Дастина Хоффмана и глотает ее, чтобы не нашли. Клаудио запоминает номер, но записку выкидывает в унитаз. Словно для того, чтобы точно убедиться, что записка утонула, его снова одолевает приступ рвоты. Клаудио спускает воду, гасит свет, выходит из ванной и забирается в кровать.

– И вы их обыграли? – не верит своим ушам Полло.
– Мы сняли с них двести евро как с куста!
– Значит, папаша Баби – ничего себе тип?
– Да просто офигеть! Мужик что надо. Франческа сказала, что запала на него.

– А мне показалось, что он просто лох и фраер.
– А когда это ты успел с ним встретиться?
– Когда приходил к тебе за собакой.
– Ясно. Кстати, как там Арнольд?
– Лучше не бывает. Умная псина, как я погляжу. Скоро научится выполнять команду «апорт». Вчера гуляли возле дома, я бросил палку, а он за ней побежал. Правда, потом он начал гоняться по парку за какой-то собачонкой. Он за всеми гоняется, ему, наверное, эта Джаччи совсем трахаться не давала!

Стэп останавливается перед подъездом.

– Ну вот, пришли. Говорю сразу: бардак не устраивать.

Полло подозрительно глядит на друга:

– А с чего бы мне устраивать бардак?

– У тебя без этого не обходится.

– Хм? Я, собственно, пошел только потому, что ты меня попросил.

Поднимаются на второй этаж. Баби там присматривает за Джулио. Это сын Мариани, светленький мальчик лет пяти.

Баби ждет их в дверях.

– Привет, – целует ее Стэп.

Она слегка удивлена тем, что пришел еще и Полло, Тот бормочет приветствие и плюхается на диван рядом с малышом. Переключает канал в поисках чего-нибудь поинтереснее дурацких японских мультиков. Естественно, Джулио тут же разревелся. Полло пытается его успокоить:

– Ну перестань, сейчас будут мультики еще лучше. Сейчас начнутся «Черепашки ниндзя».

Джулио купился. Сидит, молча смотрит спортивную передачу, доверчиво ожидая мультиков. Баби со Стэпом уходят на кухню.

– Ну и зачем ты его притащил?

– Он так просился! Дети – его слабость.

– Что-то незаметно! Только пришел, а ребенок уже плачет.

– Ну хорошо, значит, я привел его затем, чтобы побыть с тобой, – обнимает ее Стэп. – Видишь, какой я честный? Ты будишь во мне самые лучшие чувства. А что же мы, так и будем сидеть одетыми?

Он, смеясь, тащит ее в первую попавшуюся спальню. Баби пытается сопротивляться, но в конце концов покоряется его поцелуям. Они падают на кровать.

– Ой! – Стэп сует руку за спину.

Между лопаток ему впилось дуло игрушечного танка. Баби рассмеялась. Стэп швыряет его на пол, сбрасывает с кровати игрушечные пистолеты и трансформеров. Наконец успокоившись, захлопывает ногой дверь и предается излюбленной игре. Перебирает Баби волосы, целует ее, ладонь, расстегивая, скользит по пуговкам блузки. Приподнимает бюстгальтер и целует светлый участок кожи, нежный, чуть порозовевший. И вдруг чувствует укол в шею.

– Ай!

Стэп хватается рукой за больное место. В полутьме видно, как Баби, вооруженная диковинной куколкой с острыми ушками, смеется. И этот звонкий смех, невинный вид ударили его куда больнее.

– Мне же больно!

– Здесь нельзя, это комната Джулио. Придет еще...

– С ним Полло. Я его построил на эту тему. Это безумное чадо с места не сдвинется. Даже с дивана не сойдет.

Стэп снова осыпает поцелуями ее грудь, она перебирает ему волосы, отдаваясь ласкам.

– Джулио хороший мальчик. Это ты – безумное чадо.

Полло сходил на кухню, сделал себе бутерброд, прихватил холодного пивка и поглощает их. И тут Джулио встает с дивана.

– Ты куда?

– К себе в комнату.

– Сиди тут.

– Нет, я хочу к себе.

Джулио встает, но Полло хватается за красный свитерок и подтаскивает к себе. Джулио вырывается. Полло прижимает его локтем к дивану. Джулио захныкал:

– Пусти, пусти меня!

– Ну перестань, сейчас же мультики начнутся!

– Неправда!

Джулио снова уставился в телевизор, но, увидев там спортивного комментатора, разревелся. Полло отпускает его.

– На, попробуй. Это очень вкусно, это пьют только большие.

Джулио немного заинтересовался. Обеими ручонками он хватает банку пива и отпивает глоток.

– Фу, противно. Горько.

– А посмотри, что у дяди Полло есть...

И вот Джулио, сидя на полу, радостно забавляется, подбрасывая розовые шарики, подаренные дядей Полло. Тот глядит на мальчика с улыбкой. В сущности, как мало надо ребенку для счастья. Какая-то парочка презервативов. Все равно сегодня вечером они Полло не понадобятся. В спальне тоже вроде все тихо. И Стэпу они тоже не нужны, хихикает Полло. От скуки он решает кое-куда позвонить.

В полумраке комнаты полной игрушек Стэп гладит ее по спине, по плечам. Проводит ладонью по руке, подносит запястье к лицу и целует. Скользит губами по коже. Глаза Баби закрыты, она вся отдалась вздохам. Стэп разжимает ей ладонь, целует и кладет себе на живот. И грубо вырывает ее из грез. Баби испуганно замирает. Так, понятно. Но я не могу... Я же никогда... Я что-нибудь не так сделаю. Стэп покрывает нежными поцелуями ее шею, ямку за ушком, губы. А уверенные, спокойные, искушенные руки накатывают на нее подобно волнам, выбрасывая на дикий пляж жертву прекрасного кораблекрушения.

Подхваченная дыханием страсти, она очнулась. Сдвинув ладонь с прежнего места, начинает его ласкать. Стэп успокаивающе прижимает ее к себе. Баби продолжает. Пальцы легко скользят вниз по его коже. Она чувствует подушечками крепкие мышцы на животе. Каждый шаг – как в пропасть, как в бездну, так невероятно, невозможно его совершить. Но – надо, надо, и она, затаив дыхание, бросается в эту пропасть. Пальцы запутались в мягких волосках, движутся все ниже, к джинсам, к пуговице – первой во всех смыслах. Неожиданно, непонятно почему, она вспоминает о Паллине. Она-то больше знает и умеет. Как я ей об этом расскажу? Знаешь, у меня не получилось, я просто не смогла. Эта мысль придает ей смелости и подталкивает к действиям. Она расстегивает джинсы. Золотистая пуговица с легким шорохом вылетает из петли. В комнате так тихо, что этот звук достигает ее ушей. Ну вот и все. Она выдыхает. Дальше будет проще. Рука уверенно расстегивает вторую, третью пуговицу, края джинсов все расходятся и расходятся. Стэп, откинув голову, чуть отдаляется от нее. Она тут же снова прижимается к нему, испуганно прячась в поцелуе, застыдившись оттого, что он отодвинулся. Вдруг – какой-то шум. Хлопают двери.

– Что там такое?

И как по волшебству, очарование рассеялось. Баби приподнимается на локте.

– Что там?

– Откуда я знаю? Иди ко мне, – Стэп притягивает ее к себе.

Снова шум. Что-то разбилось.

– Блин, убивают там кого-то, что ли?

Баби вскакивает с кровати, одергивает юбку, застегивает блузку и выбегает из комнаты. Стэп валится на кровать с раскинутыми руками.

– Чтоб ему сдохнуть, этому Полло!

Застегивает джинсы и идет в гостиную. А там такое!..

– Что за херня?..

Тут вся компашка. Банни и Хук борются на ковре. Рядом с ними разбитая лампа. Скелло сидит на диване с ногами, поглощает чипсы и смотрит «Секс в большом городе». Луконе посадил на колени ребенка и дает ему покурить косяк.

– Стэп, гляди, какая у него мордочка недовольная!

Баби коршуном набрасывается на Луконе, вырывает у него из рук косяк и тушит его в пепельнице.

– Вон! Вон отсюда, сейчас же!

На крики из кухни приходят Дарио с каким-то парнем, в руках у них пиво. Появляется и Сицилиец с девкой. Лица у них покраснелись. Стэп думает: мы с Баби даже не начали, а они уже все успели. Хорошо им! Баби толкает всех к двери.

– Пошли все вон отсюда!

Они не упираются, довольные, а беспорядок от этого только увеличивается.

Стэп бросается ей на помощь.

– Давайте-давайте, валите отсюда, – последним он выпихивает Полло. – С тобой я еще поговорю.

– Но я только Луконе позвал, это он всех остальных притащил.

– Заткнись, – Стэп поддает ему под зад и выпихивает из дверей.

Затем возвращается помочь Баби.

– Посмотри, что они наделали!

Лампа разбита, диван залит пивом. Чипсы разлетелись по всей комнате. У Баби на глазах слезы. Стэп не знает что сказать.

– Прости. Я помогу тебе прибраться.

– Спасибо, не надо, я сама.

– Ты злишься?

- Нет. Но все равно уходи. Скоро вернутся родители.
- Тебе точно не надо помочь?
- Точно.

Они торопливо целуются. Баби закрывает дверь, Стэп спускается. Оглядывается. Никого. Садится на мотоцикл, заводит мотор. Но тут из-за спины вылетает машина со всей компанией. В ночи взмывается хор голосов: «Нянька, нянька, нянька – молодец!» и аплодисменты. Стэп спрыгивает с мотоцикла и несется за Полло.

– А чего на меня-то?! Это все Луконе!

– Урою, говнюк!

– Ты там все равно ничего не делал, только сопли по столу размазывал!

Бегут дальше по улице, издали доносится смех остальных дружков, из окон выглядывают сонные жильцы.

Баби собирает осколки лампы, выбрасывает их в мусорное ведро, подметает пол, чистит пятно на диване. Наконец, устало выпрямившись, оглядывает комнату. Что ж, могло быть и хуже. Скажу, что лампу я уронила, когда играла с Джулио. А уж он меня не выдаст. Спит, укуренный, без задних ног.

На следующее утро Стэп, проснувшись, идет в спортзал. Но не тренироваться. Он кого-то ищет. И находит. Его зовут Джорджо. Это паренек лет пятнадцати, который бесконечно восхищается Стэпом. Он такой не один. Все приятели Джорджо смотрят на Стэпа как на божество, он их миф, их идол. Они знают всё, что с и им происходило, всё, что о нем рассказывают и старательно поддерживают легенду о своем божестве. Джорджо – преданный поклонник. Он единственный, кому Стэп может поручить такое дело, не боясь при этом быть осмеянным. В том числе и потому, что там, где не хватит восхищения, в дело вступит ужас.

И вот Джорджо в школе Фальконьери. По стеночке, крадучись, обходит коридоры и просачивается в 3 «б» – в класс, где учится Баби. Урок проводит Джаччи, но она почему-то молчит. Баби онемела от удивления. На парту ложится огромный букет алых роз. Улыбаясь, она читает записку: *«Мои друзья, конечно, просто кошмар, но обещаю тебе, что сегодня вечером на ужине у меня дома мы будем только вдвоем. Тот, кому все равно».*

Новость тут же облетела всю школу. Такого еще не случилось ни с кем. А когда Баби спускается по ступенькам с этим огромным букетом, улетучиваются последние сомнения. И все только о ней и говорят. Даниела чуть не лопается от гордости за сестру. Раффаэлла злится пуще прежнего, и Клаудио получает очередной нагоняй.

Стэп убирает на место сборник комиксов Пациенца, когда в дверь звонят. Это Паллина.

– Сначала я работала сводней, теперь почтальоном... Интересно, что будет дальше?

Стэп смеется, забирает у нее пакетик, и она уходит. В пакете – фартук в розовый цветочек и записка: *«Я согласна, но при условии, что ты будете готовить сам, и лучше всего в моем фартуке. P.S. Я приду только в половине девятого, а то родители засекут».*

Вскоре Стэп уже у брата в офисе.

– Паоло, мне нужно, чтобы сегодня дома никого не было.

– Но я пригласил Мануэлу...

– Ну, пригласи в другой день... Вы все время встречаетесь, а Баби может только сегодня вечером!

– Баби? А кто это? Дочка того типа, что к нам приходил?

– Да, а что?
– Мне показалось, что он был злой. Вы с ним поговорили?
– Конечно. Пошли играть в бильярд и нажрались заодно.
– Нажрались?
– Ну, в общем, это только он нажрался.
– Ты его напоил, что ли?
– Ничего я его не поил. Он сам пил. Да какая разница? Что ты мне по ушам ездешь? Короче, договорились – сегодня вечером ты уходишь.

И, не дожидаясь ответа, выбегает из офиса. Он так захвачен тем, что ему предстоит сделать, что даже не замечает, как ему улыбнулась секретарша Паоло.

Из дома он звонит Полло. Предупреждает его, чтобы тот не звонил, не приходил и в особенности не устраивал бардак.

– Понял? Головой отвечаешь! Даже больше, нашей дружбой. Я серьезно!

Затем он составляет список покупок, идет в супермаркет и покупает все необходимое, даже пачку английского печенья, что так нравится его брату.

К восьми все готово. Он прослушал последний хит американских чартов и хотя не надел фартук Баби, но положил его на стул, чтобы в нужный момент соврать. Окидывает взглядом дело рук своих. Карпаччо с руколой. Салат с авокадо. И фруктовый салат, приправленный вишневым ликером. Нахлынули воспоминания. Как часто он ел в детстве такой салат... Но он не расстроился. Он счастлив. Это его вечер, и никто не посмеет его порушить! Удовлетворенно оглядывает стол, поправляет скатерть. Да, он отличный повар, только вот не знает, что вилки кладут с другой стороны.

Стэп начинает бегать по дому туда-сюда. То вымоет руки, то посидит на диване. То покурит, то глянет в телевизор. Чистит зубы. Пятнадцать минут девятого. Время, кажется, ползет еле-еле. Через пятнадцать минут она придет, мы поужинаем, поговорим о чем-нибудь. Посидим на диване, нам никто не помешает... Потом пойдем ко мне в комнату и... Нет, Баби не согласится. Слишком рано. А может, и согласится. Для такого не бывает никакого рано. Они вместе еще так недолго... но, может, это все же случится? Ему вспоминается песня Баттисти: «Легко сумасбродство коснулось души моей, проигрыватель и приглушенный свет, а затем... Шампанское во льду и любовное приключение...» О черт! Вот что я забыл! Шампанское! Совсем из головы вылетело! Стэп бежит на кухню, открывает все ящики и шкафы. Нет, не повезло. Есть только «Пино-Гри». Ставит

бутылку в холодильник. Все же лучше, чем ничего. И тут звонит мобильник. Это Баби.

– Я не приду, – голос холодный, усталый.

– Почему? Я все приготовил. Даже твой фартук надел, – врет Стэп.

– Звонила синьора Мариани. У нее пропало кольцо, золотое с бриллиантами. И она думает, что это я. Не звони мне больше.

Баби кладет трубку. Стэп бежит к Полло.

– Какого хера?! Ты вообще соображаешь? Друзья, блин, хреновы.

– Да ладно тебе, Стэп. Сколько раз мы приходили и брали всякий хлам – почти на каждой вечеринке.

– Но не в доме девушки одного из нас!

– Но это же не дом Баби...

– Но мы туда попали с ее помощью. Так, говори мне, кто там был... – Стэп берет листочек, яростно ищет ручку. – Чем бы записать...

– Не надо. Я и так знаю, кто спер кольцо.

– И кто?

Полло называет имя. Стэп все бы отдал, только чтобы не слышать его. Это Сицилиец.

Стэп несется на мотоцикле. Полло с ним нет. Это касается только его и Сицилийца. И никого больше.

Улыбка Сицилийца не предвещает ничего хорошего.

– Привет. Значит так, ссориться я не хочу.

В лицо ему летит кулак. Стэпа качнуло назад. Он не ожидал такого. Мотает головой, чтобы очухаться. Сицилиец кидается на него. Стэп пинками останавливает противника. Переводя дух, вспоминает про ужин, про фартук в цветочек. Про то, каким мог быть этот вечер. Спокойным, домашним, в объятиях любимой девушки. Но увы. Сейчас перед ним Сицилиец в боевой позиции. Обеими руками делает ему знак подойти.

– Ну, давай, иди сюда.

Стэп качает головой и глубоко вздыхает.

– Хрен его знает, почему, но мои мечты никогда не сбываются.

Сицилиец бросается на него. Но Стэп готов, он отклоняется и бьет его прямым в голову. Под кулаком сминается нос, трещит мягкий хрящ. Разбиты брови. Стэп видит, как исказилось его лицо, как кровь стекает по нижней губе. Он видит ухмылку Сицилийца и понимает, как все же это будет непросто.

Баби сидит на диване. Неохотно потягивает розовый чай. В дверь звонят.

– Кто там?

– Это я.

Перед нею Стэп. Волосы взъерошены, рубашка порвана, правая бровь все еще кровоточит.

– Что с тобой?

– Ничего. Я вот что нашел... – вскидывает он правую руку. Золотое кольцо синьоры Мариани поблескивает в полумраке лестницы. – Теперь ты можешь пойти поужинать?

Вернув кольцо и, разумеется, лишившись места няньки, Баби едет вместе со Стэпом к нему домой. Открывают дверь и получают невероятный сюрприз. За романтически освещенным свечой столиком посередине гостиной восседает Мануэла. Из кухни выходит Паоло. В руках у него приготовленный Стэпом фруктовый салат, и, вдобавок ко всему, на нем подаренный Баби фартук в цветочках.

– Привет. Ты извини... я звонил, никто не брал трубку. Мы пришли, подождали еще немножко, было уже десять. Ну мы и решили, что вы уже не появитесь. И поужинали. Все нормально, так ведь?

В ожидании поддержки он бросает взгляд на Мануэлу, та кивает и улыбается. Стэп смотрит ей в тарелку. Там еще осталось немного салата с авокадо.

– Ну, вы уже поели. И как вам ужин? Вкусно?

– Ужасно вкусно, – вроде бы Мануэла искренна. И тут же она умолкает, сообразив, что вопрос был из разряда риторических.

– Дай-ка мне машину, Паоло. Поедем, поужинаем где-нибудь.

Паоло ставит салат на стол.

– Но я не...

– Чего «не»? Ты все съел, сожрал салат, который я целый день готовил вот этими вот руками, и еще выеживаешься?!

Паоло вынимает из кармана ключи и роняет их в руки брата, робко добавив:

– Только осторожнее на дороге...

Стэп поворачивается, чтобы уйти.

– Кстати, я тебе купил английского печенья. Если ли захочется чего-нибудь на десерт, посмотри в шкафчике на кухне.

Паоло вымученно улыбается, но все мысли его прикованы к Golf цвета серый металлик, и к тому, что с ним может случиться.

Стэп и Баби едут поест горячих блинчиков в «Пирамиде». В них бродит пиво, и поэтому они отвергают идею вернуться к Стэпу домой. Баби не хочет, потому что там его брат. Стэп, кляня Паоло и его мадам

последними словами, сворачивает налево, к Джаниколо. Они останавливаются на поляне у садов, среди других машин со стеклами, запотевшими от любви, среди страсти, не нашедшей приюта, среди торопливого удовлетворения в полевых условиях. Перед ними засыпает город.

Сидя верхом на стене, какие-то парни поглощают порции незаконной мгновенной радости. Стэп меняет радиостанцию. 92.70. Радио для влюбленных. Тянется к Баби и целует ее. Потихоньку ложится на нее. Невзирая на боль в ушибленном плече, в груди, под ребрами от ударов Сицилийца. Отчаянное желание врачует синяки. Страстные поцелуи преодолевают все неудобства. Ручник не движется с места, неудобно торчит подголовник. Как пахнет ее кожа, какая она мягкая! Дыхание сбивается от возбуждения. Он снова пробует опустить сиденье. Не получается – заблокировано. Правой рукой он прокручивает ролик, а ногой опирается в приборную панель и давит что есть силы. Крак – что-то трещит. Спинка падает, и они вместе с нею, смеясь, не думая ни о чем, и меньше всего о Паоло, о том, как у него вытянется лицо, о его драгоценной машине. Они расстегивают друг другу джинсы – кто быстрее, это почти поединок, только поединок чувств. Баби нерешительно останавливается, она еще так неопытна, не знает, что делать дальше. Закрыв глаза, она тесно прижимается к нему и наслаждается его победой.

Но, заметив, что Стэп собирается пойти дальше, она его останавливает.

– Что ты делаешь?

– Ничего, я только попробовал.

Баби несколько раздраженно отстраняется.

– Что, прямо в машине? Я хочу, чтобы в первый раз все было красиво, романтично, чтобы вокруг были цветы, луна...

– Луна и так есть, – Стэп приоткрывает люк. – За облаками, конечно, но есть. И принюхайся... – Он втягивает воздух. – Кругом пахнет цветами. Чего еще надо. И место романтическое. И радио играет песни о любви. Все прекрасно!

Баби смеется.

– Я другое имела в виду, – смотрит она на часы. – Ой, уже поздно! Если предки вернутся, они меня опять дома засадят. Давай домой побыстрее.

Натягивают джинсы, пытаются поставить на место сиденье Баби. Безуспешно. Так и уезжают, смеясь, со сломанным сиденьем. Каждый раз, когда машина газует, Баби летит назад. Интересно, что скажет братец? Ну и

вечерок... и закончился он смешно, а не трагично. Провожает Баби до дверей, прощается с ней. Летит в ночи, наслаждаясь романтическим воздержанием и ароматом ее дыхания в ладонях.

– Куда ты подевался? Я целый час жду, мне же надо проводить Мануэлу!

Паоло и так раздражен. Страшно представить, что с ним станет, если рассказать про сиденье.

– Мог взять мой мотоцикл, все равно все время берешь мои вещи.

Паоло даже не улыбается и скрывается в гостиной вместе с Мануэлой. Стэп уходит в спальню, раздевается и забирается в постель. Гасит свет. Он совершенно разбит.

Баби с классом на Фреджене да Мастино. Они отмечают сто дней до выпуска. Недавно подкрепились и теперь гуляют по пляжу. Несколько девочек играют в кражу знамени. Баби сидит на катамаране, болтает с Паллиной. И вдруг замечает его. Он, улыбаясь своей характерной улыбочкой, направляется к ней. Он в темных очках и в той самой куртке. Сердце у Баби подпрыгнуло. Паллина не оставила этого без внимания.

– Эй, только без паники!

Баби, улыбнувшись ей, бежит к Стэпу. Уходит с ним, не спросив, как он ее нашел, куда увезет. Рассеянно прощается с подружками. Они оставляют игру и провожают ее взглядами. Они завидуют, они мечтают и ничего так не желают, как быть на ее месте. Чтобы их обнимал такой потрясный парень. Девочка в центре выкрикивает: «Номер... семь!» Две из них бросаются к ней, увязая в песке. Останавливаются друг против друга, расставив руки, глядя в глаза, с улыбкой бросая вызов, улавливая малейшие поползновения, при поддержке всех товарок. На минуту белый носовой платок, повисший в воздухе, становится средоточием всех их мыслей.

Встав у мотоцикла, Баби с любопытством глядит на него:

– Куда мы поедем?

– Это сюрприз, – Стэп становится у нее за спиной, вытаскивает из кармана синюю, у нее же украденную бандану и завязывает ей глаза.

– Чур, не подглядывать... А то все испортишь.

Она, смеясь, поправляет повязку.

– Какой знакомый платочек...

Отдает ему один наушник от плеера, и они, обнявшись, уносятся под Тициано Ферро.

Позже... Баби вытянулась позади него, прижалась щекой и повязкой к его спине. Она словно летит, свежий ветер раздувает ее волосы, приносит с собой аромат дрока. Сколько они уже едут? Она пытается посчитать по тому, сколько песен они уже прослушали. Выходит, что почти час. «Куда мы едем, интересно?»

– Еще долго?

– Почти приехали. Ты там не подглядываешь?

– Нет.

Баби улыбается и снова прижимается к нему. Влюбленная. Он потихоньку снижает скорость, сворачивает направо и едет в горку.

Интересно, она догадалась?

– Ну вот, приехали. Нет, погоди, не снимай бандану. Жди меня тут.

Баби силится понять, где же они. День клонится к вечеру. Издалека доносится какой-то приглушенный, монотонный шум, но что это за шум – непонятно. И вдруг – звук, куда громче, будто что-то разбилось.

– Я тут, – Стэп берет ее за руку.

– Что случилось?

– Ничего. Иди за мной.

Баби робко следует за ним. Ветра больше нет, воздух стал холоднее, и почему-то он более влажный. Она обо что-то спотыкается.

– Ай!

– Тут нет ничего.

– Как это нет – а моя нога?

Стэп смеется.

– Вечно ты хнычешь. Стой тут, никуда не уходи, – он отходит.

Рука Баби одиноко повисает в пустоте.

– Не уходи...

– Я рядом, я с тобой.

Громкий звук повторяется. Он явно механического происхождения и какой-то деревянный. Да это же сворачивают жалюзи. Стэп нежно стягивает с нее бандану. Баби открывает глаза и видит.

Перед нею сияет закатное море. Теплое алое солнце будто улыбается. Она в доме. Выходит наружу, к поднятым ставням, на террасу. Внизу справа раскинулся пляж, где они впервые поцеловались. Вдалеке ее любимые холмы, море, незнакомые утесы Порт-Эрколе. Мимо с приветственным кликом пролетает чайка. Баби восхищенно оглядывается. Серебрится море, сияет желтым дрок, темно зеленеют кусты. Это тот самый одинокий дом в скалах. Дом ее мечты. И она здесь, с ним, и это не сон. Стэп обнимает ее.

– Ты счастлива?

Она кивает. И открывает глаза. Взгляд затуманен светлыми слезами, сверкает любовью. Стэп глядит ей в глаза.

– Что ты?

– Мне страшно.

– Почему?

– Я боюсь, что больше никогда не буду так счастлива...

Голова у нее кружится от любви, и она целует его снова и снова, поддавшись обаянию и теплу заката.

– Пойдем в дом.

Они обходят незнакомый дом, открывают неведомые комнаты, придумывают каждой комнате историю, воображают, кто бы мог тут жить.

Они поднимают все ставни, находят музыкальный центр и включают его. «Тут тоже есть то самое радио для влюбленных». И оба смеются. Бродят по дому, заглядывают во все ящики, открывают секреты, счастливые от того, что наконец они вместе. Разойдясь в разные стороны, то и дело окликают друг друга показать любую найденную мелочь, все кажется им волшебным, важным, невероятным.

Стэп снимает с мотоцикла сумку и уносит ее в дом. Зовет Баби. Та входит в комнату. Из огромного окна открывается вид на море. Солнце как будто подмигивает, скрываясь в тишине за далеким горизонтом. Виднеющийся краешек красит розовым пышные облака на небосклоне. Последний сонный отблеск скользит по дорожке на волнах. Перелетев через море, угасает на стенах дома, в волосах, на свежестеленных простынях.

– Вот, купил специально для тебя, нравится?

Баби не отвечает. Она оглядывается. Рядом с кроватью в вазе стоит букетик алых роз. Стэп притворяется, будто хочет его выбросить.

– Честное слово, я их не на светофоре купил!

Открывает сумку.

– Вуаля!

Внутри куча полурастаявшего льда и несколько уцелевших кубиков. Стэп достает бутылку шампанского и два бокала, завернутых в газету.

– Чтоб не разбились, – поясняет он.

Из кармана куртки он извлекает маленькое радио.

– Я не знал, будет тут радио или нет.

Включает радио, настраивает на ту же волну, что и музыкальный центр, и ставит на ночной столик.

По комнате эхом разносится песня «Сколько ночей...»

– Как специально... Хотя солнце еще не село.

Стэп подходит к ней, обнимает, целует. Баби от невыразимого счастья забывает обо всем, забывает все свои страхи, предположения, всю застенчивость. Мало-помалу он раздевает ее, а она его. Она впервые полностью обнажена в его объятиях. Последний луч из-за моря робко падает на их тела. В небе замерцала первая любопытная звездочка. Море ласк, отдаленный шум прибоя, крики сумасшедшей чайки – и вот это случилось.

Стэп нежно скользит по ее коже. Утонувшая в нежности Баби открывает глаза. Стэп вглядывается ей в лицо. Вроде бы не боится.

Улыбнувшись ей, он успокаивающе проводит рукой по ее волосам. Из маленького радио хлынула, а затем и разнеслась по всему дому Beautiful. Они этого даже не заметили. Они не знают еще, что это будет их песня. Закрыть глаза, задержать дыхание, в плену невозможного чувства, боли любви, волшебства – принадлежать ему навечно. Запрокинуть голову, глубокий вздох, руки вцепляются ему в плечи, сжимают в объятиях. Легче, нежнее – и он скользит дальше. «Твоя».

Открыть глаза. Он в ней. Улыбаясь от переполняющей его любви, покрывает ее лицо поцелуями. Но ее больше нет. Та девочка с испуганными голубыми глазами, со столькими сомнениями и страхами исчезла. Ее, помнится, с самого детства очаровывали бабочки. Кокон, гусеничка вдруг расцветает тысячью красок и взмывает к небесам. Она чувствует себя совсем другой. Только что родившаяся в объятиях Стэпа юная нежная бабочка. Баби обнимает его, с улыбкой глядя ему в глаза. И целует – свежо, нежно, страстно. Теперь целует как женщина.

Потом, вытянувшись на простынях, он перебирает ей волосы, а она прижимает его голову к груди.

- У меня вышло не очень, да?
- Ну что ты... Все было чудесно.
- Но я же ничего не умею. Научи меня.
- Ты лучше всех. Пойдем.

Ванну они тоже принимают обнявшись. Весело болтая, потягивают шампанское, голова кружится от любви. Сходя с ума от страсти, любят друг друга снова. На этот раз без всякого страха, в едином порыве, едином желании. Теперь ей нравится больше – легче махать крыльями, теперь она не боится летать и понимает, какое это счастье – быть юной бабочкой.

Потом они берут халаты и спускаются на дикий пляж. Смеясь, придумывают, что бы могли значить непонятные цифры, вышитые на груди. Посоревновавшись, кто выдумает интереснее, бросают халаты на камни.

Баби пропускает его вперед и ныряет второй. Они плывут в прохладной соленой воде, по лунной дорожке, покачиваются на волнах, то и дело обнимаются, брызгаются, отталкивают друг друга, чтобы обнять снова, снова почувствовать вкус моря и шампанского на губах. Потом, сидя на камнях, завернувшись в халаты (Амарильдо и Зигфрида – вот что они придумали), смотрят задумчиво на мириады звезд, на луну, на ночь, на темное тихое море.

- Как тут красиво...
- Это же твой дом, да?

- Ты с ума сошел!
- Знаю.
- Я счастлива. Мне никогда-никогда не было так хорошо. А тебе?
- Мне? – обнимает ее крепче Стэп, – мне просто прекрасно.
- Кажется, что можно достать до неба.
- Нет, даже не так.
- Как же тогда?
- Выше. Три метра над небом.

На другой день Баби просыпается и, пока под душем из волос вымываются последние крупинки соли, счастливая, вспоминает прошедший вечер.

Она завтракает, прощается с матерью и садится в машину вместе с Даниелой. Она едет в школу, как и всегда. Отец останавливается на светофоре под мостом корсо Франча. Баби еще толком не проснулась, взгляд рассеян. И тут она видит ее. И не верит своим глазам. Высоко, выше всех других, на белой опоре моста, над всем царит несмываемая надпись. На холодном, голубом, как ее глаза, мраморе, прекрасная, как и мечталось. Сердце отчаянно заколотилось. Кажется, что его слышат все, и все, как она сейчас, смогут прочесть эти слова. Там, высоко, недостижимые. Там, куда забираются только влюбленные: «Ты и я... Три метра над небесами».

24 декабря.

Он уже встал. Вообще-то он и не спал. Играет радио. Рамина Пауэр – «Кто живет, тот помнит». О чем тут помнить? У него болит голова и глаза. Он поворачивается на другой бок.

Из кухни доносится шум. Брат готовит завтрак. Он смотрит на часы. Девять. Интересно, куда это Паоло собрался в Сочельник, да еще в такую рань? Бывают же люди – вечно у них дела, даже в праздники. Хлопает дверь. Ушел. Стало полегче. Нужно было остаться одному. И тут его охватило какое-то неприятное чувство. А вот этого совсем не нужно. Он один. И от этого ему еще хуже. Есть не хочется, спать не хочется, делать ничего не хочется. Только лежать на животе. Лежать и лежать. Он вспоминает счастливые дни в этой самой комнате.

Стэп поворачивается в постели, глядит на потолок. А как не хотелось одеваться и провожать ее домой. И как они молча садились рядышком на постели и одевались, передавая друг другу предметы одежды. Улыбка, поцелуй – она натягивает юбку – болтают, обуваясь. Радио оставляют включенным до возвращения.

Где она сейчас? И почему?

Сердце сжалось.

Перед праздником, когда приводишь комнату в порядок, кому-то становится весело, а кому-то – грустно. А вот как привести в порядок мысли?

– Дани, тебе это нужно? А то выброшу.

Даниела бросает взгляд на сестру. Баби стоит в дверях с синей курткой в руках.

– Нет.

Раффаэлла берет с кровати пару тряпок.

– Бедным отдам. Сегодня наверняка придут забирать. Может, потом сходим куда-нибудь?

– Я еще не знаю, мам, – слегка краснеет Баби.

– Ну хорошо, хорошо, не волнуйся так.

Раффаэлла, улыбнувшись, выходит из комнаты. Баби открывает еще пару ящиков. Ей хорошо. Наконец-то у них с матерью мир и согласие. Даже странно. Ведь они шесть месяцев ссорились. Она вспоминает, как

закончился судебный процесс. Она вышла, а мать побежала за ней.

– Ты с ума сошла, почему ты не сказала, как все было? Почему не сказала, что этот негодяй напал на Аккадо без всякой причины?

– Я сказала все как было. Стэп невиновен. Он вообще ни при чем. Что вы вообще об этом знаете? Что он тогда чувствовал? Вы не умеете оправдывать, вы не умеете прощать. Вы умеете только судить! Вы решаете за своих детей, как им жить, придумываете им жизнь! И даже знать не хотите, что мы об этом думаем! Для вас жизнь – это как игра в карты, все, что кажется вам непонятным – просто ненужная карта, которую надо сбросить. Вы не знаете, что с ней делать, она жжет вам руки. И вам совершенно не интересно, как так случилось, что он стал хулиганом, наркоманом, вас вообще не волнует, это же не ваш сын, вас это не касается. А вот теперь тебя, мамочка, это касается, потому что это твоя дочь связалась с неподходящим парнем, который не думает о шестнадцатилетнем GTI, о часах Daytona или о том, как бы поехать на Сардинию. Да, он преступник, но он стал таким потому, что не знает, как объяснить, потому, что ему слишком много ввали, потому, что он умеет ответить только так.

– Что ты несешь? Глупости какие-то... ты что, совсем не соображаешь? Как ты себя ведешь? Ты врунья, ты солгала на виду у всех.

– Да плевать я хотела на твоих друзей! Плевать мне на то, что они там подумают и что решат. Вы все время говорите про людей, которые сами себя сделали, которые всего добились... А чего они добились? Что они делают? Деньги, все время только деньги. Они не общаются с детьми. И на самом деле им плевать на то, чем их дети занимаются и от чего страдают. Вам вообще на нас насрать!

Раффаэлла влепляет ей пощечину. Баби улыбается, прижав руку к щеке.

– А я нарочно так сказала, ты что, не поняла? Дала ты мне пощечину – и вроде совесть успокоилась. Можно дальше болтать с подругами за карточным столом. Дочку, типа, воспитала. Дочка знает, что хорошо, а что плохо. Знает, что нельзя ругаться и надо прилично себя вести. Но ты не видишь, что ты смешна, что над тобой можно только посмеяться! Ты водишь меня к мессе по воскресеньям, но когда я веду себя по Евангелию – это, оказывается, не так, неправильно! Я люблю ближних, я привожу в дом парня, а он не встает, когда тыходишь, или там не умеет себя за столом вести – и ты кривишь рот! Для вас нужно отдельные церкви строить, отдельное Евангелие, по которому не все спасутся, а только те, кто не сидит за столом в шапке, не ставит фамилию перед именем, те, у кого ты знаешь

родителей, красивые, загорелые, одетые, как вы им велели. Вы просто клоуны, и больше никто!

Баби уходит. Раффаэлла смотрит ей вслед, видит, как та садится на мотоцикл Стэпа и уезжает с ним.

Сколько воды утекло. Сколько всего изменилось. Баби вздыхает и открывает следующий ящик.

Бедная мама, сколько ей пришлось из-за меня вынести. В сущности, она была права. А я поняла это только сейчас. Но это еще не самое важное в жизни. Укладывает дальше вещи. Но ничего более важного ей в голову не приходит. Может, потому, что удобнее не думать, а может, потому, что такого важного и вовсе нет. Вот угрызения совести или бюстгальтер, над которым он посмеялся.

– Ты сегодня такая соблазнительная...

Восемнадцатилетие в Анседонии. В десять вечера – рев мотоциклов. Все гости выбежали на террасу. Наконец-то есть о чем поговорить. Приехали Стэп, Полло и прочая банда. Входят, смеясь, такие наглые, такие уверенные, оглядываются – приятели ищут девочек на потрахаться, а он ищет ее.

Баби бежит ему навстречу, бросается в объятия, тает от нежного «поздравляю, солнышко» и нахального поцелуя в губы.

– Не надо, родители же...

– Знаю, потому и целую! Пойдем со мной...

Они сбежали после торта со свечками и подаренных родителями Rolex. Она уносится вслед за его веселыми глазами, заманчивыми предложениями, быстрым мотоциклом. Прочь, вниз по спуску, к ночному морю, к аромату дрока, прочь от нудных гостей, от презрительного взгляда Раффаэллы, от расстроенного взгляда Клаудио – он так хотел потанцевать вальс с дочкой, этого хотят все отцы.

Но ее больше нет, она далеко. Юная, но уже совершеннолетняя, она плывет по его поцелуям, по мягким соленым волнам, под романтической луной, посреди их молодой любви.

– Вот, это тебе.

На ее шее сияет золотое кольцо с бирюзой, сияет так же, как ее глаза от счастья. Баби улыбается ему, а он тем временем пытается ее успокоить:

– Клянусь, что я его не крал.

Ночь перед экзаменом. Смеяться некогда, надо сидеть допоздна, повторять. Бесконечные предположения, тайные подсказки. Все уверены, что знают, какая выпадет тема. Названивают друг другу, уверенные, что тут-то уж им скажут точно.

Баби получила сто баллов. Счастливая, она мчится к Стэпу, в возбуждении от такой оценки. Он смеется и подшучивает над ней.

– Теперь ты взрослая... выросла моя рыбка.

Смеясь, раздевает ее, прикалывается, кажется, что он знал, он предвидел эту оценку. Они занимаются любовью. И наконец ей удастся отомстить:

– Ты даже и мечтать о таком не мог! У тебя было каких-то семьдесят баллов, а у меня целых сто. Да это большая честь – целовать меня. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло?

Он улыбается ей.-

– Конечно, понимаю, – и молча прижимает ее к себе.

Вскоре после этого Баби пошла навестить Джаччи. После всех трений учительница наконец стала довольно милой. Стала относиться к ней хорошо, предупредительно, может быть, даже чересчур уважительно. В тот день, придя к ней, Баби поняла почему.

Уважение обернулось страхом. Страхом остаться одной, лишиться единственного друга и единственной компании. Страхом не увидеть больше своей собачки, страхом одиночества. Баби лишилась дара речи. Она молчала в ответ на вспышку ярости, злобы, на ругань. Джаччи стояла перед ней, держа на руках Пепито. Эта немолодая дама выглядела еще более усталой, еще более желчной, еще более разочарованной в мире и нынешней молодости. Баби, извиняясь, сбежала, не зная, что ей сказать, не понимая, кто она сама, кто тот, что с нею рядом, и какую оценку она заслужила на самом деле.

Баби подходит к окну и выглядывает на улицу. На террасах и в гостиных дома напротив мигают рождественские елки. Рождество. «Надо быть добрее. Надо бы ему позвонить. Но сколько уж раз я была доброй и хорошей. Сколько раз прощала его. И за Джаччи в том числе. Сколько раз мы спорили, мы ведь так по-разному все понимали, сколько раз ругались, а потом нежно мирились, надеясь, что все изменится к лучшему». Но этого так и не случилось. Спор за спором, день за днем, война с родителями, тайные звонки по ночам. Мать снимает трубку, Стэп кладет. А мобильный дома не ловит сеть, какая жалость. И ее все чаще наказывают... В тот раз Раффаэлла устраивала дома званый ужин, так что ей пришлось остаться. Мама назвала всякой приличной публики, сына одного из их друзей, очень обеспеченных, кстати. Как же, хорошая партия. А потом явился Стэп. Даниела без задней мысли открыла дверь, не спросила, кто там. Стэп распахнул дверь так, что случайно попал ей по голове.

– Ой, Дани, прости, я не хотел!

Взял Баби за руку и уволок. Напрасно вопила Раффаэлла, напрасно «хорошая партия» пытался его остановить. В результате парень очутился на полу с разбитой губой. А она, Баби, плача, уснула в объятиях Стэпа..

– Как все сложно... Я хочу уехать с тобой куда-нибудь далеко-далеко, туда, где тихо и спокойно, от проблем, от родителей, от всего этого бардака.

Он улыбнулся ей.

– Не плачь. Я знаю место, где нам никто не помешает. Мы там часто бывали, стоит только захотеть...

Баби смотрит на него глазами, полными надежды:

– И где же это?

– Три метра над небесами, там, где живут влюбленные.

Но на следующий день она вернулась домой, и тут-то все и началось. А может, и кончилось.

Баби стала учиться в университете, на факультете экономики и торговли. Целые дни она проводила за книгами. Они стали видаться реже. И вот однажды они встретились днем. Пошли к Джованни выпить по коктейлю. Болтали на крылечке, как вдруг, откуда ни возьмись, вылетели двое кошмарных типов. Стэп даже не успел ничего сообразить, как они набросились на него. Зажав его с двух сторон, осыпали градом ударов, по очереди били кулаком по голове, страшно, до крови, но строго последовательно. Баби закричала. Стэпу наконец удалось вырваться. Те двое на тюнингованных Vespa скрылись в потоке машин. Стэп, оглушенный, так и остался лежать на земле. Потом поднялся с помощью Баби. Бумажными платочками попытался унять кровь из носа, перемазавшую футболку. Проводил Баби домой, оба молчали, не находя слов. Он сказал, что это из-за одной давней драки, тогда они еще не были вместе. Она поверила ему, ну, или хотела поверить. Когда Раффаэлла увидела ее на пороге, в блузке, перепачканной кровью, тут же накинулась на нее.

– Да что же это такое! Ты ранена? Что вообще произошло? Как ты не понимаешь, что все это плохо кончится?

Баби ушла к себе в комнату, молча переоделась. И так там и осталась, одна, растянувшись на кровати. Что-то пошло не так, это понятно. Что-то должно было измениться. А это не так-то просто, это вам не блузку снять и кинуть в корзину с грязным бельем. Через несколько дней она встретилась со Стэпом. На лице у него появилась еще одна рана. Шов над бровью.

– Что с тобой?

– Я не включил свет в коридоре, чтобы Паоло не будить. И врезался в

угол. Жуть как больно, что-то зверское.

Как и то, что он на самом деле сотворил. Правду она узнала случайно, от Паллины по телефону. Они пошли в квартал Таленти, нагрузившись в «Американском Дядюшке». С битами, цепями, и Стэп их возглавлял. Огромное сражение, настоящая вендетта. Об этом даже написали в газетах. Баби в ужасе. С ним бесполезно спорить, он всегда поступает как хочет, по-своему. Упрямый он. Она же ему тысячу раз говорила, что ненавидит насилие, драки, уличные банды.

Она приводит в порядок полки, выбрасывает какие-то тетрадки, безучастно швыряет их прямо на ковер. Тетради за прошлые годы, лицейские конспекты, старые книжки.

– Что будем делать сегодня вечером? Может, пойдем на гонки? Туда все идут.

– Издеваешься, что ли? Ни за что! Я туда больше ни ногой. А то припрется туда эта свихнутая сучка, и мне опять придется ее побить. Приходи к нам после ужина, если хочешь.

Стэп надел синий пиджак. Сидел, не вставая, на диване, оглядывался, прислушивался, пытаясь хоть как-то развлечь себя, но безуспешно. Он всегда ненавидел подобные сборища. Накушался по самое горло – все рушить, с наслаждением обчищать всей кодлой спальни, швыряя вещи на пол. Кодла. Интересно, где они сейчас? На гонках, задирая переднее колесо на сто сорок градусов, друзья болеют, Сика собирает ставки, «ромашки», Чиччо и все прочие. Ну и отстойный же вечер. Встречается взглядом с Баби. Улыбается ей. Она раздражена: ясно, что у него на уме.

Баби дотягивается до самой верхней книги. И вспоминает, как все это было.

Надрывается домофон. Хозяйка бежит через гостиную, дверь открывается, на пороге рыдает Паллина.

Страшная ночь. Лучше не думать. Она собирает брошенные на пол книги. Кладет их на стол, нагибается снова – и видит его. Светлый, желтый, высохший, выцветший, как воспоминания. Рассыпавшийся на темном ковре, уже давно безжизненный. Она положила этот колосок в дневник, когда первый раз сбежала с уроков со Стэпом. В то утро ветер нес с собой дыхание лета, губы пахли кожей, а кожа пахла солнцем. Первая любовь. Как же она верила, что другой уже больше никогда не будет! Баби подбирает колосок. Он прахом рассыпается в пальцах, как прежние мысли, как туманные мечты и не сдержанные обещания.

Стэп смотрит на кофейник на плите. Кофе еще не кипит. Он прибавляет огонь. Рядом с ним кучка пепла и последний кусочек

пожелтевшей бумаги. Его любимые рисунки, комиксы Андреа Пациенца. Оригиналы. Он украл их в редакции новой газеты «Дзут», когда Андреа был еще жив и как раз сотрудничал с ними. Однажды ночью он высадил локтем стекло и влез туда. Все было очень просто, он взял только комиксы про Падза и шмыгнул к двери, растворившись в ночи, счастливо прижимая к себе рисунки своего кумира. А вскоре Андреа умер.

Это было в июне. Фотография в газете. Вокруг Андреа вся редакция. Снято, наверное, за пару дней до кражи. Стэп собирает под решеткой обуглившиеся клочки бумаги. Какой это был комикс? Наверное, тот, с лицом Занарди. Впрочем, уже не важно. Он сжег их все тем вечером после телефонного звонка. Стоял и смотрел, как обугливаются краски, как лица героев корчатся в огне, как волшебные фразы неизвестных поэтов развеиваются дымом. Потом пришел брат.

– Ты что делаешь? С ума сошел? Вытяжка же сгорит!

Паоло кинулся сбить слишком высокий огонь, но Стэп его остановил.

– Ты мозгами хоть иногда пользуешься?! Мне же платить придется! Нас вышвырнут из дома!

У Стэпа потемнело в глазах. Он прижал брата к стене у окна. Сжал руками гордо, едва не задушил. С Паоло слетели очки. Упали на пол и разбились. Стэп наконец утихомирился. Отпустил брата. Паоло подобрал разбитые очки и молча ушел. Стэпу стало еще хуже. Он слышал, как хлопнула дверь. А он остался смотреть, как горят рисунки, как языки пламени лижут вытяжку, и ему было так плохо, так больно, как никогда прежде. И как никогда одиноко. Ему вспомнилась песня Баттисти: «Избить человека только за то, что тот был невежлив, и знать, что горит вовсе не эта обида». Да, это правда, так и есть. А у него горит еще сильнее. Потому что избил он брата. Кофе неожиданно с бульканьем вскипел, будто тоже хотел что-то сказать. Стэп налил себе кофе и отпил. Во рту остался теплый горький вкус, вкус отвергнутых сердцем воспоминаний.

Сентябрь. Родители Баби решили отправить ее в Лондон. Они договорились с матерью Паллины – пора спасать дочек от неподходящих знакомств.

Требовалось немного. План продуман был превосходно. Сбегать к приятелю в полицию. Новые паспорта. На борт чартерного рейса до Англии поднялись двое, но на билетах, которые поменяли несколько дней назад, значились другие имена. Полло и Паллина.

Эти пятнадцать дней они все никогда не забудут. Родители Баби, обманутые, счастливые и наконец-то успокоившиеся. Полло и Паллина, гулявшие по Лондону, по пабам, по клубам и отправлявшие всем открытки,

купленные в «Лай-он Бук» в Риме, английские открытки, уже подписанные Баби. И она сама со Стэпом, вдали от всех на греческом острове Астипалея. Незабываемое путешествие. На мотоцикле до Бриндизи, потом на пароме, обнявшись под звездами, лежа на палубе на разноцветных мешках с шерстью. Распевать с иностранцами английские песни, совершенствуя произношение, только не так, как хотели родители. Потом – белые мельницы, козы, скалы, маленький домик у моря. Рыбачить на заре, спать до полудня, гулять по ночам, шататься по пляжу. Властелины места и времени, одни, они считали звезды, теряли счет дням и ввали по телефону.

Стэп отпивает еще кофе. Он кажется еще более горьким. Стэп смеется. В тот раз Баби пригласила его друзей на ужин. Пыталась ввести их в дом. Те сидели за столом и вели себя довольно прилично, как и требовал от них Стэп. Но в конце концов они все же не устояли. Один за другим поднимались, брали тарелки, жадно глотали пиво и шли в гостиную. Никогда не приглашай гостей по средам. Особенно когда идут игры за кубок. Конечно, все закончилось плохо. «Рома» продула, болельщик «Лацио» начал подкалывать, завязалась драка. Стэпу пришлось вышвырнуть всех. Расхождения, разногласия, трудности. Он пытался пойти ей навстречу. Пошли на маскарад. Нарядились Томом и Джерри, и надо же было такому случиться, что туда явились Полло и все остальные. Шуточки судьбы? Или просто Паллина подсказала? Все сделали вид, что не узнают его. Поздоровались с Баби – голубоглазым малышом Джерри, а Тома будто не заметили, посмеиваясь всякий раз, как мимо проходил этот кот с накачанными мускулами.

На другой день, на площади, Полло, Скелло, Хук и другие подошли к нему с угрожающим видом.

– Слушай, разговор есть. Мы вчера были на вечеринке и видели там Баби.

Стэп смотрел на них, делая вид, что не понимает.

– Ну и?

– Ну, она была одета мышью, а с ней был кот... и он много выделялся. Сука такая. Ходил, будто самый крутой, а все перед ним сынки. Ну и, типа, если тебе надо помочь, ты скажи. А то такой головняк, сам понимаешь. Коты всякие ходят...

Полло не договорил. Стэп кинулся на него, согнул шею рукой и начал охаживать кулаками затылок. Все смеялись, и Полло смеялся, и сам он смеялся. Друзья все-таки.

Вдруг ему становится грустно. Тот вечер. Почему он пошел к Баби, почему? Мог ведь пойти на гонки. Но Баби уж очень просила. Сколько он

ради нее сделал. Может, этого бы не случилось. Может быть.

Надрывается домофон. Хозяйка бежит через гостиную, дверь открывается. В дверях появляется бледная, дрожащая Паллина. В глазах – слезы и страдание. Она смотрит на него, едва сдерживая рыдания.

– Полло погиб.

Обнимает Стэпа, ища в нем того, что больше никто ей дать не сможет. Его друг, ее парень, веселый, звонкий смех. Вместе с Баби на подаренном ей недавно родителями У 10 они поехали на место гонок. Втроем в машине, с еще не выветрившимся запахом новой обивки, к которому примешивались боль и молчание. И вот они увидели его. На то место были направлены все фонари и фары. Его мотоцикл. Ненавистная форма, полицейские машины вокруг Полло, распростертого на земле. Больше он не засмеется, не пошутит, не будет подкалывать Стэпа, не будет нести всякую фигню. Кто-то измеряет что-то рулеткой. Какой-то парень стоит и смотрит. Но никто не увидит и не измерит все, что он потерял. Стэп молча склоняется над Полло, гладит его по лицу. Жест любви, невозможный в годы дружбы. Полло бы не позволил такого. Стэп со слезами шепчет:

– Мне будет плохо без тебя...

Только Бог знал, как искренне он говорил.

Кофе допит. Вдруг ему захотелось послушать, как читают вслух последние новости из «Коррьере делло Спорт», как читает этот неуклюжий тип, который пугал прислугу, приходил и будил его по утрам, который вошел в его жизнь, смеясь и устраивая бардак. Сколько уже он не ел бутербродов с лососем? Давно. С тех самых пор. Но почему-то ему и не хочется. Наверное, потому, что для начала надо, чтобы перед глазами был бутерброд.

Баби смотрит на подарок для Паллины. Вот он, перед ней, завернутый в красную бумагу, перевязанный золотой ленточкой. Она так старательно его выбирала, Паллине должно понравиться. Она отдала за него кучу денег. Но подарок все еще здесь. Баби не звонила ей, они уже давно не созванивались. Паллина так изменилась. Она теперь совсем другая, они не встречаются, им не о чем поговорить. Может, потому, что после окончания лица их пути разошлись. Она пошла на экономику, а Паллина на художественный. Она всегда любила рисовать. Сколько записок она посылала ей на уроках... Карикатуры, острые словечки, комментарии, лица друзей и подруг. Угадай, кто это? Она так хорошо рисовала, что сомнений не возникало. Смотришь на рисунок, поднимаешь голову – и вот она, та девчонка с выступающим подбородком, немножко лопухая и рот до ушей.

И они пересмеиваются через весь класс – одноклассницы и подруги не разлей вода. И по любому поводу они снова вспоминали об этом, радовались, едва не гордились этой радостью, этими улыбками почти в открытую.

И потом тот вечер, и дни за ним, и весь месяц. Повисшее молчание, рыдания. Полло больше нет, а Паллина не может с этим смириться. И вот однажды ей позвонила мать Паллины. Баби помчалась к ним. Паллина лежала на кровати, ее рвало. Она выпила полбутылки виски и проглотила целый пузырек валерьянки. «Самоубийство для бедных», – так сказала ей Баби, когда увидела, что та в состоянии воспринять. Паллина рассмеялась, потом расплакалась в объятиях подруги. Мать в растерянности оставила их вдвоем. Баби гладит Паллину по голове.

– Ну, Паллина, не надо, пожалуйста, у всех бывают тяжелые времена, и каждый когда-то думал о том, чтобы покончить со всем этим одним махом, что жить бессмысленно. Но ты же не забыла рожки у Монди, пиццу у Баффетто и мороженое у Джованни?

Паллина улыбается, утирает слезы ладонью, шмыгает носом.

– Когда меня бросил этот козел Марко, я тоже тогда хотела умереть, думала, что не выдержу, что мне просто незачем больше жить. Но ты меня встряхнула, ты спасла меня, не дала мне совсем закинуть, и я встретила Стэпа. Конечно, теперь мне хочется его убить, но уж лучше так, правда?

Они смеются. Паллина еще всхлипывает, и Баби протягивает ей носовой платок. Но с того дня что-то непоправимо изменилось, что-то надломилось в их дружбе. Они стали реже звонить друг другу, а когда звонили, то с трудом находили темы для разговора.

Может быть, потому, что трудно позвонить другу после того, как он видел тебя в минуту слабости. А может, потому, что мы всегда думаем, будто наша боль – единственная и неповторимая, как и все, что происходит с нами.

Никто не может любить, как я, никто не страдает, как я. Вот эта боль – «ты не поймешь, ведь тебе не больно». Может, Паллина так и не простила ее за то, что она пошла на вечеринку со Стэпом. Ведь если б Стэп был там, он не дал бы Полло участвовать в гонках, Стэп мог бы его спасти, Стэп не дал бы ему погибнуть, Стэп – его ангел-хранитель. Баби упорно смотрит на подарок. А может, были и еще какие-то тайные, невидимые на первый взгляд причины. Все-таки надо ей позвонить. На Рождество надо быть добрее.

– Баби! – Это Раффаэлла.

Звонок Паллине придется отложить.

– Что, мам?

– Подойди на минутку... Посмотри, кто пришел!

В дверях стоит Альфредо.

– Привет.

Баби зарделась. В этом она не переменялась. Она и сама это заметила, здороваясь с Альфредо. Может быть, она навсегда такой останется. Альфредо пытается сгладить ситуацию.

– Тут так тепло.

– Да, – с улыбкой отвечает Баби.

Мать оставляет их одних.

– Хочешь посмотреть вертеп на пьядца дель Пополо?

– Да! Подожди, я что-нибудь накину. Тут тепло... Но на улице, наверное, так холодно.

Они улыбаются друг другу. Он сжимает ей руку. Она заговорщицки смотрит на него. Потом уходит. Как странно – мы столько лет жили в одном доме, а познакомились только недавно.

– Я тут много занимался, как раз сейчас пишу диплом, и расстался со своей девушкой.

– И я.

– Пишешь диплом? – улыбнулся он.

– Нет, рассталась с парнем.

На самом деле Стэп этого еще не знал, но она уже решила. Тяжело ей далось это решение, оно родилось из ссор, из споров, из проблем с родителями, ну и, в конце концов, что тут такого? Альфредо тоже поучаствовал. Баби надевает пальто. Идет по коридору. И тут звонит телефон. Одна трель, другая. Раффаэлла подходит.

– Да?

Баби стоит рядом с ней, взгляд вопрошающий, взволнованный – не ей ли звонят? Раффаэлла незаметно качает головой, прикрывает рукой микрофон.

– Это меня... Иди, ступай.

Баби спокойно прощается с ней, тихо говорит: «Вернусь позже», тихонько целует.

Раффаэлла смотрит, как они уходят, Альфредо вежливо прощается с нею, Раффаэлла отвечает улыбкой. Дверь закрылась.

– Алло? Нет, извините. Баби нет дома. Нет, я не знаю, когда она придет.

Стэп кладет трубку. Ее и в самом деле нет дома? Да и сказали бы ему

вообще правду? Он один сидит на диване рядом с молчащим телефоном и вспоминает, безнадежно вспоминает. Ушедшее счастье, улыбки, дни любви, солнечные дни. Ему представляется: вот она, сидит тут рядом, он ее обнимает – все как прежде.

Минутный обман, неистовые мгновения страсти – и снова одиночество. Теперь ему еще более одиноко, теперь его покинула даже гордость. Потом он идет в толпе, смотрит на машины со счастливыми парочками в праздничной круговерти, сиденья завалены подарками. Улыбается. Как трудно вести машину, когда она прижимается к тебе, пытается дотянуться до педалей, но не получается, одной рукой ведешь, а другой – ласкаешь.

Идет дальше, вокруг санта-клаусы, в воздухе плывет запах жареных каштанов, свистят полицейские, люди обвешаны пакетами, а он ищет ее волосы, ее аромат, – но это другая, она проносится мимо, а он останавливается, чтобы унять разбитое сердце.

Улица Винья Стеллутти. В тот день они много смеялись. Стэп несет ее на руках, как ребенка, целует на глазах у удивленной таким несоответствием публики. Затем вносит в кафе «Евклид», аккуратно сажает на стойку и под взглядами изумленных посетителей заказывает: «Бутылку пива и пирожное с кремом для моей крошки».

Выходят, он так и несет ее на руках, вокруг люди как люди, а она – другая. На них уставилась парочка. Девушка улыбается про себя, ей так хочется, чтобы у нее был такой же парень – безумно влюбленный и выставляющий это напоказ. Но тут же вспоминает о том, что бойфренд у нее хилый, что она так и не села на диету, что с понедельника надо бы взяться...

Родители Баби, увидев, что Стэп несет ее на руках, в тревоге бегут ей навстречу:

– Что с тобой? Ты упала с мотоцикла? Расшиблась?

– Нет, мама, со мной все хорошо...

Кто-то окликает его, но он даже не замечает, что это была красивая девушка. Куда ни кинуть взгляд – повсюду воспоминания. Как они покупали одинаковые футболки – он самого большого размера, а она – маленького.

Лето. Конкурс красоты в Арджентарио. Баби решила для смеху поучаствовать, а он принял слишком близко к сердцу чей-то простосердечный комментарий:

– Ты смотри, какая жопа – обалдеть.

И завязалась драка.

Он улыбается. Его вышибли оттуда, и он так и не увидел, как она победила. Сколько раз он занимался любовью с мисс Арджентарио. По ночам на Вилла Глори, под памятником павшим, на укрытой за кустами скамеечке, над городом. Вздохи и поцелуи под луной. Или в машине – тогда полиция прервала их тайные ласки, и Баби смущенно протянула им документы. А он приветствовал неопасных теперь полицейских веселым «Что, завидно?»

Дыра в сетке. Он по ночам помогал ей перелезть через ограду, обнимал, прижимая к забору, они занимались любовью на скамейке, испуганные, а кругом были и рычали дикие звери и кричали в темноте птицы. А они были свободны – в зоопарке полном узников.

Говорят, когда умираешь, перед тобой проходят все самые важные минуты жизни. А сейчас Стэп пытается оторваться от этих воспоминаний, мыслей, от этой сладкой боли. И вдруг понимает. Бесполезно. Все кончилось.

Он еще идет. И вдруг замечает, что сидит на мотоцикле. Решает поехать к Скелло. Вся компания собралась там на Рождество.

Друзья. Дверь открывается, и он чувствует что-то странное.

– О, Стэп, привет! Сто лет тебя не видели. С Рождеством! Мы тут в чехарду играем. Умеешь?

– Нет, спасибо, я лучше посмотрю. Пиво есть?

Сицилиец приносит ему уже откупоренную бутылку.

Они улыбаются друг другу. Что было, то быльем поросло. Он отпивает глоток. Садится на ступеньку. Работает телевизор. На фоне рождественских украшений конкурсанты в разноцветных нашлапках играют в какую-то дурацкую игру. Ведущий, тоже дурак, слишком много комментирует. Неинтересно. Из невидимого музыкального центра несутся звуки музыки. Пиво холодное, но он тут же его нагревает. Все друзья принарядились или, во всяком случае, попытались. Великоватые синие пиджаки и джинсы.

Пытаются показать свою элегантность. Кто напоказ костюм выставляет, кто – узкие бархатные брюки. Неожиданно ему вспоминаются похороны Полло. Там были все те же лица и еще многие другие. В лучшей одежде, с похоронными лицами. А теперь они смеются, прикалываются, швыряются конфетти, рыгают, поглощая огромные куски рождественского кекса. А тогда все они плакали. Они прощались с другом, искренне, прочувствованно, от сердца. Вот они стоят в церкви, мускулы ноют в тесных рубашках, лица серьезные, слушают речь священника, молча выходят. В глубине плачут убежавшие из школы девчонки. Подружки Паллины – вместе с ними она ходила на вечеринки, гуляла по ночам, пила

пиво у стойки. В тот день все страдали по-настоящему. Ни одной слезинки притворной. Глаза прятались за очками – за Ray-Ban, Web, зеркальными или темными Persol, но взгляды увлажнялись, когда они смотрели на надпись из розовых хризантем «Прощай, Полло». И подпись – «От друзей». Господи, как же плохо без него. Глаза на миг наполняются слезами. Он замечает, что кто-то ему улыбается. Мадда. Стоит в углу в обнимку с типом, которого Стэп часто видел в спортзале.

Стэп отпивает еще пива. Ему так не хватает Полло. Однажды на стоянке перед Gilda, прикинувшись, будто это их машина, обчистили одну Ferrari. Там была куча телефонов. Они шлялись всю ночь, звонили кому ни попадя: друзьям в Америку, едва знакомым девушкам, ругательствами поднимали с постели родителей. А как они ходили возвращать Джаччи собаку? Полло так уж не хотел ее отдавать...

– Ну привык уж я к Арнольду, привязался. Обалденная псина. С какого перепугу надо его отдавать этой старушенции? Спроси самого Арнольда – он бы точно остался со мной. Да ему в жизни не было так хорошо. Трахался целыми днями, жрал от пуза, чего еще?

– А вот приносить палку он так и не научился.

– Ну, еще недельку – и научится.

Стэп смеется, они жмут на кнопки домофона. Собаку оставляют привязанной за шею к воротам. Прячутся рядом, за какой-то машиной. Джаччи выбегает из подъезда, отвязывает собаку, обнимает ее. Рыдает, прижимая Арнольда к груди.

– Фу блин, как в сопливых мелодрамах, – комментирует издали Полло. И тут случается невероятное.

Джаччи снимает с собаки импровизированный поводок и выкидывает его. Арнольд спрыгивает на землю, убегает с сумасшедшим лаем. И тут же возвращается к Джаччи с веревкой в зубах, виляя хвостом – гордый тем, что выполнил задание. Полло больше не в состоянии сдерживаться. Он вываливается из-за машины и радостно вопит:

– Я знал, я знал! Получилось!

Полло попытался перехватить Арнольда. Джаччи несется к ним, вопя как резаная. Пес смотрит на своих случайных хозяев.

Стэп хватается Полло за руку и тащит к мотоциклу. И ходу оттуда – с криками, воплями, как всегда, как тысячу раз до этого. Днем и ночью, без фар, крича что есть мочи, наглые, дерзкие, хозяева жизни. И от осознания этого ему стало еще хуже. Они думали, что никогда не умрут, но так не бывает.

– Как дела?

Стэп оборачивается. Это Мадда. Прячет улыбку за краем бокала с чем-то шипучим, волосы взъерошены, глаза колючие.

– Хочешь? – протягивает ей пиво Стэп.

– Хм, – Мадда почти разочарована, но старается виду не подавать. – Что делаешь сегодня вечером? Где отмечаешь? – она подходит еще ближе.

– Не знаю, не решил еще.

– Оставайся с нами. Отметим всей толпой. Как в старые времена. Ну, решайся!

Секунду Стэп смотрит на нее. Сколько ночей, сколько страсти. Гонки с ней, сад, окно, ее тело – теплое, свежее, песни Рамаззотти. И все тот же вызывающий взгляд. Стэп смотрит на нее еще секунду. Парень на заднем плане неотступно сверлит их взглядом, он взволнован, но не знает, надо ли вмешаться. А где-то там, далеко, другая девушка – в городе, в машине, на празднике – с другим. Как же так?! Почему я не могу ее забыть? Стэп треплет Мадду по голове, улыбаясь, качает головой. Та пожимает плечами.

– Жаль.

Мадда уходит к парню с тяжелым взглядом. Когда она оборачивается, Стэпа уже нет. Только банка из-под пива на ступеньке. Из-за музыки не слышно, как хлопнула дверь. На улице холодно. Стэп поплотнее запахивает кожаную куртку. Поднимает воротник, прикрыв шею. Машинально заводит мотоцикл. Останавливается он только у дома Баби. Сидит на своей Honda, смотрит на спешащих мимо прохожих, увешанных пакетами. Парень с девушкой под ручку изображают, что заинтересовались чем-то в витрине. Их подарки наверняка, упакованные, лежат дома. Они смеются, уверенные, что выбрали правильно, и уходят, уступая место маме с дочкой: нос тот же, только возраст разный. Фьоре выходит из будки, прохаживается за воротами, машет Стэпу. И, не сказав ни слова, возвращается в тепло. «Интересно, а он знает? Глупо. Привратники всегда все знают. Он его точно видел. Он знает в лицо того, кого я только по телефону и слышал».

– Алло?

– Привет.

Она замолкает, не зная, что сказать, позволив сердцу заколотиться безудержно. Уже больше двух месяцев, как оно так не билось. И задает банальный вопрос:

– Как дела?

И тысячу других. С таким же воодушевлением. И постепенно он захлебывается в бессмысленных словах, в городских новостях, старых сплетнях – даже для него старых. Почему она позвонила? Он слушает пустую болтовню, неустанно задавая себе этот вопрос. Почему она

позвонила? И тут он узнает почему.

– Стэп... я встречаюсь с другим.

Он молчит. Ему больно как никогда еще не было. Ни от чьих кулаков, ни от каких ран, падений, ударов, укусов, прядей выдранных волос. Усилием воли он выцарапывает из глубины сердца голос и выталкивает его наружу, пытаясь овладеть собой.

– Желаю тебе счастья.

И все, дальше – тишина. Телефон молчит. Этого не может быть. Это кошмарный сон.

Стэп почувствовал, как по телу прошла обжигающая волна, он задрожал. Слез с мотоцикла и пошел пешком. Какая-то вещь в витрине привлекла его внимание. Он зашел купить. Вышел – и пронзило болью. Мимо него проехала Lancia Thema. Проехала не так быстро, и они встретились взглядами. За эту секунду они сказали друг другу все, все перестрадали, в этот миг они снова были вместе. Там, за стеклом – Баби. Всколыхнулись прежние воспоминания, налилась новая печаль. И Баби исчезла за дверью дома. За что? Где те дни, где тайные встречи по ночам, когда ее родителей не было дома? А теперь рядом с ней – вот этот. Кто он такой вообще? Зачем вперся в ее жизнь? В нашу жизнь? Почему?

Стэп сидит на мотоцикле. Ждет. И вспоминает, что ему всегда повторяла Баби:

– Я ненавижу насилие! И если ты и дальше будешь так поступать, то мы расстанемся. Я серьезно.

– Ну хорошо, я стану другим, – отмахивался он.

А что теперь? Теперь все перевернулось. Они расстались. Больше не надо прятаться. Не надо меняться. Можно быть самим собой, делать что хочешь и когда хочешь. Он свободен. Жестокий одиночка. Снова. Thema выезжает под сглабом. Ждет, пока откроется, и выезжает из ворот. Стэп заводит мотоцикл и срывается с места. Слетает с тротуара и – вдогонку за машиной. Парень теперь один, едет быстро. Стэп прибавляет газу. Ничего, на светофоре остановится. Ниже по виа Джачини большое движение, куча машин. Как обычно. Thema останавливается. Стэп, ухмыляясь, приближается к машине. Собирается слезть с мотоцикла и вдруг осознает. К чему бить ему морду, видеть, как течет кровь, слышать стоны? Зачем пинать его, разбивать ему машину, выбивать стекла, вытаскивать его за голову? Разве это вернет счастливые дни с нею, ее влюбленные глаза, ее восторг? Разве это поможет хотя бы заснуть этой ночью? Разве только одно... В ушах, кажется, звенит ее голос:

– Видишь? Так я и знала! Ты просто преступник! И всегда им будешь!

Не заглядывая в машину, он газует. Спокойно, свободно обгоняет ее, вливается в праздничный поток машин. Один – без гнева, без пристрастия.

Скорость все увеличивается, холодный ветер бьет в лицо, ночной воздух забирается под куртку.

Видишь, Баби, неправильно ты думала. Я стал другим. И, в конце концов, на Рождество все становятся добрее.

Стэп входит в дом, идет через гостиную и вдруг останавливается. Из-за стенки доносится какой-то шум, кто-то весело напевает. Он открывает дверь в кухню. Паоло стоит у плиты, хлопчет над кастрюлями.

– Ну наконец-то, я уж думал, ты не придешь. Нас ждет великолепный ужин!

Стэп садится за стол. Шутить Паоло не расположен, но настроение явно неплохое. Брат забыл о вчерашней ссоре.

– Почему это ты дома? А как же Мануэла?

– А Бог с ней. Я лучше уж с братом. Только давай договоримся так. Если вышло невкусно, очки не трогать, – вытаскивает Паоло из кармана пиджака новенькие очки. – Сколько заплатил, не скажу, а то ты опять будешь говорить, что я только о деньгах и думаю. Но под Рождество торговцы здорово наживаются, что да, то да.

Паоло ставит на стол рядом со Стэпом огромную миску салата из руколы, тертого сыра и грибов.

– Вуаля! Французская кухня!

Стэп заметил, что на брате обычный светлый фартук. Другой, в цветочек, подаренный Баби, висит у мойки. Интересно, это он специально?

– Ну, кроме шуток, почему ты не ужинаешь с Мануэлой?

– У нас сегодня что, допрос? Рождество же, радоваться надо. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Там все плохо.

– Сочувствую, – Стэп хватает щепотку сыра и отправляет в рот.

– Спасибо. Только, пожалуйста, не съешь весь салат. Иди лучше на стол накрой. Скатерти в нижнем ящике.

Стэп вытаскивает одну наугад.

– Нет, лучше красную, Она не такая грязная. И потом, Рождество все-таки. Кстати, звонили мама и папа. Хотели тебя поздравить. Позвонишь им?

– Я звонил, занято, – Стэп уходит в гостиную.

– Так позвони сейчас.

Стэп решает промолчать.

– Ну, как хочешь, я тебя предупредил.

Паоло обжигает палец, пробуя, готова ли паста. Он тоже решил не настаивать.

Они сидят друг напротив друга. Рядом мигает огнями маленькая

елочка. Телевизор включен, но звука нет, и ведущие шевелят губами под веселую музыку из музыкального центра.

– Какая паста, Паоло! Очень вкусно.

– Недосолена немного.

– А по-моему, и так хорошо.

На мгновение накатывают воспоминания. Баби всегда все досаливала. А он прикалывался над ней, потому что она клала соль во все блюда, даже не попробовав.

– Ну попробуй, а вдруг оно уже и так пересолено?

– Ты не понимаешь, мне нравится класть соль...

Милая упрямица. Нет, он не понимает. Как это можно понять? Как это случилось? Почему ее больше нет? Почему она с другим? Перед глазами проезжает та машина. Он видит их, обнявшихся внутри.

«Одно точно. Этот не сможет любить ее, как я, не сможет так обожать ее, не сумеет наслаждаться каждым ее движением, каждым изменением милого лица, лишь мне дозволено видеть, знать истинный вкус ее поцелуев, истинный цвет ее глаз. Никто другой не увидит того, что видел я. И тем более этого не увидит он. Он – настоящий, грубый, бесполезный, неотесанный». Таким Стэп рисует себе его – неспособным любить, воздерживающим только ее тела, неспособным разглядеть ее по-настоящему, понимать, уважать. «Ему не понравятся ее милые капризы. Он не станет любить ее маленькую ладошку, обгрызенные ногти, полноватые ножки, незаметную родинку. Во всяком случае, не так, как я. Хотя нет, может, и разглядит (как больно!), но никогда не полюбит. Не полюбит, как я». К глазам подступила влага. Паоло взволнованно смотрит на него:

– Гадость, да? Не ешь, если не хочешь. Есть еще второе блюдо, оно вкуснее.

Стэп поднимает лицо навстречу брату, качает головой, пытаясь улыбнуться:

– Нет, правда, вкусно, честное слово.

– Может, расскажешь мне?

– Да нет. Там все плохо.

– Хуже, чем у меня?

Стэп кивает. Они улыбаются друг другу. Смотрят друг на друга как братья, в прямом смысле слова, впервые за долгое-долгое время. Неожиданно в дверь звонят. Длинная решительная трель прорезает воздух, неся с собой радость и надежду. Стэп мчит к двери открыть.

– Привет, Стэп.

– О, Паллина, привет, – пытается он скрыть свое разочарование. –

Заходи, посиди с нами.

– Нет, спасибо, я забежала тебя поздравить. Вот, это тебе, – она протягивает ему пакетик.

– Можно, я прямо сейчас открою?

Паллина кивает. Стэп крутит его в руках, ища, где открыть, быстро разворачивает. В деревянной рамке – самый чудесный подарок, о котором он мог мечтать. Он и Полло на мотоцикле в обнимку, короткие волосы, задранные ноги, смех по ветру. Внутри что-то сжалось.

– Как красиво... Спасибо тебе.

– Господи, как же мне плохо без него.

– Мне тоже.

Только тут он замечает, во что одета Паллина. Сколько раз он видел эту джинсовку на мотоцикле позади, сколько раз хлопал по плечу – дружески, сильно, радостно.

– Стэп... можно тебя попросить?

– Конечно, что ты хочешь?

– Обними меня.

Стэп робко подходит и прижимает ее к себе. Думает о том, как она любила его друга.

– Обними меня крепче... еще крепче... Как он. Он всегда говорил – так ты не сбежишь, останешься со мной навсегда, – Паллина прижимается щекой к его плечу. – А его больше нет... – плачет она. – Я вечно буду его помнить. Он обожал тебя. Говорил, что только ты его понимаешь, что вы так похожи...

Стэп смотрит вдаль. Дверь расплывается. Он обнимает Паллину крепче, еще крепче.

– Это неправда. Он был лучше меня.

– Да... – она улыбается, шмыгая носом. Отходит от Стэпа. – Ну все, пора домой.

– Может, тебя проводить?

– Нет, не надо. Меня ждет Дема внизу.

– Передавай ему привет.

– С Рождеством тебя.

– И тебя с Рождеством.

Он смотрит, как Паллина входит в лифт. Она улыбается ему на прощанье, закрывает дверь и жмет на кнопку. Пока лифт едет, вынимает из кармана куртки пачку Camel light. Закуривает последнюю сигарету, ту самую, перевернутую «на счастье». Но выкуривает ее печально и безнадежно. Ее единственное желание, увы, невыполнимо.

Стэп уходит к себе в комнату и ставит фотографию на тумбочку, потом возвращается за стол. Рядом с его тарелкой лежит пакет.

– А это еще что такое?

– Твой подарок, – улыбается Паоло. – Разве ты не знаешь, что на Рождество обычно дарят подарки?

Стэп открывает пакет. Паоло весело смотрит на него.

– Я видел, что ты сжег все комиксы, и решил, что теперь тебе совсем нечего почитать...

Стэп разворачивает подарок. Ему смешно.

«Текс – мое имя».

Этот комикс он терпеть не может.

– Если не нравится, можно поменять.

– Да нет, Паоло, что ты. Мне правда нравится. Погоди-ка, у меня тоже есть для тебя подарок.

Он уходит и возвращается с футляром в руках. Купил, пока сидел у дома Баби. Прежде чем ее увидел. Нет, лучше об этом не думать.

– Держи.

Паоло открывает подарок. Это темные очки Ray-Ban Predator.

– Такие же, как у меня. Они очень прочные, не разобьются. Даже если их с тебя сбить, – улыбается Стэп. – Да, кстати, обменять их нельзя.

Паоло надевает очки:

– Мне идет?

– Еще как! Ты выглядишь как гангстер, прямо даже страшно.

И тут ему приходит в голову мысль – простая, красивая, забавная.

– Слушай, Паоло. У меня есть идея. Только не отказывайся. Ну, согласись один разок, ради Рождества.

Холодный ветер треплет волосы.

– Стэп, помедленнее!

– И так восемьдесят.

– В городе нельзя ездить быстрее пятидесяти.

– Да брось ты, я же знаю, тебе нравится.

Стэп наддает газу. Паоло сильнее обхватывает его. Мотоцикл быстро и тихо несется по улицам, пересекает перекрестки, проезжает на желтый. На мотоцикле – два брата в обнимку. У Паоло галстук выбился из-под пиджака и весело развевается в темноте. Сам Паоло, скрывшись за новенькими темными очками, зорко следит: не встретится ли опасность? Стэп ведет спокойно. Ветер обдувает очки. Некоторые машины поспешно перестраиваются во второй ряд перед церковью. Уверовали под Рождество.

Молитвы со вкусом рождественского кекса. На секунду и ему приходит мысль пойти, помолиться, попросить о чем-нибудь.

Но потом он спрашивает себя: «Разве Богу есть дело до такого, как я? Нет, конечно. Богу хорошо. У Него есть звезды». Он смотрит вверх, в небо. На небе выпали тысячи сверкающих звезд. Одна из них, синяя, показалась ему невероятно далекой, недостижимой. Он снова давит на газ, ветер бьет в лицо, из глаз текут слезы, и не от одного только холода. Сзади Паоло прижался еще теснее.

– Стэп, не гони так! Мне страшно!

«И мне страшно. Я боюсь грядущих дней, боюсь, что не смогу их пережить, боюсь того, чего лишился, того, что отдал в жертву ветру». Он отпускает газ. Сбавляет скорость. Ему вдруг мерещится смех Полло. Громкий, веселый. Его лицо, голос друга:

– Ну что, Стэп, оторвемся?

Выпить пива, броситься в ночь, веселые, неразлучные, жаждущие жизни, жаждущие подраться, одна сигарета на двоих, одни мечты. Стэп снова газует. Неожиданно, рывком. Паоло орет, мотоцикл встает на дыбы. Стэп мчится все быстрее, задрав переднее колесо, как в добрые старые времена, улыбаясь букету на обочине.

А где-то далеко-далеко, на диване, в красивом доме, ласкаются два обнаженных тела.

– Ты такая красивая...

Она застенчиво улыбается, все еще немножко отчужденная.

– Что это у тебя?

Легкое замешательство.

– Просто татушка.

– Это ведь орел?

– Да. – И горькая ложь. – Мы с подружкой сделали вместе.

Петух не пропел. Но печаль зашевелилась в сердце.

– Что ты плачешь?

– Не знаю...